Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 81 № 1 2022 Январь–Февраль

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993
Подписной индекс по объединенному каталогу “Пресса России” 70354

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанити* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l’Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция) акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: https://izv-oifn.ru

© Российская академия наук, 2022
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2022
© Редколлегия журнала “Известия РАН. Серия литературы и языка” (составитель), 2022

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 81 No. 1 2022 January–February

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993
Subscription code in the Catalogue of the Russian periodicals issued by "Russian Post" is 70354

The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences

Editor-In-Chief
Vadim V. Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philol.),
The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow

Editorial board
Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tatiyana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko,* **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:
Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: https://izv-oifn.ru

© The Russian Academy of Sciences, 2022

© The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022

© Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2022, Том 81, Номер 1

Лексикографическое описание специального слова в общем толковом словаре: пометы, ремарки, комментарии
С. Д. Шелов, Т. Д. Четверикова 5

Метаданные лингвистических ресурсов: история и современное состояние
А. Б. Антопольский 21

Корень $*d^{h}eh_{1}$– ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и италийских языках (на индоевропейском фоне)
К. Г. Красухин 37

Замечания о различной природе метонимии
О. П. Ермакова 51

О порядке слов в древнерусских именных группах с местоименными прилагательными (на материале прямой речи “Повести временных лет”)
В. С. Савельев 56

Мой “Анти-Бахтин” (к вопросу о научной интерпретации “фантастического рассказа” Ф.М. Достоевского “Сон смешного человека”)
С. А. Кибальник 65

“Фелица” Г.Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II
А. Д. Ивинский 74

Роман “Анна Каренина” в оценке “Русского вестника”
Н. И. Городилова 82

О переводах и переводчиках басен И. А. Крылова в Китае
Пэй Цзян 90

Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии
К. В. Брылева 96

К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI–XIII вв. (интерпретация и типология)
А. В. Шаповалов 105

Хроника конференции

XVI Международная конференция “Лицо в языке и коммуникации”
И. В. Фуфаева 114

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2022, Volume 81, Issue 1

Lexicography Description of a Special Word in a Common Explanatory Dictionary: Labels, Remarks, Commentaries
S. D. Shelov, T. D. Chetverikova 5

Metadata of Linguistic Resources: History and Current State
A. B. Antopolsky 21

The Root $*d^{h}eh_{1}$ – 'Put, Pose; Make, Act' in Old Greek and Italic on the Indo-European Background
K. G. Krasukhin 37

Remarks on the Different Nature of Metonymy
O. P. Yermakova 51

About the Word-Order in Old Russian Noun Phrases with Pronominal Adjectives (on the Material of Direct Speech in "The Tale of Bygone Years")
V. S. Savelyev 56

My "Anti-Bakhtin" (on the Issue of Interpretation of Dostoevsky's Story "The Dream of a Ridiculous Man")
S. A. Kibalnik 65

Gavriil Derzhavin's "Felitsa", J.-F. Marmontel's "Belisarius" and the Strategy of Literary Success in the Court of Catherine the Great
A. D. Ivinsky 74

The Novel "Anna Karenina" in the Assessment of the "Russkiy Vestnik" ("Russian Bulletin")
N. I. Gorodilova 82

On Translations and Translators of I. A. Krylov's Fables in China
Pei Jiang 90

Gautier Versus Verlaine: Nikolay Gumilyov's Preferences in French Poetry
K. V. Bryleva 96

On the Author Presence Forms in Old Rus' Chronicles of XI–XIII Centuries (Interpretation and Typology)
A. V. Shapovalov 105

Chronicles

The 16th International Conference "Person/Face in Language and Communication"
I. A. Fufaeva 114

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018995-0

Лексикографическое описание специального слова в общем толковом словаре: пометы, ремарки, комментарии[1]

© 2022 г. С. Д. Шелов

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
volehs@mail.ru

© 2022 г. Т. Д. Четверикова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
tchetverikova@mail.ru

Резюме. В работе рассматриваются различные способы представления информации о словах терминологического или профессионального характера в общем филологическом словаре русского языка. Обычно используются либо специальные пометы общего вида типа “спец.”, “в профессиональной речи”, либо специальные частные научно-дисциплинарные пометы вида “биол.” (биология), “лингв.” (лингвистика), “мат.” (математика), “арх.” (архитектура), “спорт.” (спортивное) и т.п.

Кроме того, в общих словарях русского языка используются и другие виды пояснений слов терминологического и профессионального характера, которые квалифицируются как ремарки (например, “В футболе:”, “В дипломатии:”, “В буддизме:”), комментарии (например, “В советское время”, “В современном употреблении”, “По спиритическим представлениям”) и некоторые другие. При этом строгого разграничения помет, ремарок и комментариев не существует не только в разных словарях, но иногда даже в одном и том же словаре.

В работе предлагается иметь в арсенале лексикографии и пометы, и ремарки, и комментарии, а также более последовательно их использовать в различных случаях.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, толковый словарь, специальное слово, термин, профессионализм, лексикографическая помета, лексикографическая ремарка.

Для цитирования: *Шелов С.Д., Четверикова Т.Д.* Лексикографическое описание специального слова в общем толковом словаре: пометы, ремарки, комментарии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 5–20. DOI: 10.31857/S160578800018995-0

[1] Краткие тезисы настоящей работы размещены в Интернете как тезисы доклада тех же авторов на VI Международной научной конференции “Культура русской речи” (Москва, 2019 г.) // https://drive.google.com/file/d/1vglj1xnbaia7ucr1gjsv2nczxysz3fj7/view

Lexicography Description of a Special Word in a Common Explanatory Dictionary: Labels, Remarks, Commentaries

© 2022 Serguey D. Shelov

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str., Moscow, 119019, Russia
volehs@mail.ru

© 2022 Tatyana D. Chetverikova

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str., Moscow, 119019, Russia
tchetverikova@mail.ru

Abstract. The paper deals with various ways of presenting information about words of a terminological or professional nature in a common philological dictionary of the Russian language. Usually, either particular labels of general type such as “spec. (special)”, “in professional speech”, or specific labels for particular science or discipline such as “biol.” (biology), “lingv.” (linguistics), “mat.” (mathematics), “arch.” (architecture), “sport.” (sports), etc. are used.

In addition, in a common dictionaries of the Russian language, other types of explanations of a terminological and professional words are used (for example, remarks like “In football:”, “In diplomacy:”, “In Buddhism:”), commentaries (for example, like “In Soviet times”, “In modern use”, “According to spiritualistic ideas”) and some others. At the same time, there is no strict distinction between labels, remarks and commentaries, not only in different dictionaries, but sometimes even in the same dictionary.

In the work it is proposed to have in the arsenal of lexicography at least three different explanations – labels, and remarks, and commentaries – and to use them more consistently in various cases.

Key words: Russian language, lexicography, explanatory dictionary, special word, term, professionalism, lexicographic labels, lexicographic remark.

For citation: Shelov, S.D., Chetverikova, T.D. *Leksikograficheskoe opisanie special'nogo slova v obshchem tolkovom slovare: pomety, remarki, kommentarii* [Lexicography Description of a Special Word in a Common Explanatory Dictionary: Labels, Remarks, Commentaries]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 5–20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018995-0

В толковых словарях русского языка традиционно содержится лексика, представляющая собой своеобразный переход от сугубо специальной терминологической и профессиональной лексики к общему словарному фонду русского языка. Эта специальная лексика получила в русском языке достаточное распространение, активно используется в средствах массовой информации, в художественной литературе, в публицистике и т.д. Одна из программных статей в этой области Ф.П. Сороколетова начинается словами: “Ни один словарь общелитературного языка не может обойтись без включения в свой состав многочисленных терминов, употребляемых в тех или иных специальных сферах” [1, с. 126]. В то же время она обладает рядом особенностей по сравнению с обычной, общей лексической частью русского языка, и потому ее лексикографическое описание в толковых филологических словарях вызывает значительные трудности, касающиеся ее включения или невключения в словник этих словарей, ее толкования, ее “привязки” с помощью помет и ремарок к той или иной дисциплине, области знания или профессии, указаний на степень ограничения в использовании и т.д., см., например, работы [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12]; [13].

Если говорить о таком приеме лексикографического описания специальной лексики, как помета, то наиболее полная историческая картина

использования различных помет в толковых словарях русского языка представлена в монографиях [4]; [5]. В них содержится обзор применения помет на широком материале основных толковых словарей русского языка, охватывающий нормативно-стилистические, экспрессивно-оценочные и представляющие для нас особый интерес так называемые специальные пометы, относящиеся главным образом к терминологической и профессиональной лексике. В этих работах содержатся списки привлекаемых к анализу основных словарей советского периода и их изданий, приводятся списки собственно используемых в них помет (для многотомных словарей и переизданий словарей списки помет иногда менялись, и это обстоятельство также указывается в этих работах), представлены группы этих помет по классам наук и тематическим группам (естественные, гуманитарные, точные науки и т.п.), анализируются тенденции увеличения или, наоборот, сокращения состава этих помет во времени.

Задачи настоящей работы более скромные: авторы стремились оценить использование только так называемых специальных помет при лексикографической подаче слов терминологического и профессионального характера и возможности более последовательного их применения. Этому вопросу, в частности, посвящена обстоятельная статья [12], в которой сделан обзор некоторых авторитетных отечественных толковых словарей русского языка в отношении использования (а иногда и неиспользования) в них помет и ремарок, в частности в словарях [14]; [15]; [16]; [17]. При этом автор придерживается следующих представлений о содержании самих лексикографических терминов “помета” и “ремарка”: «Помета занимает в словарной статье отведенную ей позицию (например, перед толкованием), выражена в виде сокращенной записи (*Биол., Мат., Радио* и т.д.), часто выделена графически курсивом и пунктуационно отграничена от толкования (точкой, скобками). Ремарка (или, иначе, ввод) также позиционно закреплена (предшествует собственно толкованию), всегда имеет развернутую форму выражения (“В древнерусской архитектуре”, “В легкой атлетике” и т.д.) и отделена от самого толкования двоеточием или тире» [12, с. 256][2]. Тот же автор отмечает и количество, и качество всех случаев описания специальной лексики терминологического и профессионального характера в общем словаре, подчеркивая важность этого вопроса. Так, по его подсчетам, количество использования специальной лексики терминологического или профессионального характера или общей лексики, но в специальном значении (т.е. фактически случаев использования помет или ремарки), в толковом словаре русского языка [16] составляет около 9000 [12, с. 255], что представляется весьма значительным словарным материалом. Что же касается качества использования помет, то автор отмечает не только разнообразие использования помет и ремарок, а также способов их оформления в разных широко известных словарных изданиях, но и непоследовательность применения этих элементов даже внутри одного издания [12, с. 262–263]. К весьма критическим выводам относительно использования различных пояснений специальной лексики в толковых словарях русского языка приходит также и О.Н. Емельянова [2]; [4]. Так, в своей статье она делает следующий вывод: “Строгой унификации в их употреблении (ремарок и комментариев – *С.Ш., Т.Ч.*) не существует. Даже в пределах одного словаря стилистически однородная информация подается по-разному. Имеются многочисленные случаи неоправданного, на наш взгляд, дублирования, с одной стороны, комментариями / ремарками друг друга, с другой – дублирования комментариями и ремарками стилистических помет (как основного средства функционально-стилистической характеристики словарного состава языка во всех толковых словарях)” [4, с. 126].

Возвращаясь еще раз к этому вопросу, мы хотели бы уточнить имеющиеся решения на материале лексики профессионально-терминологического характера, включенной в широко известные общие толковые словари русского языка, в частности в изданиях [14]; [15]; [16]; [17]; [18]; [19]; [20]; [21]. При этом, как отмечалось выше, более всего нас будут интересовать вопросы повышения систематичности и последовательности использования помет при лексикографическом описании лексики профессионально-терминологического характера в общих толковых словарях.

В первой части настоящей работы исследуется сама терминология пояснений лексики профессионально-терминологического характера, включенной в словарь, – имеются в виду номинации типа “помета”, “ремарка”, “комментарий” и т.п., как они объясняются в текстах введений, предисловий, разделов “Структура словаря” упомянутых изданий. Во второй части анализируется

[2] Следует обратить внимание на отмеченную автором “развернутую форму выражения”. Действительно, произвольно выбранный значок или символ вряд ли можно назвать “ремаркой” и тем более “комментарием”, а пометой – легко. К этому вопросу мы вернемся в данной статье ниже.

использование соответствующих пояснений в конкретных словарных статьях из привлекаемых к изучению широко известных словарей [16] и [17][3]. В третьей части предлагается уточнение соответствующих обозначений и их применения при описании включаемой в толковый словарь лексики профессионально-терминологического характера.

I.1. Одним из известнейших толковых словарей и первым завершенным словарем советского периода российской лексикографии является четырехтомное издание “Толкового словаря русского языка” под редакцией Д.Н. Ушакова [20]. В разделе словаря “Как пользоваться словарем” сообщается: “Принадлежность слова к специальной сфере употребления обозначается пометами, указывающими на ту или иную область науки, техники, производства и т.п., напр.: биол., метал., плотн. и др.” [20, с. XXV–XXVI]. Там же, среди помет, указывающих на разновидности письменной речи, говорится о пометах “науч.” (научное), “тех.” (техническое) и “спец.” (специальное). Первая означает “свойственно научному языку”. “Помета, – согласно тому же разделу словаря, – ставится в том случае, когда термин применяется одновременно в разных отраслях науки. Иначе ставятся точные пометы: бот., физ., мат. и т.п.”. Вторая означает “применяется только в специально-технических языках, обозначая те или иные процессы, предметы и явления из области техники” и, наконец, третья означает: “свойственно специальным языкам, связанным с каким-нибудь производством, с какой-нибудь профессией и т.п.”. Третья помета ставится в тех случаях, когда слово относится сразу к сфере нескольких специальностей или когда трудно было точно указать специальность. Иначе ставятся точные пометы: плотн., сапож., банк и т.п. [20, с. XXVII].

Таким образом, часть лексикографического представления, например, слов *диалект, генезис, готовальня, гузка 2, заесть 3, салазки 2, себестоимость, фахверк* в словаре Д.Н. Ушакова выглядит следующим образом:

ДИАЛЕ́КТ... Местное наречие, говор (лингв.);

ГЕНЕ́ЗИС... (науч., филос.). Происхождение, возникновение;

ГОТОВА́ЛЬНЯ... (тех.). Набор чертежных инструментов, заключенный в специальный футляр;

ГУ́ЗКА... 2. Лишний конец, хвостик у литеры, получившийся при отливке (тип.);

ЗАЕ́СТЬ... 3. Защемить, затереть, мешая движению (мор., спец.);

САЛА́ЗКИ... 2. Подвижная, скользящая деталь некрых машин и аппаратов, по внешнему виду напоминающая такие санки (тех.);

СЕБЕСТО́ИМОСТЬ... (экон.). Сумма затрат, произведенных предприятием при производстве или приобретении товара;

ФАХВЕ́РК... (спец.). Сооружение, состоящее из деревянного или железного остова, каркаса, с промежутками, заложенными кирпичом.

В связи с разграничением помет “спец.”, “науч.” и “тех.” Г.Н. Скляревская отмечает: «Сам принцип размежевания официальной терминологии и разговорных профессиональных обозначений был плодотворным и свидетельствовал о тонких стилистических дифференциациях, принятых в этом словаре. Однако на практике он применялся непоследовательно, и аналогичная профессиональная лексика маркировалась разными пометами: *отжим, отбраковать, пошивочный, давило* – “пресс”, *шкурка* “наждачная бумага” – “спец.”; *прошва, убоина* – “спец. и прост.”; *высидка, забелка, забивка, затирка, изготовка* – “прост.”. Кроме того, для технических обозначений (также разговорного характера: *салазки, кулак, коза* “вагонетка” и т.п.) употреблялась еще одна помета – “тех.”. В последующих словарях пометой “спец.” маркируются недифференцированно и термины, и профессионализмы. Это привело к серьезным теоретическим противоречиям...» [8, с. 89].

Таким образом, различие в формулировках, которое в дальнейшем связывается с пометами и ремарками, в издании [20] не проводится, и все пояснения относятся к пометам. В то же время, как подчеркивает Л.П. Крысин, в этом словаре “разработана достаточно подробная система помет, позволяющая читателю правильно употреблять слово с точки зрения стиля, определены сферы употребления слов”[4], и, оценивая словарь в целом, он же констатирует: «В конце 40-х годов XX века и позднее “Толковый словарь русского языка” под редакцией Д.Н. Ушакова переиздавался неоднократно. На него ориентировались и составители более поздних по времени словарей. Он и сейчас остается образцом лексикографического труда» [7, с. 82–83].

[3] Изучение материалов именно изданий [16] и [17] объясняется их широкой популярностью, завершенностью и учетом их опыта при создании других толковых словарей. Многие вопросы и замечания, которые возникают при анализе имеющихся в этих словарях помет, возникают также и при анализе помет и ремарок других общих филологических словарей русского языка.

[4] По данным исследования [5, с. 408–416, приложение 8], в [20] имеется около 70 специальных помет.

I.2. Следующим по времени выхода в печать толкового словаря русского языка следует, по-видимому, упомянуть Словарь русского языка С.И. Ожегова, первое издание которого состоялось в 1949 г. Неоднократно переиздававшийся, он лег в основу серии словарей С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, первое издание которого появилось в 1992 г. В различных изданиях состав включаемой в эти словари специальной лексики иногда значительно менялся, но сам способ указания на сферу употребления специального слова сохранялся. Так, для лексики терминологического и профессионального характера специализированные пометы, фиксирующие область знания или деятельности, в рамках которой функционирует специальное слово, не используются, чаще всего это делается с помощью обобщенной пометы “Спец.”, а указание на более конкретную область знания формулируется как раз в виде ремарки, например:

ВСЕНОЩНАЯ... У православных: церковная предпраздничная вечерняя (иногда продолжающаяся и ночью) служба;

МЕДИАНА... В математике: отрезок прямой линии...;

МОРФЕМА... В языкознании: минимальная ... часть слова ...[5].

Интересно, что сами термины “ремарка” и “комментарий” в предисловиях к различным изданиям словарей С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, как и в изданиях словаря [20], вообще не употребляются, а термин “помета” используется весьма активно. Так, например, в разделе “Сведения, необходимые для пользующихся словарем” 4-го издания словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [17] он используется десятки раз. При этом им обозначаются самые разные характеристики слова – и стилистические (например, “книжн.”, “высок.”, “разг.” и др.), и исторические (например, “стар. (старое)”, “устар. (устаревшее)”), и частеречные пометы (например, “нареч. (наречие)”, “числит. (числительное)”, “мест. (местоимение)”, “предлог”, “союз” и т.п.) и другие, а также особо интересующая нас помета “спец.”.

Следовательно, отсутствие термина “ремарка” не означает, что подобные пояснения не встречаются в Словаре [17]. Кроме того, помимо термина “помета”, здесь используются и некоторые описательные выражения. Так, в том же предисловии сообщается: “Сфера употребления, одновременно служащая и уточнению значения слова, определяется также помещением перед толкованием **различного рода пояснений** (выделено нами. – *С.Ш., Т.Ч.*), напр.: в математике, в народной словесности, в сказках, в старину, в царской России, в христианском вероучении, по религиозным представлениям” [17, с. 8]. Далее в том же предисловии читаем: “Одни иноязычные по происхождению слова проникли в широкое народное употребление, закрепились в нём и не имеют поэтому равноценного русского по происхождению слова, которым целесообразно было бы заменить иноязычное. Другие – свойственны лишь узким сферам употребления, специальной терминологии, книжному стилю. При всех таких словах стоят соответствующие пометы или **специальные пояснения** (выделено нами. – *С.Ш., Т.Ч.*), характеризующие сферу их употребления” [17, с. 10]. Таким образом, помимо помет используются и “специальные пояснения, характеризующие сферу употребления” тех или иных слов.

I.2.1. Для целей настоящей работы представляет интерес монография [22], особенно ее раздел «“Окказиональные” пометы в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова. К определению места безэквивалентной и фоновой лексики в современном русском литературном языке». На материале пояснений ряда слов в словаре С.И. Ожегова (используется третье издание этого словаря, вышедшее в 1953 г.) авторы решают задачу хотя бы примерно определить количество лексики в русском языке, “семантика которой особенно нагружена национально-культурным содержанием” [22, с. 204]. Для ее выявления анализируется лексика, в толковании которой имеются пояснения типа “В библейской мифологии”, “В древнегреческой мифологии”, “В мистическом учении буддистов”, “В народной поэзии”, “В народных обрядах”, “В России и в СССР”, “В сказках”, “В средневековых поверьях”, “В Средней Азии”, “В старину”, “В старой России”, “В христианской мифологии”, “В царской армии”, “В царской России”, “В царствование Ивана Грозного”, “По библейской легенде”, “При Петре I”, “У католиков”, “У магометан”, “У суеверных людей” и др. Подобные пояснения авторы обобщенно квалифицируют как “окказиональные” пометы[6]. Число таких помет составляет, по-видимому, несколько десятков, а число лексических единиц, описание которых использует эти пометы, составляет,

[5] Л.П. Крысин видит основное различие в использовании помет в толковых словарях и словарях иностранных слов в том, что «общие толковые словари нередко ограничиваются пометой “спец.”, <...> а в словарях иностранных слов обычно используется система дифференцирующих помет» [6, с. 59].

[6] Мы отвлекаемся здесь от вопроса о том, являются ли эти пояснения частью толкования или, выполняя другие функции, находятся вне его.

согласно данным этого исследования, около полутора тысяч [22, с. 215]. Характерно, что среди выводов этого раздела монографии имеется и утверждение о том, что окказиональные пометы даны в словаре С.И. Ожегова “крайне непоследовательно” [22, с. 209], что перекликается с критическими суждениями в статьях [2]; [4]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что некоторые из лексикографических пояснений к словам, которые Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют “окказиональными” и “несистемными” пометами, в других изданиях, в частности в словарях [19]; [21], которые будут рассмотрены ниже, именуются не “пометами”, а “ремарками”, “комментариями”, “конкретизаторами”[7].

I.3. Длительную лексикографическую традицию словарей русского литературного языка в советское время продолжил Словарь современного русского литературного языка в 17 томах [14]. Во введении к первому тому словаря говорится: “Из терминов разных областей знания и техники включаются в Словарь те, которые более или менее вошли в общий язык, употребляются в книгах широкого обращения без пояснительных примечаний. Так, подлежат включению в Словарь, например, следующие слова: *вегетативный, соцветие* (бот.), *амфибия, инфузория, предсердие* (зоол. и анат.), *бархан, изотермы, пассаты* (геогр.), *агат, берилл, авантюрин* (минер. и геол.), *галоиды, гелий, валентность* (хим.), *бином, логарифм, тангенс* (матем.), *автоклав, конденсация, виппер* (техн.), *волосность, теплоемкость* (физ.)” [14, с. VI]. И далее в том же введении сообщается: “Слова-термины сопровождаются указаниями на соответствующую область их употребления: *Бот.* (ботаническое), *Медиц.* (медицинское), *Техн.* (техническое) и т.п.” [14, с. XIII]. В словаре квалификация различных помет как “ремарок” или “комментариев” также не используется.

Однако пометы различных наук или дисциплин используются только в трех первых томах[8]. Начиная с четвертого тома авторы отказались от этого словарного инструмента, заменив все подобные пометы одной-единственной пометой “Спец”. Составители объясняют такой решительный поворот в лексикографическом описании слова следующим образом: “... терминология часто принадлежит разным областям знаний и техники, так что нередко бывает трудно приурочить тот или иной термин к определенной области. Вследствие этого Словарь для подобной терминологии сохраняет одну помету *спец.*, т.е. специальное слово, отказываясь точнее приурочивать то или иное слово к терминологии морской, авиационной, военной и т.п. Подобная приуроченность, если она возможна или необходима, достигается самим толкованием слова” [14, т. IV, с. 4–5].

В предисловии к первому тому второго издания словаря [18] утверждается, что “в целом сохраняется система помет, принятая в первом издании”. Однако в отношении лексики профессионально-терминологического характера, на наш взгляд, она все же существенно изменена, а именно: введены указания, отсутствующие ранее, а) “В проф. речи” (т.е. в профессиональной речи) и б) “В речи моряков (медиков, спортсменов, охотников и т.п.)”. Как пишут авторы, “эти комментарии используются для характеристики слов (вариантов слов) и выражений, не являющихся строго терминологическими, но свойственных речи каких-либо социальных групп, например: **БАНИТЬ...** В речи военных – чистить банником канал ствола артиллерийского орудия; **БАНКА...** В речи моряков, рыбаков – доска для сидения гребцов в лодке; **БАРАШЕК...** В проф. речи – гайка с двумя ушками или дужкой, позволяющими завинчивать ее вручную; **БЕЗДЫМКА...** В речи охотников – бездымный порох; **БЫЧОК...** В проф. речи – промежуточная щитовая стойка плотины” [18, с. 11][9]. Так, эти изменения (при сохранении помет, касающихся лексики профессионально-терминологической тематики) заключаются во введении пояснений относительно разговорной, речевой формы ее существования (ср.: “В речи...”, “В профессиональной речи...”), и, кроме того, такие пояснения здесь трактуются как “комментарии”. Последующее издание словаря [15] в отношении использования помет и комментариев занимает те же позиции. Таким образом, в изданиях [18] и [15] используются и помета “Спец.”, и пояснения типа “В грамматике – ...”, “В математике – ...”, “В медицине – ...” и т.п., которые часто квалифицируются как ремарки, и, кроме того, комментарии типа “В профессиональной речи” и “В речи ... (моряков, медиков, спортсменов, охотников и т.п.)”. Выбор конкретного способа подачи специальной лексики, как представляется, не всегда может быть понят: почему, например, слово *абулия* трактуется с помощью ремарки “В медицине” таким образом:

[7] Естественно, что в монографии [5, приложение 8] в качестве специальной пометы, используемой в словаре С.И. Ожегова, указывается единственная помета *спец.*

[8] Согласно уже упомянутому источнику [5, приложение 8], в этих трех томах использовано также 70 помет.

[9] Заметим, что вопрос о том, почему слова *банить, банка, барашек, бездымка, бычок* “не являются строго терминологическими”, остается не вполне ясным.

АБУЛИЯ... В медицине – ...,

а слово *анамнез* – с помощью пометы *Спец.* таким:

АНАМНЕЗ ... *Спец.* Совокупность медицинских сведений...?

I.4. Наиболее детально пометы, указывающие на специальные области применения слова, разработаны в четырехтомном словаре [16], первое и второе издание которого вышли из печати соответственно в 1957–1961 и в 1981–1984 гг. (последующие издания – стереотипные). Общее количество научных и профессиональных областей знания (и, соответственно, помет) достигает 77, и среди них, например, *анат.* (анатомия), *арх.* (архитектура), *астр.* (астрономия), *бот.* (ботаника), *бухг.* (бухгалтерия), *иск.* (искусство), *ист.* (история), *пед.* (педагогика), *рел.* (религия) и др., причем пометы эти относятся не только к заглавному слову в целом, но и к отдельным значениям этого слова, к разным оттенкам значения слова, к устойчивым словосочетаниям терминологического характера, в состав которых входят те или иные заглавные слова и т.п. (детали см. в работе [11]). В вводном разделе этого словаря, озаглавленном “Как пользоваться словарем”, отмечается: “Особую группу составляют пометы, указывающие специальную область применения слова. Они указывают на то, что слово применяется только (или преимущественно) в определенной области науки, техники, искусства, ремесла и т.д.: *астр.* (астрономия), *бакт.* (бактериология) и т.д. (см. список условных сокращений). В том случае, когда слово, сохраняя свой терминологический характер, употребляется в нескольких областях, при нем даются две пометы, например:

АБСОРБИ́РОВАТЬ, *-рую, -руешь*; *сов.* и *несов., перех.* и *без доп.*

Физ., хим. Поглотить (поглощать), всосать (всасывать).

Если слово, имеющее специальный характер, употребляется в ряде областей, а также если затруднительно определить узкую сферу его употребления (причем оно не имеет широкого распространения в литературном языке), при нем (или при его значении) ставится помета, имеющая общее значение, *спец.*, т.е. специальное слово (или значение), например:

БАЛА́НС, -а, *м.*, *собир. Спец.* Лесной материал в виде коротких бревен, используемый для бумажного производства и выработки целлюлозы.

ЗАМЕ́РИТЬ, *-рю, -ришь*; *сов.*, *перех.* (*несов.* замеря́ть и замеривать). *Спец.* Произвести измерение чего-л.” [16, с. 10].

I.5. Необычно решение вопроса о пояснениях к заголовочному слову в словаре [21], в котором описывается лексика русского языка периода 1985–1997 гг. в объеме 5500 слов и выражений, отражающих практически все сферы современной жизни. В словаре имеется несколько рядов помет – функциональных, стилистических, эмотивных и оценочных, помет, имеющих запретительный характер, и также отражающих эвфемистический (*эвфем.*) или окказиональный (*окказ.*) характер слова. Как отмечают авторы, помимо них “в словаре используются семантические комментарии и конкретизаторы”[10], в числе которых авторы приводят “В советск. время”, “В современ. употр.”, “В информатике”, “В астрологии” и др. [21, с. 22]. В числе комментариев и конкретизаторов оказываются и пояснения типа “В буддизме”, “В христианстве”, “В индуизме”, “В философии”, “В физике” [21, с. 22]. Нетрудно видеть, что к комментариям и конкретизаторам относятся пояснения весьма различного характера, что приводит к такой, например, пестрой картине (шрифтовые выделения авторов словаря):

МЕДИУМ, *а, м.* По спиритическим представлениям: посредник между людьми и миром духов (умерших);

ПАКЕТ, *а, м.* 2. *В информатике.* Набор взаимосвязанных программ;

ОВЕН, овна, *м.* 2. *В астрологии.* Человек, родившийся под этим знаком;

ПОКАЯНИЕ, *я, ср.* В христианстве: одно из семи таинств – признание перед священником своих грехов с искренним желанием отказаться от них.

Особо отметим, что особенностью словаря [21] оказывается специфическая формулировка привязки слова к научным дисциплинам и областям знания: в нем соответствующие традиционные пометы поданы как комментарии (или конкретизаторы) – не “Инф.”, а “В информатике:”, не “Филос.”, а “В философии:”, не “Физ.”, а “В физике:” и т.п.

I.6. Как отмечает главный редактор “Большого толкового словаря” С.А. Кузнецов, словарь “в известной степени можно назвать преемником двух основных академических словарей, изданных в СССР” [19, с. 4], при этом имеются в виду упомянутые выше [16] и [18]. Для обозначения различных функционально-стилистических характеристик слова и пояснений в разделе “Общие сведения о словаре и структуре словарных статей” словаря [19] используются все три упомянутые ранее номинации – “помета”, “ремарка”,

[10] К сожалению, трудно установить, какие именно из пояснений являются комментариями, а какие – конкретизаторами.

“комментарий”. Содержание обозначения “помета” достаточно привычно, например, для помет *физиол.* и *театр.* имеем:

БЛОКАДА... 3. *Физиол.* Прекращение или нарушение деятельности какого-л. органа, системы в результате отсутствия необходимых для их нормальной работы нервных импульсов, гормонов и т.п.;

РАМПА... *Театр.* Осветительные приборы, установленные вдоль авансцены и скрытые от зрителей низким бортиком[11].

Среди стилистических помет числится и помета “Спец.” (специальное), как указывается, “для слов-терминов с широкой сферой употребительности” [19, с. 15]. Применяется также и помета “Проф.” (профессионально-разговорное) – “для слов, употребляющихся в сфере профессионального общения” [19, с. 15] (заметим, что такое разграничение не вполне удачно, так как вся терминология чаще всего тоже “употребляется в сфере профессионального общения”, однако указание на разговорный характер слова, по-видимому, хорошо поясняет суть дела). Кроме помет “Спец.” и “Проф.”, в словаре используются и ремарки (энциклопедические ремарки), примерами которых в том же разделе словаря служат пояснения типа:

АВГУР... 1. В Древнем Риме: жрец, толковавший волю богов, предсказывающий будущее по поведению птиц (крику, полёту и т.п.).

АВРОРА... 1. В древнеримской мифологии: богиня утренней зари (изображается юной крылатой девушкой, появляющейся из морской пены на колеснице; соответствует древнегреческой Эос). 2. В поэзии 19 в.: утренняя заря.

Ремарки в этих случаях, согласно авторам, “уточняют время, место, условия и т.п. бытования данного понятия (слова)” [19, с. 16]. Наконец, в этом же словаре используются и служащие целям уточнения комментарии (лексико-семантические комментарии), которые “проясняют сочетаемостный ряд, конкретизируют тематический круг слов, к которым приложимо данное понятие, определяют качественные, количественные и т.п. ограничения на значение слова и обогащают толкование указанием на слово, противоположное по смыслу”; в качестве примера подобных комментариев авторы приводят следующие:

АФЕЛИЙ... Наиболее удалённая от Солнца точка орбиты вращающегося вокруг него небесного тела (ср. перигелий);

БЕСПРИНЦИПНЫЙ... Не имеющий моральных принципов, убеждений (противоп.: принципиальный);

НАРКОТИКИ... Сильнодействующие вещества, вызывающие в малых дозах эйфорию, в больших – наркотический сон (используются в медицине как болеутоляющие и снотворные средства) и др. [19].

Следовательно, в издании [19] его составители используют и пометы, и ремарки, и комментарии, при этом пометы ориентированы на привязку слова профессионально-терминологического характера к научной дисциплине или области деятельности, а ремарки и комментарии – на решение других задач.

II. Обратимся теперь к практике использования помет и ремарок непосредственно в словарных статьях изданий [16] и [17].

II.1. В словаре [17], как отмечалось выше, специализированные пометы, указывающие на различные науки и области знания (*Биол., Мат., Филос., Геогр., Психол.* и др.), не применяются, но активно используются ремарки. Бросаются в глаза чрезвычайно многообразные и в то же время разнородные функции ремарок в данном словаре, ср.:

II. 1.1. АРТИКУЛЯЦИЯ. В языкознании: работа органов речи при произнесении звука.

II.1.2. АССИМИЛЯЦИЯ 2. В языкознании: уподобление, возникновение сходства с другим, соседним звуком, напр. произнесение вместо звонкого *б* в слове “бабка” глухого звука *п* [бапка] в результате уподобления по глухости следующему *к*.

II.1.3. ДЕЗАВУИРОВАТЬ. В международном праве: объявить (-влять) о несогласии с действиями доверенного лица (дипломатического представителя) или о лишении его права действовать в дальнейшем от имени своего правительства.

II.1.4. ИНТЕРНИРОВАТЬ [*тэ*] (спец.). **1.** В международном праве: лишить (-шать) свободы передвижения и выхода из пределов страны (иностранцев, граждан или суда воюющей страны впредь до окончания войны), а также принудительно задержать (-живать) войска, вступившие на территорию нейтрального государства.

II.1.5. МОРФОЛОГИЯ (*спец.*). **1.** В естественных науках: учение о форме и строении организмов или минералов, почв.

II.1.6. ТЕКСТ 3. В полиграфии: основная часть печатного набора (без иллюстраций, чертежей, таблиц).

II.2.1. ЖГУТИК 2. У низших организмов: орган передвижения в виде нитевидного выроста (спец.).

II.2.2. КАПЮШОН 2. У кобры: верхняя часть туловища, при опасности раздуваемая ею в виде диска (спец.).

II.2.3. МИМИКРИЯ (спец.). У нек-рых животных и растений: сходство окраски и формы с окружающей средой, способствующее им в борьбе за существование.

[11] Всего в данном словаре, согласно работе [5, приложение 8], имеется 69 помет.

II.2.4. НАДХВОСТЬЕ (спец.). У птиц: часть оперения на спине около хвоста.

II.2.5. СПОНДЕЙ (спец.). В ямбе и хорее: утяжелённая стопа из двух ударных слогов.

II.3.1. ВЫСЕМЕНИТЬСЯ (спец.). О растениях: созрев, осыпать семена.

II.3.2. ДВУДОМНЫЙ (спец.) О растениях: обладающий цветками обоего пола (пестичными и тычиночными), расположенными на разных особях.

II.3.3. ЖИРОВАТЬ 2. О диких животных: нагуливать жир, кормиться или отдыхать в сытом состоянии (спец.). **3.** О растениях, побегах: разрастаться в ущерб развитию плодов (спец.).

II.3.4. ЛИЦЕВОЙ 3. О старинных рукописях: иллюстрированный, с миниатюрами (спец.).

II.3.5. ОСАЖДАТЬСЯ 3. Об атмосферных осадках: падать на землю (спец.).

II.3.6. СИЛЛАБИЧЕСКИЙ (спец.). О стихе: основанный на определённом количестве слогов независимо от расположения ударений в словах.

II.4.1. ЛЕЧЕБНИК[2] (разг.; в речи медиков). Врач-терапевт.

II.4.2. ГРАЖДАНКА 2. В речи военных: невоенная, гражданская жизнь (прост.).

II.4.3. Груз "двести", груз 200 – в речи военных: отправляемый в тыл гроб с телом погибшего.

II.4.4. ЗЕМЛЯ... *Большая земля* (материк или берег материка в речи мореплавателей, жителей острова).

II.4.5. ПРАВИ́ЛО 4. В речи охотников: хвост (собаки, волка, лисицы).

II.4.6. СТАРИНА. В речи сказителей: эпическое сказание, былина.

В самом деле, в примерах II.1.1.–II.1.6. текст ремарки, предшествующий знаку ":" (двоеточия), фактически выражает область знания, в рамках которого используется лексикографируемое слово в данном значении ("В языкознании", "В международном праве", "В естественных науках", "В полиграфии"); в примерах II.2.1.–II.2.5. функция ремарки совершенно другая – обозначение части (или свойства) номинируемого объекта ("у низших организмов", "у кобры", "у некоторых животных и растений", "у птиц"); в примерах II.3.1.–II.3.6. ремарка, раскрывая ограничения в сочетаемости названного процесса или свойства, выражает соответствующий актант или носителя свойства ("о растениях", "о диких животных", "о растениях, побегах", "о старинных рукописях", "об атмосферных осадках", "о стихе"); наконец, в примерах II.4.1.–II.4.6. ремарка фиксирует метаязыковую информацию об использующих соответствующую номинацию в языке, причем, как правило, в разговорной его разновидности ("В речи медиков", "В речи военных", "В речи мореплавателей").

Подобная разнородность, гетерогенность применения ремарки вряд ли целесообразна. Предпочтительнее предварительное разграничение помет и ремарок и использование помет в одной функции, а ремарок – в другой. Заметим, что приведенные выше примеры II.1.1.–II.1.6. без каких-либо существенных изменений (кроме уточнения тематической области) вполне могли бы не использовать ремарку и выглядеть так:

II.1.1′. АРТИКУЛЯЦИЯ *Лингв.* Работа органов речи при произнесении звука.

II.1.2′. АССИМИЛЯЦИЯ 2. Уподобление, возникновение сходства с другим, соседним звуком, напр. произнесение вместо звонкого *б* в слове "бабка" глухого звука *п* [бапка] в результате уподобления по глухости следующему *к* (*лингв.*).

II.1.3′. ДЕЗАВУИРОВАТЬ *Юр.* Объявить (-влять) о несогласии с действиями доверенного лица (дипломатического представителя) или о лишении его права действовать в дальнейшем от имени своего правительства.

II.1.4′. ИНТЕРНИРОВАТЬ [*тэ*] **1.** Лишить (-шать) свободы передвижения и выхода из пределов страны (иностранцев, граждан или суда воюющей страны впредь до окончания войны), а также принудительно задержать (-живать) войска, вступившие на территорию нейтрального государства (*юр.*).

II.1.5′. МОРФОЛОГИЯ (*спец.*). **1.** Учение о форме и строении организмов или минералов, почв (*биол., хим.*).

II.1.6′. ТЕКСТ 3. Основная часть печатного набора (без иллюстраций, чертежей, таблиц) (*полигр.*).

Интересно, что когда в издании [17] описанию подлежит словосочетание, ремарка не используется, а применяется только помета "спец.", ср.:

II.5.1. Красная строка 2) заголовочная строка, имеющая с обеих сторон равные отступы (спец.).

II.5.2. Лунные моря (спец.) – большие и тёмные, почти плоские, углублённые участки поверхности Луны.

II.5.3. Открытое море (спец.) – морское пространство за пределами территориальных вод какого-н. государства.

II.5.4. Закрытое море (спец.) – морское пространство, представляющее собой территориальные воды какого-н. государства.

II.5.5. Физическое лицо (спец.) – правоспособный человек.

II.5.6. Юридическое лицо (спец.) – самостоятельная организация, обладающая имущественными и другими гражданскими правами и обязанностями.

Хотя теоретически, по аналогии с примерами II.1.1.–II.1.6., здесь могло бы и, скорее всего, должно было бы быть:

II.5.1′. Красная строка 2) В языкознании, полиграфии: заголовочная строка, имеющая с обеих сторон равные отступы (спец.).

II.5.2′. Лунные моря (спец.). В астрономии: большие и тёмные, почти плоские, углублённые участки поверхности Луны.

II.5.3′. Открытое море (спец.). В морском деле, в праве: морское пространство за пределами территориальных вод какого-н. государства.

II.5.4′. Закрытое море (спец.) – В морском деле, в праве: морское пространство, представляющее собой территориальные воды какого-н. государства.

II.5.5′. Физическое лицо (спец.) – В праве: правоспособный человек.

II.5.6′. Юридическое лицо (спец.) – В праве: самостоятельная организация, обладающая имущественными и другими гражданскими правами и обязанностями.

Однако на практике этого не происходит и описание специальных словосочетаний терминологического и профессионального характера строится по типу II.1.1′.–II.1.6′., а не по типу II.1.1.–II.1.6.

Аналогично вышесказанному можно было бы следующим образом трансформировать лексикографическое оформление специальной лексики из второй группы примеров, совершенно не меняя его содержание, но не прибегая к использованию ремарки, а оперируя только пометой:

II.2.1′. ЖГУТИК 2. Орган передвижения в виде нитевидного выроста низших организмов (*биол.*).

II.2.2′. КАПЮШОН 2. Верхняя часть туловища кобры, при опасности раздуваемая ею в виде диска (*зоол.*).

II.2.3′. МИМИКРИЯ (*Зоол.*). Сходство окраски и формы нек-рых животных и растений с окружающей средой, способствующее им в борьбе за существование.

II.2.4′. НАДХВОСТЬЕ (*Зоол.*). Часть оперения на спине около хвоста у птиц.

II.2.5′. СПОНДЕЙ (*Лит.*). Утяжелённая стопа из двух ударных слогов в ямбе и хорее.

Интересна также подача вокабул третьей группы. Поучительно в этом отношении сравнение практики словарей [16] и [17]. Для лексикографического представления этой группы слов в словаре [16] ремарка (в привычном ее понимании) не используется, чаще всего она заменяется пояснением в скобках после толкования, ср. словарные статьи тех же лексических единиц:

II.3.1′. ВЫСЕМЕНИТЬСЯ. *С.-х.* Рассыпать, обронить семена (о созревшем хлебном растении, о травах).

II.3.2′. ДВУДОМНЫЙ. *Бот.* Такой, у которого мужские и женские цветки помещаются на разных особях (о растениях).

II.3.3′. ЖИРОВАТЬ[2] 1. Кормиться, резвясь, гуляя (о звере, птице, рыбе). **2.** *Сад.* Разрастаться в ущерб плодоношению (о деревьях).

II.3.4′. ЛИЦЕВОЙ 4. *Спец.* Иллюстрированный, с рисунками, миниатюрами (о старинных рукописях).

II.3.5′. ОСАЖДАТЬСЯ 2. Падать на землю (об атмосферной влаге).

II.3.6′. СИЛЛАБИЧЕСКИЙ. *Лит.* Основанный на соблюдении определенного количества слогов в строке вне зависимости от расположения в ней ударений (о стихосложении).

Фактически здесь то же самое или очень близкое толкование той же самой единицы сопровождается некоторым пояснением, сделанным после толкования и оформленным скобками, что позволяет говорить о еще одной лексикографической функции, которую можно было бы условно назвать **актантным пояснением, актантной ремаркой**, раскрывающей особенности актантной сочетаемости заголовочного слова (что чаще всего, по понятным причинам, необходимо для прилагательных и глаголов). Мы не будем больше останавливаться на этом вопросе, отметив только, что, как и в предыдущих случаях, эта информация о той или иной лексической единице носит собственно языковой характер в отличие от случаев II.4.1.–II.4.6., когда ремарка фиксирует метаязыковую информацию об использующих эту единицу, являясь таким образом метаязыковой. При этом чаще всего речь идет о разговорном варианте такого использования, ср. “в речи медиков”, “в речи военных”, “в речи мореплавателей”, и составляющая этой ремарки “В речи” сама по себе является металингвистической, в связи с чем представляется, что именно в этой своей функции ремарка наиболее и необходима, и уместна, и незаменима.

Обращает на себя внимание еще одна ситуация разнобоя и непоследовательности в лексикографическом описании специальной лексики, когда в одних случаях словарная статья имеет помету или пометы, а в других случаях словарная статья того же заголовочного слова не имеет ни пометы, ни ремарки. Особенно “не повезло” в этом отношении словам религиозной и церковной тематики (широкий круг вопросов словарного представления этой лексики исследуется в работе [23]). Таковы, например, слова *всенощная, литургия, месса, откровение, престол,* для которых имеем следующие лексикографические представления:

II.6.1. МАС: ВСЕ́НОЩНАЯ... Вечерняя церковная служба у православных христиан.

СОШ: ВСЕНОЩНАЯ... У православных: церковная предпраздничная вечерняя (иногда продолжающаяся и ночью) служба.

II.6.2. МАС: ЛИТУРГИЯ... Главное христианское церковное богослужение.

СОШ: ЛИТУРГИЯ... 1. У христиан: утреннее или дневное богослужение, включающее в себя молитвы,

песнопения, чтение священных книг, проповеди и другие обрядовые действия.

II.6.3. МАС: МЕССА[1] ... Католическая обедня.

СОШ: МЕССА[1] ... В католической церкви: литургия, включающая чтение молитв, чередующееся с песнопениями или органной музыкой.

II.6.4. МАС: ОТКРОВЕНИЕ... 1. *Устар.* Изъявление, сообщение кому-л., согласно христианским догматам, божественной воли.

СОШ: ОТКРОВЕНИЕ... 4. В религии: воля божества как истина, открываемая людям.

II.6.5. МАС: ОТПЕВАНИЕ... 2. Церковный обряд, совершаемый над покойником.

СОШ: ОТПЕВАНИЕ... В христианстве и нек-рых других религиях: погребальный обряд – чтение молитв и пение над телом умершего.

II.6.6. МАС: ПРЕСТОЛ... 2. В христианской церкви: высокий четырехугольный стол, стоящий посредине алтаря.

СОШ: ПРЕСТОЛ... 2. Высокий стол, стоящий посредине церковного алтаря.

II.6.7. МАС: ТАИНСТВО... 2. Религиозный обряд, имеющий, по убеждению верующих, чудодейственную силу, сообщающий особую благодать.

СОШ: ТАИНСТВО... В христианстве: церковный обряд, предназначенный для приобщения верующего к божественной благодати.

Кроме того, в составе этой группы лексики имеется подгруппа, номинирующая объекты и явления, само существование которых обусловлено “культурным преданием” и эта часть словарного состава также отражается в разных словарях по-разному: в словаре [16] нет никаких помет, а словарь [17] снабжает заголовочное слово ремаркой, ср.:

II.6.8. МАС: ПРЕОБРАЖЕНИЕ... 2. Один из церковных праздников.

СОШ: ПРЕОБРАЖЕНИЕ... 2...В православии: двунадесятый праздник в память божественного, в лучах и сиянии, преображения Иисуса Христа перед лицом его учеников (19 августа).

II.6.9. МАС: ТРОИЦА... 2. Народное название троицына дня.

СОШ: ТРОИЦА... 2. В православии: один из двенадцати (двунадесятых) основных церковных праздников, отмечаемый в 50-й день от Пасхи (Пятидесятница) в память Святой Троицы.

II.6.10. МАС: УСПЕНИЕ... 2. Церковный праздник в память смерти богородицы.

СОШ: УСПЕНИЕ... 2... В православии: двунадесятый праздник (15/28 августа) в память дня смерти Богородицы.

II.6.11. МАС: ШАМАН... Служитель культа, согласно верованиям народов с древним анимистическим мировоззрением, вступающий в общение с духами с целью ограждения людей от их козней и причиняемых ими болезней.

СОШ: ШАМАН... У нек-рых народов, сохраняющих веру в духов и в возможность общения с ними посредством ритуальных действий: служитель культа; колдун-знахарь, способный приводить себя в состояние экстаза.

III. Таким образом, предварительно можно сформулировать следующие выводы.

III.1. Представленный обзор используемых в толковых словарях разъяснений относительно пояснений к отдельным словам и значениям слов профессионального и терминологического характера, а также само использование этих пояснений свидетельствует о том, что в них представлены разнообразные типы этих пояснений – пометы, ремарки, комментарии, конкретизаторы. Можно полагать, что пометы имеют наиболее краткую, более нормализованную форму и более регулярное использование, что позволяет предусмотреть их списочную фиксацию для всего словарного состава; ремарки обычно словесно более распространены, в своих формулировках более свободны по способу выражения и условиям своего применения; наконец, комментарии еще более индивидуальны и словесно протяженны и разнообразны.

В целом же лексикографическая терминология этих пояснений и их функций весьма слабо разработана, и сами понятия пометы, ремарки, комментария не терминологизированы, строго не дифференцированы и не ориентированы на лексикографическое представление информации о слове различного типа. Все это приводит к непоследовательности и чрезвычайной пестроте подачи одних и тех же – по смысловой функции! – пояснений и, наоборот, одинаковых по способу представления самых разных – по смысловой функции! – пояснений. Эта непоследовательность и пестрота проявляются не только в различных словарях, но даже в пределах одного словаря.

III.2. Анализ лексикографического материала показывает, что целесообразно различать по крайней мере три вида пояснений, с разной стороны характеризующих лексику терминологического и профессионального типа, достаточно широко используемую в общем языке. К таковым относятся:

а) пояснения, характеризующие области знания, в письменных и устных текстах которых эта лексика преимущественно используется, например, *арх.* (архитектура), *бот.* (ботаника), *лит.* (литература), *психол.* (психология), *филос.* (философия) и т.п.

б) пояснения, характеризующие лиц, пишущих или говорящих на соответствующие темы и

использующих эту лексику, например, *в речи военных, в речи охотников, в речи рыбаков* и т.п.

в) пояснения, характеризующие статус существования той реалии, которая обозначена соответствующим словом, например, *в народных поверьях, в древнегреческой мифологии, в иудаизме* и т.п.

Опираясь на уже имеющиеся традиции, использование **пометы** целесообразно сориентировать на ту или иную область знания, дисциплину или тематическую область, в которых сформировалась своя терминология для обозначения специальных понятий, а список таких областей знания составителю словаря желательно предварительно сформировать до составления словарного описания слов (что не исключает его корректировок в ходе разработки словаря). Явление терминологичности слова какой-либо дисциплины или тематической области следует положить в основу использования лексикографической пометы, фиксирующей эту дисциплину или область знания.

Привлечение **ремарки** к лексикографическому описанию слова в принципе должно ориентироваться на другое языковое явление – она должна раскрывать использование слова той или иной социальной (часто, хотя и не всегда, профессиональной) группой. Соответственно ремарка называет не область знания, но бóльшую или меньшую группу лиц, использующую данное специальное обозначение: автомобилистов, любителей рыбной ловли или охоты, заядлых спортивных болельщиков, филателистов или филокартистов и т.п.[12].

Наконец, обращение к возможностям **комментария** рационально в случаях наибольшей индивидуальности использования языковой единицы профессионального и терминологического характера, которая обусловлена хронологическими и локативными пределами ее употребления, особыми ситуациями ее функционирования, статусом существования обозначаемого и др.

Дело, однако, не столько собственно в недостатках лексикографической терминологии, сколько в разграничении свойств слова и в последовательном отражении этих свойств в лексикографической практике. Впрочем, предложенное разграничение помет, ремарок и комментариев является крайне желательным при сохранении номинаций “помета”, “ремарка” и “комментарий”. Так, можно было бы, сохраняя традицию использования лексикографической терминологии, все пояснения относительно сферы знания, в которой функционирует специальное слово, называть **пометами** с функциональными уточнениями и говорить о **помете области знания**, о **ремарке относительно использующего данное (профессионально-терминологическое) слово** и о **комментарии статуса существования (поименованного)**.

Другое, вполне удовлетворительное, решение могло бы состоять в том, что принимается более узкий терминологический фонд лексикографии, слова “ремарка” и “комментарий” не причисляются к лексикографической терминологии, а все рассмотренные пояснения именуются **пометами**, но сами пометы имеют дополнительные атрибуты и делятся на **пометы области знания**, **пометы использующего слово** и **пометы статуса существования поименованного.** Далее мы пользуемся и той, и другой терминологией, а самым важным оказывается факт функционального разграничения принятых пояснений.

III.3. Если исходить из сказанного, то для пояснений к лексике рассматриваемого типа можно предложить достаточно единообразные следующие формулировки.

Так, **для помет области знания (собственно помет)** можно рекомендовать помещенные в круглых скобках привычные графически выделенные курсивом сокращенные наименования наук, дисциплин, областей знания, например, *(Авиа), (Биол.), (Ист.), (Лингв.), (Мат.), (Мед.), (Театр.), (Экон.)* и т.п. **Для помет использующего слово (для ремарок)** вместо достаточно привычной также помещаемой в круглых скобках формулировки *(В речи...)* или *(В профессиональной речи...)* (например, *(В речи военных), (В речи журналистов), (В речи медиков)* и т.п.) мы выбираем упомянутую выше помету *разг.* (разговорное). В сочетании с указанием на область знания или деятельности помета *разг.* чаще всего дает представление и о сфере распространения заголовочного слова, и об использующем данное слово. Наконец, **для помет статуса существования поименованного (для комментариев)** можно использовать формулировку, начинающуюся со слова *согласно...*, например, *согласно античной мифологии, согласно иудаизму, согласно православию, согласно русским народным поверьям, согласно христианству* и т.п. В последнем случае, однако, необходимо различать события и “вещи”, существующие в рамках религиозной доктрины, мифа, поверья, зафиксированные

[12] Разумеется, социальный характер объединения группы лиц как-то связан, коррелирует с теми или иными специальными знаниями, которыми соответствующие лица обладают, а через них – и со специальными понятиями и с их обозначениями. Однако фактор привязки к специальному понятию в этих случаях вторичен, не является “системно подавляющим” (как в развитых науках), а в отдельных случаях вообще не действует.

общеизвестным, религиозно и культурно значимым повествованием, и безусловно существующие и функционирующие конкретные реалии, связанные с соответствующей религией, мифом, поверьем, повествованием. Так, помета статуса существования необходима для словарных статей языковых единиц *Нагорная проповедь, Преображение (Господне), (Святая) Троица, хиджра, чакра.* По всей вероятности, о словах этого типа в работе [24, с. 78] говорится: “можно напомнить, что, когда от лексикографа требуется соблюдение мировоззренческого нейтралитета, на помощь могут прийти такие обороты, как, например, согласно христианскому вероучению и т.п.”. Однако лексические единицы, например, *амвон, кипа, конфирмация, миро, просфора, сутана, часослов* и др. подобных оборотов в качестве помет статуса существования (или им эквивалентных ремарок) не требуют.

Система пояснений, реализующая в толковом словаре эти рекомендации, как представляется, могла бы в целом достаточно последовательно выглядеть так:

1.

ВОСПРИ́ЯТИЕ, -я, *ср.*
Филос., психол. Отражение в сознании действующих на органы чувств предметов и явлений материального мира, включающее в себя понимание и осмысление их на основе предшествующего опыта;

ПА́ТИНА и **ПАТИ́НА**, -ы, *ж.*
Иск., археол. Пленка различных оттенков, образующаяся на поверхности изделий из меди, бронзы, латуни естественным способом (при окислении металлов) или в результате специальной обработки “под бронзу”;

РЕМЕ́ЙК и **РИМЕ́ЙК**, -а, *м.*
Кино. Новая версия или интерпретация уже существующих произведений (фильма, мультфильма и т.п.);

ТРИ́ПТИХ, -а, *м.*
Лит., иск. Композиция из трех “частей”, объединенных общей идеей, темой, замыслом или сюжетом, которую составляют три картины, рисунка и т.п. или три литературных произведения – стихотворения, прозаических отрывка, спектакля из трех пьес и т.п.

2.

ЗАВИСА́НИЕ, -я, *ср.*
Инф., разг. Состояние вычислительной системы, программы, при котором они перестают реагировать на команды или запросы извне и выдавать результаты в соответствии с ними;

СБО́РНИК, -а, *м.*
Спорт., разг. Член команды, выступающий за сборную страны;

ТЕНЕВА́Я ЭКОНО́МИКА
Экон., разг. Нелегальная экономическая деятельность, находящаяся вне государственного и общественного контроля и учета.

3.

ПРЕОБРАЖЕ́НИЕ ГОСПО́ДНЕ *(все слова с Прописной буквы)*
Рел., церк. Согласно христианству, чудесное преображение Иисуса Христа перед ближайшими его учениками, а также один из двенадцати (двунадесяти) праздников, отмечаемый в честь этого события в конце лета и сопровождаемый освящением плодов нового урожая.

СТРА́ШНЫЙ СУД (**С** *в первом слове Прописная*).
Рел. Согласно некоторым религиям (христианству, исламу, иудаизму), ожидающий людей после конца света Божий суд, по решению которого праведники получат место в раю, а грешники – в аду;

ТРО́ИЦА, -ы, *ж* (**Т** – *Прописная*).
1. *Рел., церк.* Согласно христианству, триединый Бог, существующий в трех лицах (ипостасях): Отец, Сын, Святой Дух, а также связанный с этим один из двенадцати (двунадесяти) праздников, отмечаемый в определенный день после Пасхи;

ХИ́ДЖРА, -ы, *ж.*
Рел., ист. Согласно исламу, переселение пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину, произошедшее, вероятно, в сентябре 622 г., а также календарь, ведущий отсчет лет с этого события и существующий в двух формах – солнечной хиджры и лунной хиджры;

ТА́НТРА, -ы, *ж.*
Рел. Согласно буддизму, духовная практика, включающая в себя систему специальных техник, направленных на расширение границ сознания и самосовершенствование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сороколетов Ф.П.* Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексиграфический сборник. Вып. V. М., 1962. С. 126–131.
2. *Емельянова О.Н.* О ремарках в толковых словарях // Русская речь. 2004. № 4. С. 74–75.
3. *Емельянова О.Н.* Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 315 с.
4. *Емельянова О.Н.* Стилистический комментарий и энциклопедические ремарки в толковых словарях русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического ун-та им. В.П. Астафьева. Филологические науки. Языкознание. 2019. № 1 (47). С. 121–129.
5. *Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Под общ. ред. В.М. Круглова. СПб.: Нестор-История, 2015. 442 с.
6. *Крысин Л.П.* Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях // Терминология

и знание: Мат-лы II Межд. симпозиума. М., 2010. С. 54–62.

7. *Крысин Л.П.* Специальный термин в качестве объекта описания в толковом словаре // Крысин Л.П. Рассказы о русских словарях: книга для учащихся. М., 2011. С. 67–74.

8. *Скляревская Г.Н.* Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 84–97.

9. *Сороколетов Ф.П.* О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка // Лексикографический сборник. Вып. I. М., 1957. С. 121–134.

10. *Сороколетов Ф.П.* Специальная терминология в толковом словаре. Отбор терминов // Научно-техническая терминология. Вып. 11. М., 1976. С. 1–8.

11. *Шелов С.Д., Цумарев А.Э.* Пометы как элементы описания языковых единиц терминологического и профессионального характера (на материале Малого академического словаря русского языка) // Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докл. III Межд. конф. “Культура русской речи”. М.: ИРЯ РАН, 2012. С. 224–228.

12. *Цумарев А.Э.* Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях // Терминология и знание: Мат-лы IV Межд. симпозиума. М., 2014. С. 268–282.

13. *Цумарев А.Э.* Какой быть словарной статье словаря социально значимой специальной лексики // Терминология и знание: Мат-лы V Межд. симпозиума. М., 2017. С. 255–273.

14. БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В.И. Чернышев. Т. 1–17. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

15. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / Под ред. А.С. Герда. М., СПб.: Наука, 2004 (продолжающееся издание).

16. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

17. СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

18. БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 1–7. М.: Русский язык, 1991.

19. БТСК – Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.

20. СУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.

21. ТСС – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 699 с.

22. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* “Окказиональные” пометы в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова. К определению места безэквивалентной и фоновой лексики в современном русском литературном языке // Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 215 с.

23. *Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Людоговский Л.Б.* Религиозная лексика в толковом словаре: культурно-речевой аспект // Русская речь. 2019. № 6. С. 45–57.

24. *Цумарев А.Э.* Толкование единиц религиозной лексики в общем толковом словаре русского языка // Русская речь. 2020. № 5. С. 70–84.

REFERENCES

1. Sorokoletov, F.P. *Smyslovaya harakteristika terminov v tolkovyh slovaryah* [Semantic Characteristics of Terms in Explanatory Dictionaries]. *Leksigraficheskij sbornik* [Lexicographic Collection]. Issue V. Moscow, 1962, pp. 126–131. (In Russ.)

2. Emelyanova, O.N. *O remarkah v tolkovyh slovaryah* [On Remarks in Explanatory Dictionaries]. *Russkaya rech*. [Russian Speech]. 2004, No. 4, pp. 74–75. (In Russ.)

3. Emelyanova, O.N. *Stilisticheskaya informaciya v tolkovom slovare (analiticheskij obzor problematiki)* [Stylistic Information in the Explanatory Dictionary (Analytical Review of the Problem)]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2013, 315 p. (In Russ.)

4. Emelyanova, O.N. *Stilisticheskij kommentarij i enciklopedicheskie remarki v tolkovyh slovaryah russkogo yazyka* [Stylistic Commentary and Encyclopedic Remarks in Explanatory Dictionaries of the Russian Language]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. V.P. Astaf'eva. Filologicheskie nauki. Yazykoznanie* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University Named after V.P. Astafyev. Philological Sciences. Linguistics]. 2019, No. 1 (47), pp. 121–129. (In Russ.)

5. Kruglov, V.M., Istraty, V.V., Gamirova, D.R., Kaplan, E.D. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovyh akademicheskih slovaryah russkogo yazyka* [Normative and Stylistic Labels in the Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language, Ed. By V.M. Kruglov]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015. 442 p. (In Russ.)

6. Krysin, L.P. *Terminologicheskaya leksika v sovremennyh lingvisticheskih slovaryah* [Terminological Lexicon in Modern Language Dictionaries]. *Terminologiya i znanie: Mat-ly II Mezhd. simpoziuma* [Terminology and Knowledge: Materials of the II International Symposium]. Moscow, 2010, pp. 54–62. (In Russ.)

7. Krysin, L.P. *Specialnyj termin v kachestve ojekta opisaniya v tolkovom slovare* [Special Term as Object of Description in Explanatory Dictionary]. Krysin, L.P. *Rasskazy o russkih slovaryah: kniga dlya uchashchihsya* [Stories about Russian Dictionaries: a Book for Students]. Moscow, 2011, pp. 67–74. (In Russ.)

8. Sklyarevskaya, G.N. *Eshche raz o problemah leksikograficheskoj stilistiki* [One More Time on the Problems of Lexicographic Stylistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1988, No. 3, pp. 84–97. (In Russ.)

9. Sorokoletov, F.P. *O meste proizvodstvennoj terminologii v tolkovom slovare russkogo yazyka* [On the Proper Place of Production Terminology in Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Leksikograficheskij sbornik* [Lexicographic Collection]. Issue I. Moscow, 1957, pp. 121–134. (In Russ.)

10. Sorokoletov, F.P. *Specialnaya terminologiya v tolkovom slovare. Otbor terminov* [Special Terminology in the Explanatory Dictionary. Selection of Terms]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya* [Scientific and Technical Terminology]. Issue 11. Moscow, 1976, pp. 1–8. (In Russ.)

11. Shelov, S.D., Tsumarev, A.E. *Pomety kak elementy opisaniya yazykovyh edinic terminologicheskogo i professionalnogo haraktera (na materiale Malogo akademicheskogo slovarya russkogo yazyka)* [Labels as Elements of the Description of Terminological and Professional Lexical Units (on the Evidence of the Small Academic Dictionary of the Russian Language)]. *Russkij yazyk v kulturno-istoricheskom izmerenii. Posvyashchaetsya 200-letiyu Ya.K. Grota. Tezisy dokl. III Mezhd. konf. "Kultura russkoj rechi"* [Russian Language in Cultural and Historical Dimension. Dedicated to the 200th Anniversary of Ya.K. Grot. Theses of the III International Conference "Culture of Russian Speech"]. Moscow, IRYA RAN Publ., 2012, pp. 224–228. (In Russ.)

12. Tsumarev, A.E. *Ob usovershenstvovanii markirovaniya specialnoj leksiki v tolkovyh slovaryah* [On Improving Labels for Special Lexicon in Explanatory Dictionaries]. *Terminologiya i znanie: Mat-ly IV Mezhd. simpoziuma* [Terminology and Knowledge: Materials of the IV International Symposium]. Moscow, 2014, pp. 268–282. (In Russ.)

13. Tsumarev, A.E. *Kakoj byt' slovarnoj stat'e slovarya socialno znachimoj specialnoj leksiki* [What Should be the Dictionary Entry in the Dictionary of Socially Significant Special Lexicon]. *Terminologiya i znanie: Mat-ly V Mezhd. simpoziuma* [Terminology and Knowledge: Materials of the V International Symposium]. Moscow, 2017, pp. 255–273. (In Russ.)

14. BAS-1 – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Gl. red. V.I. Chernyshev* [Dictionary of Modern Russian Standard Language. Editor by V.I. Chernyshev]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1948–1965. (In Russ.)

15. BAS-3 – *Bolshoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka. Pod red. A.S. Gerda* [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Edited by A.S. Gerd]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2004 [ongoing publication]. (In Russ.)

16. MAS – *Slovar' russkogo yazyka v 4-h t.* [Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes. RAS, Institute of Linguistic Research; Edited by A.P. Evgenieva. 4th ed. stereotype]. Moscow, Rus. yaz.; Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russ.)

17. SOSH – Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij; 4-e izd., dop.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions; 4th ed., Supplement]. Moscow Azbukovnik Publ., 1997. 944 p. (In Russ.)

18. BAS-2 – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 20 Vols.]. Vol. 1–7. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1991. (In Russ.)

19. BTSK – *Bolshoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. RAN. In-t lingv. issled.; sost., gl. red. S.A. Kuznecov* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. RAS. Ins-te of Linguistic Research; Comp., Ch. Ed. S.A. Kuznetsov]. St. Peterburg, Norint Publ., 2000. 1534 p. (In Russ.)

20. SU – *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t.; Pod red. D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes; Edited by D.N. Ushakov]. Moscow, OGIZ Publ., 1935–1940. (In Russ.)

21. TSS – *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka konca XX veka. Yazykovye izmeneniya; Pod red. G.N. Sklyarevskoj* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language Changes; Edited by G.N. Sklyarevskaya]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 699 p. (In Russ.)

22. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. *"Okkazionalnye" pomety v "Slovare russkogo yazyka" S.I. Ozhegova. K opredeleniyu mesta bezekvivalentnoj i fonovoj leksiki v sovremennom russkom literaturnom yazyke* ["Occasional" Labels in the Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov. On Identification of the Place of Non-Equivalent and Background Lexicon in the Modern Standard Russian Language]. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. *Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskih taktik i sapientemy. Pod red. Yu.S. Stepanova* [Language and Culture. Three Linguistic and Cultural Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics and Sapientems; Edited by

Yu.S. Stepanov]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 215 p. (In Russ.)

23. Tsumarev, A.E., Shestakova, L.L., Lyudogovsky, L.B. *Religioznaya leksika v tolkovom slovare: kulturno-rechevoj aspekt* [Religious Lexicon in the Explanatory Dictionary: Cultural and Speech Aspect]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2019, No. 6, pp. 45–57. (In Russ.)

24. Tsumarev, A.E. *Tolkovanie edinic religioznoj leksiki v obshchem tolkovom slovare russkogo yazyka* [Interpretation of Units of Religious Lexicon in the Common Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2020, No. 5, pp. 70–84. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 01 ноября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 ноября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on November 01, 2021
Revised on November 16, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018917-4

Метаданные лингвистических ресурсов: история и современное состояние

© 2022 г. А. Б. Антопольский

Доктор технических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ale5695@yandex.ru

Резюме. Описываются основные проекты метаданных для лингвистических (языковых) ресурсов, реализованные за последние 20 лет. В их числе инициатива IMDI, система метаданных OLAC, метамодель META-SHARE, Международный стандартный номер языковых ресурсов, оценочная карта языковых ресурсов, а также компонентная модель метаданных CLARIN. Излагается содержание стандарта ИСО на метаданные. Описываются проекты создания словарей, онтологий и лексических баз для метаданных языковых ресурсов.

Ключевые слова: метаданные, лингвистические ресурсы, языковые ресурсы, стандарты, словари, онтологии.

Для цитирования: *Антопольский А.Б.* Метаданные лингвистических ресурсов: история и современное состояние // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 21–36. DOI: 10.31857/S160578800018917-4

Metadata of Linguistic Resources: History and Current State

© 2022 Alexander B. Antopolsky

Doct. Sci. (Tech.),
Head Researcher at the Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the RAS (INION RAN),
51-21 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117997, Russia
ale5695@yandex.ru

Abstract. The main metadata projects for linguistic (language) resources developed over the past 20 years are described. These include the IMDI initiative, the OLAC metadata system. the META-SHARE meta-model, the International Standard Number of Language resources, the evaluation map of language resources, and the CLARIN component metadata model. The content of the ISO metadata standard is described. Projects for creating dictionaries, ontologies, and lexical databases for metadata of language resources are described.

Key words: metadata, linguistic resources, language resources, standards, dictionaries, ontologies.

For citation: Antopolsky, A.B. *Metadannye lingvisticheskih resursov: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Metadata of Linguistic Resources: History and Current State]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 21–36. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018917-4

Введение

Лингвистические (языковые) ресурсы (ЛР)[1] – это наборы данных, представляющие примеры использования языка либо непосредственно, как в корпусах, либо в виде производных данных, как в лексиконах и онтологиях. ЛР используются в лингвистике и смежных областях, таких как язык жестов, антропология, компьютерная лингвистика, искусственный интеллект, фонетика, психология, распознавание речи, мультимодальные исследования и человеко-машинный интерфейс, дизайн. Лингвисты используют их для создания и проверки новых лингвистических гипотез; инженеры по распознаванию речи используют их для тестирования устройств распознавания речи и установки параметров распознавания.

Развитие Всемирной паутины с ее связанными веб-страницами открыло новые возможности для распространения и повторного использования ЛР, но и поставило новые задачи. Возникла потребность создать пространство связанных ЛР с информацией о них. Это пространство должно быть доступно через Интернет с соответствующими инструментами для просмотра и поиска. Иначе говоря, возникла необходимость в разработке системы метаданных для ЛР.

Но ЛР значительно различаются, поэтому возникает вопрос, как такое разнообразие приложений может быть представлено одной системой метаданных. Дискуссии по этому поводу ведутся достаточно давно, первый проект системы метаданных для ЛР появился в 2001 г. Позже появилось еще несколько проектов, как опирающихся на стандартные системы метаданных, прежде всего на Дублинское ядро метаданных, так и развивающих специальные системы метаданных для ЛР. Одна из систем метаданных получила статус стандарта ISO.

В настоящей статье предлагается обзор основных систем метаданных, применяемых в настоящее время для описания ЛР.

Все системы метаданных в той или иной степени опираются на словари (регистры, онтологии) лингвистических категорий, которые также активно разрабатывались международным сообществом лингвистов в последние годы. Эти проекты описаны в отдельном разделе статьи.

В список литературы включены как традиционные публикации, так и ссылки на информационные ресурсы и документацию, размещенные в Интернете.

Проект метаданных IMDI

Постановка задачи разработки специальной системы метаданных для ЛР принадлежит, по-видимому, рабочей группе EAGLES/ISLE[2], которая в 2001 г. предложила план разработки соответствующего стандарта [1]. Эта инициатива получила название Инициативы IMDI[3].

Рабочая группа IMDI разработала подробные предложения, в которых были учтены требования сообщества разработчиков и пользователей ЛР, существующий опыт разработки систем метаданных, в том числе Дублинского ядра (DC), RDF и других. Была определена сфера применения ЛР, среди которых разработчики выделили различные типы ЛР: текстовые корпуса, аннотированные корпуса, мультимедийные корпуса, лексиконы, типологические базы данных, грамматические данные, онтологии и другие.

На этой основе были определены структура метаописания, объем метаданных, элементы словаря метаданных, отображение элементов метаданных, в том числе повторное использование определений элементов метаданных из других сообществ.

Были сформулированы требования к инструментам. Нужны редакторы метаописаний, браузеры, которые понимают структуру связанных файлов метаописания и предоставляют графические изображения поддержки пользователя во время навигации, инструменты поиска, которые могут справиться со структурой файла метаописания и любыми элементами метаданных. Инструменты поиска должны эффективно использовать связи между метаописаниями.

Практически осуществимый сценарий внедрения стандарта должен включать такие темы:

- где хранить метаописания

[1] В данной статье, в отличие от англоязычных аналогов, термины лингвистические и языковые ресурсы не различаются, и для них используется общая аббревиатура ЛР.

[2] EAGLES – Консультативная группа экспертов по стандартам языковых технологий – Expert Advisory Group on Language Engineering Standards http://www.ilc.cnr.it/EAGLES/home.html

ISLE – Международные стандарты для языковых технологий – International Standard for Language Engineering https://www.mpi.nl/ISLE/

[3] IMDI – Инициатива метаданных ISLE – ISLE Metadata Initiative http://tla.mpi.nl/imdi-metadata/

- способы регистрации и привязки метаописаний
- способы построения просматриваемых иерархий
- способы контроля за связыванием новых описаний с существующим пространством
- требования к центрам, которые могли бы создать и поддерживать пространство метаданных ЛР

В результате деятельности рабочей группы EAGLES/ISLE появились проекты систем метаданных для лексиконов [2] и предложения по классификации и структуре словарей [3]. Наибольшее распространение метаданные IMDI получили применительно к мультимодальным ЛР. Также была разработана схема перехода от модели метаданных IMDI к стандарту метаданных OLAC [4]. Руководство пользователя для модели метаданных IMDI представлено по адресу [5]. Полный перечень документов, разработанных в рамках инициативы IMDI, доступен по адресу [6].

Метаданные OLAC[4]

Метаданные крупнейшего современного собрания ЛР – Консорциума открытых лингвистических архивов (OLAC) – определены в нормативном документе “Метаданные OLAC” [7].

Этот документ определяет формат метаданных, используемый OLAC для описания ЛР и предоставления связанных с ними услуг. OLAC использует формат XML для обмена метаданными ЛР в рамках Инициативы открытых архивов (OAI).

Набор метаданных OLAC основан на наборе метаданных Дублинского ядра (DC) и использует все пятнадцать элементов, определенных в этом стандарте. Чтобы обеспечить большую точность в описании ЛР, OLAC следует рекомендациям DC для квалификации элементов.

Цитируемый документ определяет только формальные (синтаксические) требования к описанию метаданных OLAC. Полный набор рекомендаций, уточнения значения элементов и схемы использования содержатся в Рекомендациях по использованию метаданных OLAC [8].

Квалификаторы, рекомендованные DC, применимы к широкому спектру ЛР. Однако для ЛР, которые не удовлетворяют этим общим стандартам, члены OLAC разработали специальные квалификаторы для сообщества, которые приняты в качестве рекомендуемой передовой практики для описания ЛР.

Формат метаданных. XML-реализация метаданных OLAC соответствует “Руководящим принципам реализации Дублинского ядра в XML” [9]. Схема метаданных OLAC включает в себя элементы из двух схем метаданных (простой и квалифицированной). Квалифицированный элемент может указывать уточнение (используя элемент, определенный в пространстве имен dcterms) или схему кодирования (используя схему, определенную в dcterms как значение атрибута xsi:type), или и то, и другое.

Документ “Метаданные OLAC” [7] содержит определение пространства имен, словарь рекомендуемых языковых идентификаторов, порядок использования расширений, включая внешние расширения, устанавливает порядок документирования расширений.

Одним из наиболее сложных вопросов метаописаний ЛР, является детализация ЛР. Кратко опишем подход OLAC.

При определении правильного уровня для единиц, описываемых как ЛР, нужно учитывать множество факторов. Уровень единицы измерения, подходящий для включения в агрегированный каталог, такой как OLAC, может отличаться (как правило, быть выше) от уровня, желательного для каталога конкретного учреждения, который, в свою очередь, обычно выше уровня, желательного для описания подробного содержания ресурса.

Хранилище метаданных должно рассматривать ресурсы с одним происхождением как составляющие единую единицу и поэтому должны быть описаны в рамках одной записи.

Для ресурса, опубликованного в той или иной форме, подходящей единицей описания для записи OLAC является единица самой публикации. Коллективная работа может требовать отдельных записей для отдельных документов, содержащихся в ней, которые должны быть связаны с записью для работы в целом через отношения isPartOf и hasPart.

В общем случае запись OLAC соответствует цитируемому источнику, и для опубликованных работ детализация не представляет особой проблемы. Трудности возникают для первичных исходных материалов (например, записей, транскрипций, аннотаций, заметок, наборов данных). Типичной практикой архивистов является

[4] OLAC – Консорциум открытых лингвистических архивов – the Open Language Archives Community http://olac.ldc.upenn.edu/

объединение таких материалов в коллекции, которые в свою очередь становятся первичными единицами архивного описания (т.е. результатом являются ресурсы, которые по правилам DC могут быть отнесены к типу коллекции).

Однако на уровне OLAC главным фактором при определении принадлежности материалов к единой коллекции является их происхождение.

Обычно собранные ресурсы имеют общее происхождение. Это может быть один исследователь или исследовательская группа. Это также может быть проект, который объединяет материалы из разрозненных источников для единой новой исследовательской цели, таким образом создается новая коллекция, основанная на вторичном использовании материалов. Общая история также имеет значение; тот факт, что набор ресурсов был перемещен или передан в другие руки или обработан в целом с момента его первоначального сбора, помогает установить его идентичность как единой единицы для архивного описания.

ЛР общего происхождения, которые составляют коллекцию, будут отличаться высокой степенью общности элементов метаданных, например, один и тот же исследователь, автор, предметный язык, приблизительные даты, охват, лингвистический тип.

Другие элементы метаданных, которые также могут быть важны для обнаружения ресурсов, но которые могут отличаться для элементов коллекции (например, формат или тип дискурса), могут быть повторены на уровне описания OLAC. В качестве альтернативы коллекция может быть разделена на субколлекции по жанру дискурса, говорящему или другому значимому признаку.

Коллекция, как правило, описывается более подробно и выделяются особенности, представляющие интерес. Дальнейшие характеристики отдельных элементов в коллекции (например, тема, дополнительные участники, специфика события, формат) документируются на более тонком уровне детализации при описании коллекции.

Метамодель META-SHARE

Платформа META-SHARE является сервисом Европейской ассоциации языковых ресурсов (ELRA)[5], предназначенным для обмена ЛР. В этой платформе реализованы разнообразные возможности для описания ЛР. Многие авторы считают модель META-SHARE наиболее качественной моделью метаданных ЛР. В связи с этим эту модель опишем более подробно, используя основные положения из *Руководства по применению системы метаданных META-SHARE* [10].

В этом документе представлена обновленная версия схемы метаданных 2.0, которая реализована в виде XML-схемы. Схема метаданных META-SHARE охватывает следующие типы ресурсов / носителей:

- корпуса (текстовые, аудио, видео, мультимодальные / мультимедийные корпуса, включая сенсомоторные ресурсы, n-граммные ресурсы)
- лексические / концептуальные ресурсы (например, компьютерные словари, лексика, онтологии, машиночитаемые словари, терминологические ресурсы, тезаурусы, мультимодальная / мультимедийная лексика, словари и т.д.)
- языковые описания (например, компьютерные грамматики)
- технологии (инструменты / сервисы), которые могут быть использованы для обработки информационных ресурсов.

Более подробное изложение теоретических принципов и общее введение в модель можно найти в работах [11]; [12].

Основы модели

В модели META-SHARE термин *метаданные* относится к описаниям ЛР, охватывающим как данные (текстовые, мультимодальные / мультимедийные и лексические данные, грамматики, языковые модели и т.д.), так и технологии (инструменты / услуги), используемые для их обработки.

Механизм, который был принят, – это компонентный механизм, в соответствии с которым семантически когерентные элементы группируются вместе, образуя компоненты. Элементы используются для кодирования конкретных описательных признаков ЛР. Чтобы обеспечить семантическую согласованность с другими связанными схемами и моделями, метамодель включает ссылки на концептуально одинаковые или аналогичные существующие элементы Дублинского ядра и Реестра категорий данных ИСО (ISO DCR)[6]; при необходимости новые элементы будут включаться в DCR ИСО.

[5] ELRA – Европейская ассоциация языковых ресурсов European Language Resources Association http://www.elra.info/en/

[6] Реестр категорий данных ISO DCR будет описан ниже.

Было введено понятие отношений для кодирования связей между ресурсами. Отношения могут быть между различными формами ЛР (например, первичные данные и аннотированные ЛР), различными ЛР (например, язык, ресурс и инструмент, который был использован для его создания, и т.д.) независимо от того, включены они в репозиторий META-SHARE или нет, а также между ЛР и дополнительными документами. Отношения представлены как элементы в текущей версии схемы.

Совокупность всех компонентов и элементов, описывающих конкретные типы и подтипы ЛР, представляет профиль этого типа. Очевидно, что некоторые компоненты включают информацию, общую для всех типов ресурсов (например, идентификация, контакты, лицензионная информация и т.д.), в то время как другие (например, компоненты, включающие информацию о содержании, аннотации и т.д.) различаются по типам.

Элементы относятся к двум основным уровням описания:

- начальный уровень, обеспечивающий базовые элементы для описания ресурса (минимальная схема)
- второй уровень с более высокой степенью детализации (максимальная схема), охватывающей все этапы производства и использования ЛР.

Онтологии META-SHARE

META-SHARE стремится предоставить пользователям не только каталог ЛР (данных и инструментов), но и информацию, которая может быть использована для улучшения их использования. Например, исследовательские работы, документирующие производство ресурса, а также используемые стандарты и методики.

В онтологии META-SHARE проводится различие между ЛР как таковыми и другими материалами, связанными с ресурсом (отчеты, инструкции и т.д.), лица / организации, участвующие в их создании и использовании (создатели, дистрибьюторы и т.д.), проекты, мероприятия и лицензии (для доступа к ЛР).

Основной интерес для META-SHARE представляют собственно ЛР. Остальные материалы – акторы, проекты, документы и т.д. – описываются, когда они связаны с конкретным ЛР. Например, библиография включает только документы, связанные с ЛР.

Таксономия ЛР

Основным элементом, используемым для классификации ЛР по типам, которые приводят к когерентным наборам описаний, является ResourceType со следующими значениями:

- корпус (включая письменные / текстовые, устные / речевые, мультимодальные / мультимедийные корпуса)
- лексический / концептуальный ресурс (включая терминологические ресурсы, списки слов, семантические словари, онтологии и т.д.)
- языковое описание (включая грамматики)
- инструмент / сервис (включая базовые средства обработки, приложения, веб-сервисы и т.д.).

Важное место в описании ЛР в контексте META-SHARE также занимает элемент MediaType, который определяет форму / физический носитель ресурса. Понятие медиа позволяет рассматривать ЛР как набор модулей, каждый из которых может быть описан через отличительный набор признаков. Предусмотрены следующие значения медиа:

- текст
- аудио
- изображение
- видео
- textNumerical
- textNgram

Ресурс может состоять из частей, принадлежащих к различным типам медиа: например, мультимодальный корпус включает в себя видеочасть (движущееся изображение), аудиочасть (диалоги) и текстовую часть (субтитры и/или транскрипцию диалогов); мультимедийный лексикон включает в себя текстовую часть, но может также включать в себя видео- и/или аудиочасть; ресурс языка жестов также является ресурсом с различными типами носителей (видео, изображение, текст).

Точно так же программные инструменты могут быть применены к ресурсам различных типов медиа: например, инструмент может использоваться как для видео-, так и для аудиофайлов. Таким образом, для каждой части ресурса создается соответствующий набор функций (компонентов и элементов), например, для устного корпуса и его транскрипций набор звуковых функций будет использоваться для звуковой части, а набор текстовых функций – для транскрибируемой части.

Основное содержание и структура модели

Ядром модели является компонент ResourceInfo, который содержит всю информацию, имеющую

отношение к описанию ЛР. Он включает в себя компоненты и элементы, которые объединяются вместе, чтобы обеспечить это описание. Различаются “административные” компоненты, общие для всех ЛР, и “содержательные”, характерные для конкретного типа ЛР.

Все компоненты типа ЛР расположены под resourceComponentTypecomponent. Аналогично, для каждого типа ЛР создаются компоненты, чтобы сгруппировать вместе наборы функций, относящихся к каждому типу ЛР. Элементы ResourceType и MediaType кодируют две оси классификации схемы, в то время как каждое из значений этих двух элементов связано с соответствующим компонентом. Набор компонентов ResourceType и MediaType включает в себя:

- corpusInfo, lexicalConceptualResourceInfo, languageDescriptionInfo, toolServiceInfo включают информацию, специфическую для каждого типа ЛР, и принимают значения corpus, lexical/conceptualResource, languageDescription and toolServicefor соответственно
- corpusTextInfo, corpusAudioInfo, corpusVideoInfo, lexicalConceptualResourceTextInfo, lexicalConceptualResourceVideoInfo предоставляют информацию в зависимости от типа носителя каждого типа ЛР и включают элемент MediaType со значениями text, audio, video и т.д. соответственно.

Набор из шести компонентов обладает “особым” статусом в том смысле, что они могут быть присоединены к различным компонентам, выполняющим различные роли, а именно PersonInfo, organizationInfo, communicationInfo, projectInfo, sizeInfo и DocumentInfo. Например, sizeInfo может использоваться либо для определения размера всего ресурса, либо в сочетании с другим компонентом для описания размера частей ресурса (например, для домена, языка и т.д.); PersonInfo используется для контактных лиц, создателей ресурсов, лицензиатов, аннотаторов корпуса и т.д.

Существенным является статус элемента; в метамодели принято 4 статуса:

- Обязательный
- Условно-зависимый (обязательный в определенных условиях)
- Рекомендованный
- Необязательный

Наконец, для других сущностей модели помимо ЛР были разработаны специальные элементы, позволяющие осуществлять их массовое кодирование независимо от ресурса, с которым они связаны. Например, используя такой элемент, поставщик ресурсов может загрузить соответствующие метаданные для всех персон за один раз, а затем, редактируя метаданные для ресурсов, создать соответствующие ссылки на сохраненных персон.

Структура представления и условные обозначения

В модели приводятся сначала “специальные” компоненты, за которыми следуют компоненты, общие для всех типов ЛР, а затем компоненты типа ресурсов в следующем порядке: корпусы, инструменты / сервисы, языковые описания и, наконец, лексические / концептуальные ресурсы.

Для каждого компонента предоставляется следующая информация:

- *определение*: краткое утверждение, объясняющее семантику компонента в META-SHARE;
- *тип*: обычно он принимает значение “component”; значение “special status component” используется для специальных элементов;
- *элементы*: набор элементов / компонентов, включенных в компонент, с гиперссылкой к объяснению для каждого элемента, далее информация предоставлена для ее статуса и повторяемости;
- *компонент*: используется вместо “элементов” для компонентов специального статуса.

Для элементов сопроводительная информация включает в себя:

- определение: краткое утверждение, объясняющее его семантику в контексте META-SHARE
- тип элемента
- пространство значений: там, где это возможно, используется ссылка на контролируемую лексику или на стандартизированные, управляемые словари
- значения: если используется контролируемый словарь, специфичный для META-SHARE, то набор значений перечисляется вместе с определениями, где это необходимо
- примеры: небольшой список возможных значений для целей иллюстрации, особенно в случае текстовых элементов

- DCLINK: имя соответствующего элемента схемы Дублинского ядра, предоставленное для целей сопоставления
- ISOcatLINK: имя соответствующего элемента DCR ISOcat
- комментарии: используется для заметок там, где это необходимо.

Международный стандартный номер языковых ресурсов (ISLRN) [13]

В рамках ELRA разработано еще несколько моделей метаописаний ЛР. Одна применяется в Международном стандартном номере языкового ресурса (ISLRN). Это универсальная схема идентификации ЛР, которая обеспечивает уникальный идентификатор с использованием стандартизированной номенклатуры.

Каждый объект в мире требует своего рода идентификации, чтобы быть правильно распознанным. Традиционные печатные материалы, такие как книги, например, обычно используют Международный стандартный номер книги (ISBN), контрольный номер Библиотеки Конгресса (LCCN). Многие повседневные продукты применяют Международный/Европейский артикул (EAN), который является универсальной системой штрих-кодирования. Для цифровых ресурсов применяется Цифровой идентификатор объекта (DOI). Существуют и другие идентификаторы в качестве уникальной схемы идентификации.

Идентификация – это важный шаг в сетевом мире, в котором стали применяться технологии человеческого языка: уникальные ЛР должны быть идентифицированы, а метакаталоги нуждаются в общем формате идентификации для правильного управления данными. Поэтому ЛР должны иметь идентичные схемы идентификации независимо от их представлений, типов и их физического местоположения (локального или в Интернете).

ISLRN не должен заменять местные и конкретные идентификаторы, он является не обязанностью, а передовой практикой. Например, ресурс, распределенный между несколькими центрами обработки данных, по-прежнему будет иметь “локальный” идентификатор центра обработки данных, но будет иметь уникальный ISLRN.

Поскольку основная цель схемы метаданных, используемой в ISLRN, – это идентификация ЛР, был выбран минимальный набор метаданных на основе системы метаданных OLAC.

Метаданные ISLRN

- Заглавие
- Полное официальное имя
- Имя, по которому ресурс упоминается в библиографии
- Тип ресурса
- Характер или жанр содержания ресурса Источник / URL
- Формат / Тип MIME[7]
- Формат файла (тип MIME) ресурса. Примеры: текст / xml, видео / mpeg
- Размер / Продолжительность
- Среда доступа
- Материальный или физический носитель ресурса
- Описание
- Версия
- Тип СМИ
- Тип характера или жанра содержимого ресурса
- Язык(и)
- Создатель ресурсов
- Распределитель
- Лицо или организация, ответственные за предоставление ресурса
- Правообладатель
- Правообладатель ЛР

Карта LRE [14]

Еще одна модель метаданных, которая разработана в рамках ELRA, это оценочная карта ЛР (LRE), разработанная для мониторинга создания ЛР в разнообразных проектах. Эта карта была впервые распространена на конференции LREC в 2010 г., имела большой успех и позже распространялась на многих других конференциях. В настоящее время при помощи LRE описано свыше 6 тыс. ЛР. Приведем содержание этой карты. В скобках указано количество ЛР в массиве LRE, о которых имеются соответствующие данные.

Оценка ЛР

- Оценочные данные (230)
- Инструменты оценки (71)

[7] MIME – Multipurpose Internet Mail Extensions – многоцелевые расширения интернет-почты.

- Оценочный пакет (25)
- Методология оценки / стандарты / руководящие принципы (15)

Ресурс-данные

- Корпус (2920)
- Лексикон (666)
- Онтология (162)
- Грамматика / Языковая модель (82)
- Терминология (66)
- Банки деревьев зависимостей (42)

Ресурс-руководство

- Представление – Аннотации Формализм / Руководство (62)
- Языковые ресурсы / Технологии Инфраструктура (20)
- Метаданные (10)

Ресурс-инструмент

- Таггер / Парсер (400)
- Инструмент аннотации (245)
- Корпус Инструмент (83)
- Распознаватель именованных объектов (60)
- Инструмент машинного перевода (51)
- Программный инструментарий (41)
- Токенайзер (35)
- Инструмент машинного обучения (32)
- Инструмент моделирования языков (29)
- Определитель многозначности слов (17)
- Распознаватель речи / Транскриптор (14)
- Обработка сигналов / Извлечение функций (14)
- Веб-сервис (9)
- Синтезатор преобразования текста в речь (9)
- Идентификатор языка (6)
- Распознаватель говорящего (4)
- Инструмент для анализа настроений (4)
- Просодический анализатор (3)
- Анализатор изображений (3)
- Инструмент разговорного общения (1)

Состояние производства ЛР

- Существующие и используемые (2587)
- Недавно созданные, в процессе (1408)
- Недавно созданные, законченные (1290)
- Существующие обновленные (487)
- Другое (354)
- Не применимо (17)

Доступность

- Свободно доступно (2772)
- Другое (1232)
- От владельца (1229)
- Из дата-центра (580)
- Нет в наличии (267)
- Не применимо (63)

Модальность (семиотический тип)

- Письменные (4355)
- Речь (430)
- Мультимодальные / мультимедиа (286)
- Не применимо (261)
- Речь / Письменность (186)
- Язык жестов (64)
- Независимо от модальности и другое (561)

Использование ресурсов

- Извлечение информации, поиск информации (608)
- Машинный перевод, перевод речи в речь (532)
- Разбор и тегирование (289)
- Языковое моделирование (282)
- Классификация документов, текстовая категоризация (201)
- Распознавание / понимание речи (185)
- Приобретение (181)
- Дискурс (178)
- Открытие / Представление Знаний (172)
- Смысл словосочетания (160)
- Распознавание / Генерирование эмоций (154)
- Оценка / Валидация (152)
- Создание / Аннотация Корпуса (148)
- Текстовое копирование (147)
- Распознавание именованного субъекта (144)
- Диалог (122)
- Подведение итогов (96)
- Ответы на вопросы (83)
- Морфологический анализ (80)

- Семантическая паутина (68)
- Веб-сервисы (67)
- Создание / аннотация лексиконов (63)
- Синтез речи (55)
- Генерирование речи на естественном языке (54)
- Машинное обучение (54)
- Текстовое вложение и перефразирование (53)
- Анализ мнений / анализ настроений (40)
- Распознавание / генерирование речи на жестовом языке (35)
- Идентификация языка (35)
- Идентификация личности (30)
- Анафора, Кореферентность (30)
- Семантическая ролевая маркировка (29)
- Обнаружение и отслеживание тем (25)
- Обработка мультимедийных документов (22)
- Голосовое управление (3)
- Другое (1566)

Тип языка

- Одноязычный (2507)
- Независимо от языка (2206)
- Многоязычный (961)
- Двуязычный (380)
- Трехъязычный (84)
- Не применимо (5)

Язык (Top-4)

- Английский (961)
- Немецкий (216)
- Французский (180)
- Испанский (130)

Инфраструктура компонентов метаданных (CMDI) CLARIN [15]

Ведущей европейской структурой по поддержке ЛР и языковых технологий является Общеевропейская исследовательская инфраструктура для языковых ресурсов и технологий (CLARIN)[8]. Очевидно, что CLARIN придает большое значение разработке системы метаданных.

CLARIN инициировала разработку Инфраструктуры компонентов метаданных (CMDI). Она обеспечивает основу для описания и повторного использования схем метаданных. Строительные блоки описания (“компоненты”, включающие определения полей) могут быть сгруппированы в готовый формат описания (“профиль”). Оба они хранятся и совместно используются другими пользователями в реестре компонентов для повторного использования. Каждая запись метаданных затем оформляется в виде XML-файла, включая ссылку на профиль, на котором она основана.

Подход CMDI сочетает архитектурную свободу при моделировании метаданных с мощными возможностями исследования и поиска в широком диапазоне ЛР.

На сегодняшний день существует две поддерживаемые версии: CMDI 1.1 и CMDI 1.2. Они не взаимозаменяемы, но CMDI 1.1 метаданных может быть легко преобразован в CMDI 1.2.

Вместо единого формата метаданных CMDI предоставляет основу для создания и использования самостоятельных форматов метаданных. Она опирается на модульную модель так называемых компонентов метаданных, которые могут быть собраны вместе для улучшения повторного использования, взаимодействия и сотрудничества между разработчиками моделей метаданных. Относительно небольшой набор компонентов (общие метаданные, метаданные для текстовых ресурсов, метаданные для мультимедиа и метаданные о людях) может быть объединен в индивидуальные профили.

CMDI – это не просто еще один формат. Это гораздо больше: как метамодель он обеспечивает четко определенную структуру для определения и использования вашего собственного формата. Он также позволяет пользователю интегрировать существующие схемы (IMDI, OLAC) в качестве компонентов и, таким образом, обеспечивает совместимость с существующей базой.

Ни одна единая схема метаданных никогда не сможет удовлетворить все потребности разнородного сообщества исследователей гуманитарных и социальных наук: они варьируются от описания греческих текстов на вазах до анализа жестов в видеороликах YouTube и записи фонетических особенностей телефонных записей. Отсюда и необходимость гибкого решения.

Система метаданных CMDI представляет собой комплект документов, сервисов и инструментов, которые кратко описываются ниже.

[8] CLARIN – Общеевропейская исследовательская инфраструктура для языковых ресурсов и технологий – Common European Research Infrastructure for Language Resources and Technology https://www.clarin.eu/

Спецификация CMDI 1.2 **[16]**

Уже на подготовительном этапе, который начался в 2007 г., CLARIN нуждалась в гибкости в области метаданных, поскольку она сталкивалась со многими типами ресурсов, которые должны были быть точно описаны. Для версии 1.0 был создан инструментарий CMDI, состоящий из XML-схем и таблиц стилей XSLT для проверки и преобразования компонентов, профилей и записей. Эта версия использовалась на протяжении всего этапа строительства CLARIN.

Новая версия CMDI 1.2. добавляет функциональность, а также исправляет некоторые проблемы. Эти изменения освещены в документе CE-2014-0318. Переход от 1.1 к 1.2 поддерживается версией 1.2 инструментария CMDI. Описывается жизненный цикл метаданных, устанавливается содержание работ на каждом этапе. Спецификация CMDI содержит описание структуры файла CMDI, правила установлений отношений между ресурсами, язык описания.

Более подробная информация об изменениях в CMDI 1.2 может быть найдена на странице [17]. Общая информация на этой странице относится как к CMDI 1.1, так и к CMDI 1.2.

Примеры и наборы данных. Раздел **с**одержит примеры – тестовые, реальные, большие и малые наборы данных, в том числе полученные путем сбора метаданных

Руководство по передовой практике CMDI **[18].** Проект содержит общие рекомендации по моделированию и созданию метаданных CMDI CLARIN. Руководство также содержит набор описаний общих подходов и проблем.

Документ о проблемах детализации и моделирования CMDI **[19].** Документ формулирует некоторые условия для создания метаданных:

- CLARIN ориентирован на распределенное хранение ЛР в десятках центров, где большинство из них имеют собственный репозиторий
- ЛР доступны в Интернете
- Метаданные для ресурсов хранятся в формате CMDI, где каждый центр может использовать свой собственный профиль ресурсов
- Все метаданные собираются через OAI-PMH и впоследствии включаются в поисковые системы и порталы
- Создание метаданных полностью находится под контролем центра
- CMDI – основа для исследовательской инфраструктуры, которая должна быть реализована в краткосрочной перспективе, быть надежной, хорошо масштабироваться и быть пригодной для неподготовленных пользователей.

Специальный раздел документа посвящен соотношению метаданных и лингвистических аннотаций. Делается вывод, что хотя эти подходы к описанию ЛР в значительной степени пересекаются, метаданные отличаются большей стабильностью и универсальностью.

CMDI комплект первой помощи **[20].** Включает краткий перечень инструментов и методик:

- Инструменты для проектировщика метаданных
- Инструменты создателя и куратора метаданных
- Инструменты для провайдера метаданных

Реестр компонентов **[21]**. Этот сервис CMDI выполняет следующие функции:

- Регистрация и хранение компонентов / профилей.
- Просмотр зарегистрированных компонентов / профилей.
- Редактирование и создание компонентов / профилей.

Реестр понятий CLARIN **[22]**

Концептуальный (понятийный) реестр CLARIN (CCR) предлагает набор понятий, имеющих отношение к предметной области ЛР с их постоянными идентификаторами. Подробное описание реестра см. ниже, в разделе, посвященном словарям метаданных.

Инструментальные средства CMDI

Редактор метаданных COMEDI – это веб-редактор для метаданных. С помощью COMEDI можно интерактивно создавать новые записи метаданных CMDI или загружать и изменять существующие метаданные, экспортировать в виде XML-файла CMDI и передавать через OAI-PMH.

Coala – инструмент для преобразования различных наборов речевых данных в стандартизированные файлы CMDI.

CMDI Maker – это простое в использовании веб-приложение HTML5 для быстрого создания научных метаданных.

Arbil – это общий редактор метаданных, браузер и органайзер для IMDI, CMDI и аналогичных

форматов метаданных**.** Arbil можно использовать дистанционно, на любом этапе, частично или в целом.

Поисковые инструменты

Прежде всего, это Виртуальная языковая обсерватория [23] – основной поисковый сервис CLARIN. Другой инструмент для работы с ресурсами CLARIN – поисковая машина Института Меертенса [24], при помощи которой можно искать по наименованию коллекций или по схеме профиля ЛР.

Использование CMDI в различных проектах

В литературе описано несколько примеров использования CMDI в различных информационных системах. Так, в работе [25] описано формирование метаданных в формате CMDI для объектов, хранящихся в платформе Fedora. В этом варианте Fedora работала с MySQL и Tomcat. Это было реализовано под управлением Linux, но результат относится и к другим операционным системам.

В другой работе [26] описывается организация репозитория в Институте немецкого языка[9] (IDS). Репозиторий IDS использует Fedora в качестве базовой платформы. Проект описывает 4 этапа.

Выравнивание. Метаданные и данные выравниваются друг с другом. Часто метаданные представляются в виде вектора, разделенного запятыми, со ссылками на фактические данные. Этот шаг обеспечивает однозначное соответствие между данными и метаданными, что часто требует нормализации ссылок и идентификаторов.

Валидация / курирование. Форматы данных проверяются с помощью специальных валидаторов форматов, а для данных, которые недоступны в одном из рекомендуемых форматов, генерируются дополнительные представления (обычно на основе XML DocBook или TEI для письменных корпусов).

Извлечение метаданных. Дополнительные метаданные, такие как название или дата выпуска, извлекаются из данных, используя преимущества форматов данных на основе XML, созданных на предыдущем шаге.

Генерация CMDI. Метаданные преобразуются в подходящий профиль компонента CMDI. Часто этот шаг включает в себя спецификацию нового профиля, частично основанного на существующих компонентах CMDI.

Один из репозиториев CLARIN обеспечивает управление и поддержку многих форматов метаданных в репозиториях на DSpace [27], в том числе CMDI, причем предлагается сопоставительная таблица форматов CMDI и OAI_DC.

Стандартизация метаданных ЛР

На основе модели компонентов метаданных CMDI разработан стандарт *ISO 24622 Управление языковыми ресурсами – Инфраструктура компонентов метаданных (CMDI).* Стандарт имеет 2 части: ISO 24622-1: 2015 Часть 1: Модель компонентов метаданных [28], ISO 24622-2: 2019 Часть 2: Язык спецификации компонентов метаданных [29].

В стандарте указывается, что ландшафт метаданных для ЛР продолжает оставаться фрагментированным: для ЛР использовались широко распространенные схемы метаданных, например, OLAC – это адаптированная версия CMDI. Кроме того, существуют специально разработанные схемы метаданных для определенных типов ЛР (например, IMDI). В результате системы метаданных ЛР плохо совместимы.

Описание модели CMDI – это первая часть инфраструктуры, которая формирует полный пакет для создания схем метаданных. Полный стандарт инфраструктуры будет содержать также один или несколько языков спецификации компонентов метаданных и ряд рекомендуемых компонентов и профилей метаданных. Поскольку эта часть ISO 24622 определяет абстрактную модель, то для ее описания используется UML.

Эта часть ISO 24622 упрощает разработчикам моделей метаданных создание новых схем метаданных, которые, в свою очередь, могут использоваться либо для описания новых типов ресурсов, либо для включения в более подходящее описание ресурсов в конкретных обстоятельствах. Схема метаданных воплощается в записи метаданных.

Определение ресурса в этом контексте очень широкое. В этой части ISO 24622 используется прагматический взгляд: например, изображение может быть ресурсом само по себе, если оно связано с PID[10] и на него можно ссылаться, или оно может быть частью документа, в котором отсутствует собственная идентификация. Ресурс может находиться отдельно в одной среде и рассматриваться как часть коллекции в другой среде. Кроме того, описания ЛР могут различаться в разных контекстах. Эта часть ISO 24622 должна поддерживать все такие случаи, а модель

[9] Das Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS) https://www.ids-mannheim.de/

[10] PID – Постоянный идентификатор – Persistent identifier.

должна предоставлять описания на всех уровнях детализации.

В этой части ISO 24622 учитываются два типа коллекций:

а) Сложный ресурс мог быть изначально создан как коллекция, и, не считая управления версиями, он будет существовать как таковой в статической опубликованной форме. Его спецификация будет рассматриваться как независимый объект ответственным архивным учреждением, которое также предоставляет PID для такой коллекции. Архивное учреждение отвечает за поддержание метаданных, представляющих коллекцию.

б) Напротив, другой тип коллекции – это тот, который не планировался и не создавался как коллекция его создателями или архивом, но приобрел статус объединенного ресурса на основе исследований, которые должны быть проверены. Такие коллекции, хотя и специально созданы исследователем, могут не иметь никакого значения вне контекста исследования, для которого они были созданы. Ссылка из исследовательских документов на коллекцию также может стать сложной, если коллекция содержит сотни отдельных ресурсов. Поэтому необходимо фиксировать эти типы коллекций с помощью записи метаданных, которая связана со всеми составляющими ее ресурсами, но только как воплощение этой коллекции. Нет ответственной стороны за ведение этой записи метаданных. Маловероятно, что исследователь, создавший “виртуальную” коллекцию, имеет какой-либо способ постоянно поддерживать и курировать эту запись метаданных в долгосрочной перспективе. Цифровые архивы или издатели могут вести специальные реестры, в которых исследователи могут регистрировать такие виртуальные коллекции.

Оба типа коллекции идентифицируются с помощью PID, который относится к метаданным коллекции.

Сфера применения этой части ISO 24622 состоит в описании модели, которая обеспечивает гибкое построение интероперабельных схем метаданных для ЛР. Схемы метаданных, основанные на этой модели, могут использоваться для описания ресурсов на разных уровнях детализации.

Вторая часть стандарта ISO 24622-2: 2019 содержит представление языка спецификации метаданных компонентов.

В CMDI жизненный цикл метаданных начинается с потребности в моделировании метаданных для определенного типа ресурса. Разработчики моделей могут просматривать и искать в реестре компоненты и профили, которые соответствуют их требованиям. Компонент группирует вместе элементы метаданных, которые потенциально могут быть повторно использованы в другом контексте. Компоненты также могут группировать другие компоненты.

Существующие реестры компонентов могут уже содержать любое количество компонентов. Их можно повторно использовать в том виде, в каком они есть, или адаптировать путем изменения, добавления или удаления некоторых элементов и/или компонентов метаданных. Также могут быть созданы совершенно новые компоненты для моделирования уникальных аспектов рассматриваемых ресурсов. Все необходимые компоненты объединены в один профиль, соответствующий типу ресурсов.

Любой компонент, элемент и значение в таком профиле могут быть связаны с семантическим описанием – концептом, чтобы сделать их значение явным. Эти семантические описания могут храниться в семантическом реестре, например, Регистре понятий CLARIN (см. ниже). Создатели метаданных могут создавать записи для определенных ресурсов, которые соответствуют профилю типа ресурса, и эти записи могут быть предоставлены в локальные и глобальные каталоги.

Вторая часть стандарта, кроме вступления и определения терминов, включает следующие разделы:

- Условные обозначения и пространство имен XML
- Структура экземпляров CMDI
  - Общая структура
  - Основная структура
  - Элемент <Header> element
  - Элемент <Resources> element
  - Элемент <IsPartOfList> element
  - Компоненты CMD
- Язык спецификации компонентов CMDI (CCSL)[11]
  - Общая структура CCSL
  - Заголовки CCSL
  - Спецификации CMD
  - Определение элементов CMD
  - Определение атрибутов CMD

[11] CCSL – Язык спецификации компонентов CMDI – CMDI component specification language.

- Схемы значений для CMD элементов и атрибутов

- Метаданные компонентов (CMD)
  - Преобразование CCSL в определение схемы профиля CMD
  - Общие свойства определения схемы профиля CMD
  - Интерпретация спецификаций CMD в CCSL
  - Интерпретация определений элементов CMD в CCSL
  - Интерпретация определений атрибутов CMD в CCSL
  - Модель контента для элементов и атрибутов CMD в определении схемы

Словари метаданных и реестры категорий данных

Разработка и реализация систем метаданных для описания ЛР существенным образом зависит от качества (полноты, точности и однозначности) терминов, используемых в этих метаданных, как и в других языковых технологиях. Поэтому с начала деятельности по созданию метаданных была поставлена задача формирования реестра категорий лингвистических данных, т.е. словарей терминов (понятий), применяемых для метаописаний ЛР.

Соответствующий стандарт был впервые выпущен ISO TC37 как ISO 12620: 1999, который позже был признан устаревшим и появилось второе издание ISO 12620: 2009 [30]. Оно было также переработано и появился стандарт ISO 12620: 2019. Однако третье издание больше не предоставляет реестр терминов для языковых технологий, теперь оно ограничено терминологическими ресурсами, отсюда пересмотренное название “Управление терминологическими ресурсами – Спецификации категорий данных” [31].

Второе издание ISO 12620: 2009 было переведено на русский язык в качестве российского ГОСТ Р ИСО 12620-2012 [32].

Реестр категорий лингвистических данных под эгидой ISO TC37 был создан в 2008 г. в Институте психолингвистики Макса Планка (MPI) в Неймегене, Нидерланды под названием ISOcat. Оригинальный ISOcat был задуман как официальный онлайновый реестр информации о категориях данных для поддержки исследований и разработок в различных лингвистических дисциплинах. Со временем стало очевидно, что некоторым пользователям будет лучше служить концептуальная база данных, предназначенная для поиска данных в больших текстовых корпусах, что требует иной модели данных, чем ISOcat.

В результате отпала необходимость в регистрирующем органе, и хранилище ISOcat перестало быть проектом ISO. Был создан DatCatInfo (DCR) – репозиторий категорий данных, который заменяет ISOcat.

Следующим этапом развития регистра стало создание для пользователей CLARIN нового реестра CLARIN Concept Registry (CCR). Этот реестр поддерживает институт Meertens. В 2015 г. реестр компонентов был обновлен для использования CCR вместо ISOcat.

Еще несколько проектов по словарям метаданных ЛР (LIME, Lexinfo, ОПТЕЛ) кратко описаны ниже.

***ISOcat* [33].**

Как было отмечено выше, регистр ISOcat в настоящее время не поддерживается. Однако пока эта база данных была доступна, с ней проводились интересные исследования. Например, специалисты Тюбингенского университета разработали интерпретацию дерева зависимостей для регистра ISOcat.

Категории данных (т.е. дескрипторы) имеют определения на естественном языке и мало выраженных связей. С ростом реестра до многих сотен записей становится все более очевидным, что неформальные определения и их конструкция в виде глоссария затрудняют пользователям понимание, использование и управление содержимым реестра.

Разработчики взяли большое подмножество набора терминов ISOcat и восстановили из него древовидную структуру. Такой онтологический реинжиниринг дает пользователям представление о лингвистической терминологии, связанной с метаданными. Полученная иерархия доступна по адресу [34], а для академического и исследовательского использования приводится XML-файл. Каждая запись представлена только в RDF со своим мнемоническим идентификатором, именем, постоянным идентификатором и определением естественного языка. Никакой другой информации, в частности никакой структурной информации, не приводится.

***База данных DatCatInfo* [35].**

DatCatInfo – это репозиторий категорий данных (DCR), разработанный в соответствии с ISO 12620: 2019, который заменяет ISOcat.

Лидеры сообщества пользователей решили создать хранилище определений категорий данных, переименованное в DatCatInfo и поддерживаемое отраслевыми лингвистами и терминологами. DatCatInfo поддерживается LTAC Global/TerminOrgs, которая является связующим звеном с ISO TC37.

Для поиска в массиве данных DatCatInfo разработана база данных TERMWEB [36] с разнообразными поисковыми возможностями.

***Реестр понятий CLARIN* [22]**

Реестр понятий CLARIN (CCR)[12] образует основу семантического слоя совместимости CLARIN, особенно в контексте метаданных, т.е. компонентной инфраструктуры метаданных (CMDI). Реестр предлагает набор понятий с их постоянными идентификаторами, имеющими отношение к предметной области ЛР. CCR содержит 3163 понятия и определения. Пример:

writing systems *The visual representation of spoken language on paper or other media, and the issues involved in writing and creating a writing system. (source: CLARIN).*

системы письма *Визуальное представление устной речи на бумаге или других носителях, а также вопросы, связанные с написанием и созданием системы письма. (источник: CLARIN).*

Доступ к реестру понятий через фасетный браузер может получить любой пользователь в режиме *только для чтения*. Добавление новых понятий или изменение существующих могут быть осуществлены только национальными координаторами CCR.

Фасетный браузер для поиска в CCR [37] предоставляет возможность поиска по части термина или по термину целиком, по полям БД, а также с использованием нескольких фасетных фильтров с развитой классификацией.

***Словарь лингвистических метаданных (LIME)* [38]**

LIME[13] – это словарь для выражения лингвистических метаданных о ЛР и лингвистически обоснованных наборах данных. LIME и связанный с ним Java API опубликован в виде связанных данных.

Сегодня LIME является модулем метаданных пакета словарей OntoLex для обеспечения интерфейсов между онтологиями и лексиконами. Соответствующие метаданные включают список естественных языков, принятых для лексикализации набора данных, лексические модели, принятые для обеспечения лексикализации (например, rdfs:labels, SKOS или SKOS-XL labeling properties, или сам OntoLex), а также статистические данные о покрытии элементов набора данных лексическими записями для каждого данного языка.

Словарь LIME, который дополняет другие существующие словари метаданных, рекомендуется использовать для улучшения видимости онтологий и наборов данных, с тем чтобы улучшить их доступность и квалифицировать их лексическую характеристику.

***LexInfo* [39]**

LexInfo – это онтология, которая была разработана для предоставления категорий данных для модели Lemon с использованием языка разметки Lexical Markup Framework Версию 1.0. С тех пор она была обновлена в виде новой модели OntoLex-Lemon группы сообщества OntoLex. LexInfo теперь представлена на GitHub.

База данных лексики метаданных российских ЛР

К исследованиям лексики метаданных ЛР следует отнести также проект по созданию лексической и концептуальной основы для онтологии по лингвистике на основе лексики метаданных российских ЛР. Создана база данных, которая получила название Онтология поисковых терминов по лингвистике (ОПТЕЛ). Предполагается, что ОПТЕЛ также может служить для навигации и/или метапоиска в репозитории российских ЛР. Принципы отбора источников для ОПТЕЛ, структура БД, особенности отдельных словарей метаданных описаны в работе [40]. В настоящее время ОПТЕЛ реализована и размещена в Интернете [41].

Реализованная версия ОПТЕЛ включает 55 словарей лексики информационных языков и других метаданных, принадлежащих 28 ЛР разных типов. К ним относились тезаурусы, классификации, средства разметки Национального корпуса русского языка и многие другие источники. Всего в ОПТЕЛ представлено свыше 430 тыс. уникальных лексических единиц, объем каждого словаря указан в работе [42]. Там же представлены данные распределения пересечений лексики ОПТЕЛ по словарям и другие сведения.

Заключение

Представленный обзор освещает основные проекты и стандарты, связанные с метаданными ЛР за последние годы. Как легко видеть, работа

[12] CCR – Реестр понятий CLARIN – CLARIN Concept Registry.

[13] LIME – лингвистические метаданные – LInguistic MEtadata.

по ним идет весьма активно. В то же время, к сожалению, роль российских специалистов в этом процессе невелика. Разработан, точнее, переведен, единственный российский ГОСТ, но и тот, насколько известно автору, в практике ЛР не используется. Тем не менее, использование современных развитых моделей метаданных необходимо, чтобы результаты российских разработок ЛР стали частью мирового лингвистического пространства. Поэтому российские разработчики ЛР должны знать и по возможности использовать мировой опыт разработки и применения систем метаданных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. A Proposal for a Meta Description Standard for Language Resources https://www.mpi.nl/ISLE/documents/papers/white_paper_11.pdf
2. Metadata Elements for Lexicon Descriptions https://www.mpi.nl/ISLE/documents/draft/ISLE_Lexicon_1.0.pdf
3. IMDI Team, (August 2001), Vocabulary Taxonomy and Structure, Version 1.1, MPI Nijmegen
4. Mapping IMDI Session Descriptions with OLAC Draft Proposal Version 1.0 August, 2001 IMDI Technical Report Max-Planck-Institute for Psycholinguistics NL, Nijmegen
5. Arbil for editing and managing IMDI metadata. Version 2.6. https://www.mpi.nl/corpus/html/arbil-imdi/index.html
6. IMDI Documents https://www.mpi.nl/ISLE/documents/docs_frame.html
7. OLAC Metadata http://olac.ldc.upenn.edu/OLAC/metadata.html
8. OLAC Metadata Usage Guidelines http://olac.ldc.upenn.edu/NOTE/usage.html
9. Dublin Core XML https://dcxml.readthedocs.io/en/latest/
10. Documentation and User Manual of the META-SHARE Metadata Model http://www.meta-net.eu/public_documents/t4me/META-NET-D7.2.4-Final.pdf
11. Gavrilidou, M., Labropoulou, P., Piperidis, S., Speranza, M., Monachini, M., Arranz, V., Francopoulo, G. META-NET Deliverable D7.2.1 – Specification of Me_tadata-Based Descriptions for Language Resources and Technologies, 2011, http://t4me.dfki.de/intranet/document_repository/deliverables/wp07-infrastructure-functional-and-technical-specification/meta-net-d7.2.1-final.pdf/view
12. Technologies for the Multilingual European Information Society. Specification of metadata-based descriptions for language resources and technologies. Penny Labropoulou, Maria Gavrilidou, Elina Desipri, Stelios, Piperidis (R.C. Athena. ILSP), Francesca Frontini, Monica Monachini (ILC. CNR), Victoria Arranz (ELDA), Gil Francopoulo (LIMSI). Final Report, 2012 http://www.meta-net.eu/public_documents/t4me/META-NET-D7.2.2-Final.pdf
13. International Standard Language Resource Number http://www.islrn.org/
14. LRE map http://www.elra.info/en/catalogues/lre-map/
15. Component Metadata https://www.clarin.eu/content/component-metadata
16. CMDI 1.2 specification Version 1 Date 2016-10-20 https://office.clarin.eu/v/CE-2016-0880-CMDI_12_specification.pdf
17. CMDI 1.2 https://www.clarin.eu/cmdi1.2
18. CMDI Best Practices Guide https://www.clarin.eu/content/cmdi-best-practices-guide
19. AP3-007-CMDI_and_granularity.pdf https://www.clarin.eu/media/1790
20. CMDI-first-aid-kit.pdf https://www.clarin.eu/sites/default/files/CMDI-first-aid-kit.pdf
21. Component Registry Documentation. Component Registry, Browser and Editor Reference Manual https://www.clarin.eu/content/component-registry-documentation
22. CLARIN Concept Registry https://www.clarin.eu/ccr
23. Virtual Language Observatory (VLO) https://www.clarin.eu/content/virtual-language-observatory-vlo
24. Поисковые сервисы и инструменты Института Меертенса [Search Services and Tools of the Mertens Institute] https://www.meertens.knaw.nl/cmdi/search/#q=*%3A* (In Russ.)
25. Fedora_OAI_Konfiguration_v3.pdf https://www.clarin-d.net/images/leipzig/Fedora_OAI_Konfiguration_v3.pdf
26. IDS Repository Architecture and Ingest Pipelines http://repos.ids-mannheim.de/reposdescription.html
27. Linguistic Data and NLP Tools. About metadata https://lindat.mff.cuni.cz/repository/xmlui/page/ metadata
28. ISO 24622-1:2015 Language resource management – Component Metadata Infrastructure (CMDI) – Part 1: The Component Metadata Model https://www.iso.org/ru/standard/37336.html
29. ISO 24622-2:2019 Language resource management – Component metadata infrasctructure (CMDI) – Part 2: Component metadata specification language https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:24622:-2:ed-1:v1:en
30. ISO 12620:2009 Terminology and other language and content resources – Specification of data categories and management of a Data Category Registry for language resources https://www.iso.org/standard/37243.html

31. ISO 12620:2019 Management of terminology resources – Data category specifications https://www.iso.org/standard/69550.html

32. ГОСТ Р ИСО 12620-2012 Терминология, другие языковые ресурсы и ресурсы содержания. Спецификация категорий данных и ведение реестра категорий данных для языковых ресурсов http://docs.cntd.ru/document/1200104401 [*GOST R ISO 12620-2012 Terminologiya, drugie yazykovye resursy i resursy soderzhaniya. Specifikaciya kategorij dannyh i vedenie reestra kategorij dannyh dlya yazykovyh resursov* [GOST R ISO 12620-2012 Terminology, Other Language Resources and Content Resources. Specification of Data Categories and Maintaining a Register of Data Categories for Language Resources] http://docs.cntd.ru/document/1200104401 (In Russ.)].

33. The Center for Sustainability of Linguistic Data (NaLiDa) http://www.sfs.uni-tuebingen.de/nalida/en/

34. Rational Reconstruction for TDG Metadata http://www.sfs.uni-tuebingen.de/nalida/images/isocat/isocat_hierarchy.html

35. Data Category Repository (DCR) http://datcatinfo.net/

36. TERMWEB https://datcatinfo.termweb.se/termweb/app

37. CLARIN Concept Registry Browser https://concepts.clarin.eu/ccr/browser/

38. Linguistic Metadata (LIME) vocabulary https://lod-cloud.net/dataset/lime

39. About the ontology. What is LexInfo? https://lexinfo.net/

40. *Антопольский А.Б., Савчук С.О., Тамеев А.А.* О разработке онтологии поисковых терминов по лингвистике // Информационные ресурсы России. 2020. № 4. С. 2–7. [Antopolsky, A.B., Savchuk, S.O., Tameev, A.A. *O razrabotke ontologii poiskovyh terminov po lingvistike* [On the Development of an Ontology of Search Terms in Linguistics] *Informacionnye resursy Rossii* [Information Resources of Russia]. 2020, No. 4, pp. 2–7. (In Russ.)].

41. Онтология поисковых терминов по лингвистике http://db.inion.ru/optel/ [*Ontologiya poiskovyh terminov po lingvistike* [Ontology of Search Terms in Linguistics] http://db.inion.ru/optel/ (In Russ.)].

42. *Антопольский А.Б., Максимов Н.В., Тамеев А.А.* Экспериментальная база данных источников для создания онтологии по лингвистике // Информационные ресурсы России. 2021. № 3. С. 24–30. DOI: 10.46920/0204-3653_2021_03181_24 [Antopolsky, A.B., Maksimov, N.V., Tameev, A.A. *Eksperimentalnaya baza dannyh istochnikov dlya sozdaniya ontologii po lingvistike* [Experimental Database of Sources for Creating an Ontology on Linguistics]. *Informacionnye resursy Rossii* [Information Resources of Russia]. 2021, No. 3, pp. 24–30. DOI: 10.46920/0204-3653_2021_03181_24 (In Russ.)].

Дата поступления материала в редакцию: 15 июня 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 октября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 ноября 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on June 15, 2021
Revised on October 30, 2021
Accepted on November 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018925-3

Корень *$*d^heh_1$*- ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и италийских языках (на индоевропейском фоне)

© 2022 г. К. Г. Красухин

Доктор филологических наук,
профессор, заведующий сектором Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Б. Кисловский пер, д. 1/12, стр. 1
krasukh@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается развитие корня *$*d^heh_1$*- по преимуществу в древнегреческом и италийских языках: именно здесь данный корень, как и некоторые другие с ларингальным ауслаутом, образует глагольную основу с формантом *-*k*, происхождение которой до сих пор вызывает дискуссии. Вероятно, этот элемент возник на стыке двух ларингалов в послеударной позиции и, таким образом, характеризовал “сильную” форму перфекта. В древнегреческом этот глайд был распространён и на аорист, тоже стал характеризовать сильные формы (действительного залога ед.ч.). В некоторых других корнях с ларингалом он полностью сформировал глагольную основу. В италийских языках возникший таким образом суффикс *-*k*- стал основой претерита с полной ступенью, от которого образовался активный презенс с 0 ступенью и суффиксом *-*io*-, затем глагол состояния с суффиксом *-*ē*-. Следы такого же морфологического процесса обнаруживаются и в германском; основы на -*k*- в корнях на ларингал – также и в тохарских языках. Следовательно, в позднеиндоевропейском имел место фонетический процесс, приведший к возникновению в некоторых ветвях глайда; он оказался втянут в морфологические оппозиции, также рассмотренные в работе. Подчёркнута морфологическая и семантическая архаичность корня.

Ключевые слова: этимология, реконструкция, морфология, индоевропейский глагол, ларингал, аблаут.

Для цитирования: *Красухин К.Г.* Корень *$*d^heh_1$*- ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и италийских языках (на индоевропейском фоне) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 37–50. DOI: 10.31857/S160578800018925-3

The Root *$*d^heh_1$*- ‘Put, Pose; Make, Act’ in Old Greek and Italic on the Indo-European Background

© 2022 Konstantin G. Krasukhin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Head of department at the
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1/12, build.1 B. Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
krasukh@mail.ru

Abstract. The development of root *$*d^heh_1$*- is considered, previously in Greek and Italic. This root, as also some other with laryngeal auslaut, is developed into a stem with auslaut *-*k*-, whose origin is disputable. Probably, it appeared as a glide, a result connection of two laryngeals (in 1 Sg. perfect), and originally characterized its “strong” forms. This glide is spread on the stem of aorist, and became a marker of active singular. In some other roots it spread on the whole verbal paradigm in all tenses. The verbal stem in Italic is formed with this *-*k*- – the variant with full grade in preterit, and derived present with zero grade and suffix *-*io*-; then a stative verb with suffix -*ē*-. Traces of the same morphological process are attested also in

Germanic language; in Tocharian languages there are stems with *-k-*, what replaces an old laryngeal. The morphological and semantic archaisms of the root *d^heh_1- is argued.

Key words: etymology, reconstruction, morphology, Indo-European verb, laryngeal, ablaut.

For citation: Krasukhin, K.G. *Koren' *d^heh_1- 'stavit', polagat'; delat'' v grecheskom i italijskih yazykah (na indoevropejskom fone)* [The Root *d^heh_1- 'Put, Pose; Make, Act' in Old Greek and Italic on the Indo-European Background]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 37–50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018925-3

Корень *$d^hē$ (*d^heh_1-) относится к числу наиболее распространённых в индоевропейских языках. Он образует глагол, формирующий различные типы презенсов (тематические и атематические) аористов и перфектов. Его значение позволяет проследить развитие от конкретного, вещного действия к абстрактному: "ставить" (ц.-слав. *дѣти*, хетт. *tehhi*) → "устанавливать, утверждать" (греч. *τίθημι*, др.-инд. *dádhāti*) → "делать" (лат. *facere*) и "говорить" (ц.-слав. *дѣ*, хетт. *temi*). Ряд его дериватов имеет необычные форманты, происхождение которых не до конца прояснено. Мы предпримем попытку показать, что это связано с взаимодействием фонетических и морфологических процессов.

1. Греческие глагольные основы от корня *d^heh_1- и иные корни аналогичной структуры.

Греческие формы довольно однотипны: редуплицированный презенс *τίθημι* / *τίθεμαι*; корневой аорист *ἔθηκα* (беот. *ἀνέθε*) / *ἔθεμεν* / *ἐθέμην* / *ἐτέθην*; стандартный перфект *τέθηκα* / *τέθεμαι*. Беотийская форма репрезентирует самый древний корневой аорист, сохранившийся также в др.-инд. *ádhāt*, а также в ц.-слав. *дѣ*. Но он был вытеснен формой на *-κ-*, как и у других глаголов этого же класса: *ἔδωκα*, *ἧκα*.

Вопрос о происхождении *-κ-* до сих пор дискуссионный (наши соображения ниже). Но он встречается только в сильных формах глаголов на ларингал: аорист *ἔδωκα*, *ἧκα*; перфект *δέδωκα*, *εἷκα*.

Распределение суффикса в корне представлено в таблице, где учтены презенс и различные корни аориста.

Таблица 1:

Презенс	Активный аорист	Медиальный аорист	Пассивный аорист	Конъюнктив	Оптатив	Императив
τίθημι	*ἔθηκα*	*ἔθετο*	*ἐτέθην*	*θῶ*	*θείην*	*θές*
δίδωμι	*ἔδωκα*	*ἔδοτο*	*ἐδόθην*	*δῶ*	*δοίην*	*δός*
ἵημι	*ἧκα*	*εἷτο*		*ὦ*	*εἵην*	*ἕς*

Иными словами, формант *-κ-* появляется только в исконно баритонных формах. Можно было бы предположить, что он появился благодаря взаимодействию ларингала с иными звуками в позиции непосредственно после ударного слога, например, со слоговым сонантом. Однако обращает на себя внимание, что сходный по структуре глагол *ἵστημι* этого суффикса не имеет. Сам корень, очевидно, был непереходен; в греческом переходен редуплицирующий презенс (в латинском он может быть и переходным, и непереходным: *stare* 'стоять' – *sistere* 'ставить' и 'останавливаться'); от этого корня образуется переходный аорист с сигматическим суффиксом *ἔστησα* 'я поставил' и корневой непереходный *ἔστην* 'я (в)стал'. Такое же распределение основ в аористе обнаруживает глагол *βαίνω* / **βίβημι* / *βιβάω* 'приходить', где при непереходном презенсе[1] сигматический аорист *ἔβησα* 'я отправил' переходен, корневой *ἔβην* 'я пришёл' непереходен. Другие глаголы этого класса тоже не обнаруживают следов суффикса *-κ-* в аористе: *πίμπλημι* 'наполнять' – переходный сигматический аорист *ἔπλησα* 'я наполнил' – непереходный медий *ἔπλητο* 'наполнился'; от *πίμπρημι* 'жечь' образуется переходный аорист *ἔπρησα*; непереходное значение выражается пассивным аористом *ἐπρήσθη* 'сгорел, был сожжён'. Следовательно, фонетика не благоприятствовала развиться форманту *-κ-* именно в аористе. Тем более в презенсе *ἥκω* 'прибыть, прийти; напасть, настигнуть; достигнуть' наличие суффикса вообще нельзя объяснить чисто фонетически: тематические основы обычно устойчивы. Этот глагол явно производен от аориста *ἧκα*. Его значение можно охарактеризовать как терминативное: результатив по отношению к *ἵημι* с оттенком стремления к достижению определённого состояния. Он может быть переходным и непереходным.

С другой стороны, формант *-κ-* встречается и в перфекте названных глаголов тоже только в так называемых сильных формах, т.е. презенсе индикатива актива, подразумевающем баритонезу:

[1] Переходен другой редуплицированный презенс – *βιβάζω* 'поднимать'.

τέϑηκα – τέϑεμαι, δέδωκα – δέδομαι, εἶκα – εἶμαι. В отличие от аористов, формант -κ- обязателен во всех “сильных” формах корней на -*H*-. Этот аффикс появился, очевидно, на стыке двух ларингалов: *(*d*^{h}*e*)*d*^{h}*éh*$_1$-*h*$_2$*e* > -ϑηκα; *(*de*)*doh*$_3$-*h*$_2$*e* > -δωκα; *(*ie*-)*ieh*$_1$-*h*$_2$*e* > εἶκα. В корне στη- / στα он тоже появляется: ἔστηκα < **se-steh*$_2$-*h*$_2$*e*, ср. и ещё один непереходный глагол, образующий презенс по данному типу: βαίνω / βίβημι (βιβάω) ‘приходить’ – βέβηκα (< *-*g*^{u}*eh*$_2$-*h*$_2$), мн.ч. у Гомера βεβάασι. Существует также редкая форма (Гиппонакт, поздние авторы) πέπρηκα при медии πέπρησμαι. Наконец, формант -κ- появляется у перфектов с основой на ларингал, чей корень репрезентирует состояние II по Бенвенисту: τέτμηκα ‘я отрезал’ (*-*tmeh*$_2$ -*h*$_2$-), βέβληκα ‘я бросил’ (*-*g*^{u}*leh*$_2$-*h*$_2$-), κέκμηκα ‘я устал’ (*-*kmeh*$_2$-*h*$_2$-). Так что можно считать этот закон достаточно всеобъемлющим: на стыке ларингалов в позиции после ударения появляется глайд -κ-. В перфекте он в корнях на ларингал регулярен: помимо указанных форм – τέτληκα ‘я вынес’. У Гомера суффикс встречается только в сильных формах, ср. 1 л. мн.ч. τέτλαμεν, 2 л. εστατε, 3 л. βεβάασι. Сюда же можно отнести перфект глагола πίνω ‘пить’ – πέπωκα (при медии πέπομαι: *-*poh*$_3$-*h*$_2$*e*/ **ph*$_3$-*h*$_2$*é*). Далее аффикс распространился и на дифтонгические корни: δείδω ‘бояться’ – δέδοικα (при наличии не только слабых форм δέδιμεν, но и ед.ч. δείδια[2]). Затем этот суффикс внедрился и в перфекты от иных корней, появившись в “сильных” формах, в послегомеровскую эпоху обобщившись на всю парадигму. В некоторых случаях такой поздний перфект с -κ- имеет переходное значение: ὀλώλεκα ‘я погубил’ – ὄλωλα ‘я погиб’ (презенс ὄλλυμι); ἔφϑαρκα ‘я разрушил’ – ἔφϑορα ‘я разрушен’ (φϑείρω), ἐγρήγορα ‘я проснулся’ – ἐγήγερκα ‘я разбудил’ (ἐγείρω), πέποιϑα ‘я убеждён’ – πέπεικα ‘я убедил’ (πείϑω) [2, с. 400].

Существуют и ограничения на возникновение глайда -κ-: если в слоге, содержащем сонант и ларингал, гласный стоит перед сонантом, – он не появляется: γέγονα ‘я появился, стал’ (*-*gonh*$_1$-*h*$_2$-). По-видимому, этот перфект более архаичен, ср. др.-инд. *jajā́na* ‘родился’, гот. *kann* ‘может’. Важно, что в период, когда от греческих корней образовывался перфект второго типа, фонетический закон действовал. Надо полагать, что именно приведённые формы стали базой, на которой сформировался стандартный перфект типа λύω ‘развязывать’ – λέλυκα. Для аористов же этот формант, как мы убедились, не универсален. Он явно заимствован из перфекта.

Эдгар Стёртевант [3] первым предположил, что суффикс -κ- возник чисто по фонетической причине, на стыке двух ларингалов. Его наличие в аористе исследователь объясняет взаимовлиянием обеих грамматических категорий: латинское окончание 2 л. ед.ч. перфекта -*isti* – контаминация аориста и перфекта, как и германское -*st*. Но и в тех языках, где основы аориста и перфекта различались, тоже имело место взаимопроникновение флексий: 3 л. мн.ч. -*ur* в древнеиндийском, перфектное по происхождению, проникло в парадигму аориста; греческое ἔφησϑα ‘ты сказал’ наряду с ἔφης. Против объяснения Стёртеванта выступил Уоррен Каугилл [4]. Он предположил, что если бы суффикс имел такое происхождение, то он бы мог переосмыслиться (reanalyzed) как показатель 1 л., тогда как 3 л. должно было бы выглядеть как **sestoh*$_2$-*e* > *εστωε > εστω; 2 л. – *εστωας > *εστως (или *εστω(σ)ϑα). Также он отметил, что нигде, кроме греческого и италийского, основа на -*k*- не засвидетельствована. При этом упомянуты, правда, и претерито-модальные формы от глагола “быть” в тохарских языках: А претерит *tākā*, конъюнктив *tākeñc* (3 pl.), оптатив *tākiṣ*; В конъюнктив V *tākau* (1 sg.), *tākat* (2 sg.), *tākaṃ* (3 sg.), оптатив *tākoym*, *tākoyt*, *tākoy*; претерит *takāwa*, *takāsta*, *tāka*[3]. Эти формы включены в парадигму глагола *nes*- ‘быть’ как супплетивные; этимологически же они родственны глаголу *tā*- < **dheh*$_1$-. Этот корень представлен также в тохарском А: оптатив *tāwiṣ*, активный претерит *casäs* (причастие претерита *to*), медиальный *tsäte*; В презенс *taseṃ*, конъюнктив *tāsau*, *tāseṃ*. В перфекте же появился и суффикс *-*k*-[4].

Каугилла поддержал Роберт Бекес [7, с. 7]. Он полагает, что два ларингала между гласными просто выпали бы. О происхождении суффикса -κ- оба автора не говорят, но можно предположить, что они считают его изначально явлением не фонетики, а морфологии. Однако этому противоречит то, что он встречается только в формах ед.ч. действительного залога. Является ли он показателем единственного числа? В праиндоевропейском имеются подобные морфемы: изначально такими были, по-видимому, флексии *-*s* и *-*t* ([8]; ср. “центр -*s* / -*t*” – [9]). Но они использовались

[2] Такой перфект подтверждает мнение Ф. Бадер о наличии индоевропейских перфектов с редупликацией и 0 ступенью корня [1].

[3] Стёртевант тоже упоминает тохарские формы, приводя при этом явное ghost-word *kälk* ‘you went’, не зафиксированное в словарях.

[4] Х. Педерсен [5, с. 194] полагал, что глагол *tāk*- происходит из и.-е. **steh*$_1$-. А. Ван Виндекенс [6, с. 496] указывает на то, что начальное **st*- отражается в тох. А. как *ṣt*-.

только в 3 л. ед.ч., не распространяясь на иные формы. Пауль Кречмер [10] считал, что суффикс *-κ-* воспроизводит объектное спряжение, т.е. придаёт глагольным основам транзитивность, – но этому противоречит то, что он представлен только в формах единственного числа. Иными словами, первичное распределение суффикса трудно объяснить иначе, чем фонетическими причинами. Об италийских рефлексах основы **dheh$_1$-k-* речь пойдёт ниже. Что касается тохарских форм, то обращает на себя внимание форма претерита, очевидно, происходящая из перфекта. Этим происхождением, вероятно, объясняется непереходность глаголов *tākaṃ*, *tākoy*, *taka*. Соединение ларингального ауслаута основы с ларингалом, начинающим флексию, и привело к развитию глайда *-k-*, который и здесь переосмыслился как суффикс.

Таким образом, развитие суффикса *-κ-*, как и аблаут, обусловлено подвижным ударением в греческом перфекте, утраченным, как и во всех личных формах глагола, в дописьменный период древнегреческого. Ср. *ϝοῖδα – ϝῖδμεν*, *γέγονα* ‘я родился’ – *γεγάασι* ‘они родились’, сопоставимые с *véda* ‘я знаю’ – *vidmá* ‘мы знаем’, *jujóṣa* ‘я вкусил’ *jujuṣmá* ‘мы вкусили’.

По-видимому, по аналогии с сигматическим суффиксом глайд в греческом приобрёл слаботранзитивное значение, в этом качестве распространился на основы перфекта, образованные корнями без ларингала. Свою роль, видимо, сыграло то, что в старых перфектах и аористах наличие/отсутствие *-κ-* противопоставляло сильные формы (действительный залог) слабым (медиальным и пассивным). От непереходных же аористов *ἔβην*, *ἔστην* образуются сходные формы: переходное *ἵστημι – *βίβημι* (непереходное *βιβάω*), переходные аористы *ἔστησα*, *ἔβησα*, непереходные перфекты *ἕστηκα*, *βέβηκα*. Попутно отметим, что от корня *βη-* в греческом образован и переходный презенс *βιβάζω* ‘отправлять’. Формант *-ζ-* появляется на стыке ларингала и тематического гласного: *πίλναμαι* ‘приближаться’ – *πελάζω* ‘приближать’; *δάμνημι – δαμάζω* ‘подавлять, усмирять’; *λίναμαι· τρέπομαι* (Hes.) ‘обращаться’ – *λιάζω* ‘склонять(ся)’. Вероятно, такой фонетический процесс связан прежде всего с **h$_2$*.

Италийские дериваты корня **d^{h}eh$_1$-*

В италийских языках этот корень отражён в следующих формах: лат. *facio / fēci*[5]. Без суффикса *-k-* глагол в корнем **dheh$_1$-* представлен в префигированных и композитных формах *condere* < **km̥-d^{h}h$_1$é-* (*condidi*) ‘основывать’; *credere*< **kr̥d-dhh$_1$é-* (*credidi*; то же корнесложение – др.-инд. *śraddhā* ‘вера’; хетт. DINGIR^{DIDLI}*-estama īn karatan dair* (Zalpa Vs 16) ‘боги создали иную внутреннюю сущность, иную душу вложили’[6]) ‘верить’, *abdere* (*abdidi*) ‘уносить’, *obdere* (*obdidi*) ‘противопоставлять’ *subdere* (*subdidi*) ‘ставить вниз; скрывать, прятать’, также, очевидно, *dividere* ‘разделять’ (с двумя разделительными приставками). Во всех этих глаголах, представляющих собой тематизацию данного корня (подобную др.-инд. *dádăti*), присутствует редуплицированный перфект, возможно, сформировавшийся под влиянием *dare – dedi*, *reddo – reddidi*. Вообще, в формах с приставками корни **dheh$_1$-* и **deh$_3$-* заметно сблизились, так как первый утратил придыхательность анлаута. И в сознании латинских грамматиков *credere* истолковывалось как *certum dare*. Но и основа на *-k-* может образовать редуплицированный претерит: *vhe:vhaked* (Пренестинская фибула); в других латинских памятниках имеет место только претерит *feked* (*fēcit*), начиная с Дуэновой надписи.

По той же морфологической модели образованы основы глагола *căpio – cēpi* (**kh$_{ü}$p-io – *keh$_1$p-*) ‘брать’: корневой аорист, от которого образован презенс с 0 ступенью корневого вокализма и суффиксом *-io-*. Глагол того же класса *iacio* состоит в родстве с греч. *ἵημι*; *iēci* = *ἧκα*. Очевидно, причина появления суффикса *-k-* та же. Отметим, что с *iacio* в родстве результативный глагол *iaceo* ‘лежать’, входящий в довольно представительный класс глаголов состояния с суффиксом *-ē-* [12]–[13]: *placeo* ‘нравиться’, *sedeo* ‘сидеть’, *albeo* ‘белеть’, *rubeo* ‘краснеть’. Глаголы, каузативные по отношению к ним, образуются по-разному: отымённый *albāre* ‘белить’, образованные с тем же суффиксом *sēdāre* ‘сажать’, *placāre* ‘делать гладким; утихомиривать’. Презенс с 0 ступенью корневого вокализма и суффиксом **-io-* образован от корневого претерита *iēci* (= *ἧκα*; как *facio* от *fēci* = *ἔ-θηκα*; *capio* ‘брать’ от *cēpi*). К глаголам состояния относится также *taceo* ‘молчать’. О.Н. Трубачёв [14] высказал блестящее предположение о возможности перехода значения “таять” → “молчать”. Тем самым праславянское **mьlčati* оказывается родственным лат. *mulceo* ‘смягчать’ (совпадающим пофонемно и поморфемно: **mḷ̥kē-*), а ц.-слав. *maiamu – майна*. Кроме того, славянский глагол родствен

[5] В [11, с. 641–642] *корни *dheh$_1$- и dheh$_1$k-* рассматриваются как отдельные, хотя и родственные. Последний отражён, помимо лат. *facio*, во фригийском *addaket* и венетском претерите *vhagsto* (сигматическая медиальная форма).

[6] Соответствие латинского, древнеиндийского и хеттского сочетания корней заставляет предположить общеиндоевропейскую формулу **ḱerd- dheh$_1$* ‘направить душу; верить’.

греческому τήκω (дорийское τάκω) ‘плавить; изнурять’ (τήκομαι ‘таять’), одного корня с *taceo*. У этого глагола значение ‘плавить’ выражается формами активного презенса, тогда как медий, пассивный аорист и перфект означают ‘таять’. Следовательно, мы можем постулировать развитие глагольного корня *teh_2- ‘растапливать’ следующим образом: перфект *$(te)téh_2$-h_2e (греч. причастие τετηκώς), аорист *$téh_2$-$m̥$ (> греч. *ἔ-τηκα; 0 ступень в пассивном аористе ταχῆναι, прилагательном ταχερός ‘нежный, мягкий’) → презенс τήκω; > лат. *$tēci$ → переходный презенс **tacio* ‘растапливать’ → *taceo* ‘молчать’. Этот последний находит параллель в германских глаголах слабого 3 класса: гот. *þahan* ‘молчать’, д.-в.-н. *dagēn* ‘то же’. Готский 3 класс отражает флексию, аналогичную ведическому нестандартному медию: гот. *habai-þ*, *þahai-þ* — вед. *duhé* ‘(корова) доится’, причём для этого корня можно подобрать и германскую непосредственную параллель. От него в готском языке образован безличный глагол *daug* ‘достаточно’ (со ступенью *o*), в древнеисландском — глагол III класса *duga* (с 0 ступенью). Его 3 л. ед.ч. *duger* имеет стандартную для древнеисландского флексию. Но по аналогии с готским спряжением можно восстанавливать форму * *dugai-þ*, пофонемно соответствующую древнеиндийской. В древневерхненемецком глаголы III класса имели суффикс *-$ē$- (*-eh_1-), как и латинские стативные глаголы [15]. В отличие от Дж. Джезнова, видевшего в готском окончание *-*ei*, Йенс Расмуссен восстанавливает для этой категории суффикс *-*Hio*-, представленный и в древнеиндийской глагольной основе пассивного залога [16]. Ср. др.-инд. *punā́ti* ‘очищать’ при пассиве *pūyáte* ‘очищаться’, где удлинение гласного свидетельствует о наличии ларингала в суффиксе. Попутно отметим, что так же соотносятся лат. *capio* (с тем же аблаутом и морфологией, что *facio*, *iacio*) — гот. *haban*, др.-в.-нем. *habēn* ‘иметь’ (III класс). А лат. *habeo* ‘иметь’ — стативный глагол от корня, чей агентивный вариант представлен в готском сильном глаголе V класса *giban* ‘давать’. В настоящее время предполагается, что суффикс *-*Hio*- по происхождению презентный, *-eh_1 — аористный (в терминологии Г. Рикса — стативный и фиентивный соответственно). При этом надо иметь в виду, что латинские презенсы 3 спряжения имеют суффикс -*io*- и 0 ступень вокализма. Но этот суффикс, вероятно, отличается от стативного. Собственно говоря, на различие двух презентных суффиксов, сходно звучащих, обратил внимание Ф.Ф. Фортунатов [17, с. 17]: он разделяет спряжение с суффиксом *-*ja*-, которое видит в лит. *kẽlia* ‘он поднимает’, и -*ia*-, которое наличествует в *dū̃si* ‘он тяжело дышит’. Упоминая о суффиксе -*ẽ*- и -*ó*-, которые в литовском образуют основы глаголов состояния (в инфинитиве и претерите), Фортунатов подчеркивает его “длительную интонацию”, т.е. акут (циркумфлекс он именует “прерывистой интонацией”). Если учесть несомненную связь литовского акута с ларингалами (ср. *pilnas* ‘полный’ = др.-инд. *pūrṇáḥ*), то становится очевидным: Фортунатов предвидел реконструкцию фиентивного и стативного глагольных суффиксов.

Особый вопрос — переход *teh_2- > **dah/g*- в германских языках. Возможно ли это фонетически? В нем. *gehen*, *stehen* глайд -*h*- позднего происхождения: др.-в.-нем. *gān*, *gēn*, др.-англ. *gān*; близко по форме к немецкому крымско-готское *geen*. Соответственно *stehen* — др.-в.-нем. *stān*, *stēn*; долгота сохраняется в претерите др.-англ. *stōd*. Таким образом, в корнях *$gheh_2$- и *$steh_2$- перехода -*H* > **k* > **h* не засвидетельствовано. То же можно сказать и о корне *$dheh_1$-: др.-англ. *dōn* и т.д. не показывают такого перехода. С другой стороны, упомянутые корни на ларингал не встречаются в такой позиции. Может быть, именно сочетание корня *teh_2- и суффикса *-*Hie*- способствовало появлению глайда -**k*- на морфемном шве. К сожалению, здесь мы имеем дело с очень редким, практически единичным фонетическим явлением (другие примеры со стыками ларингалов в германских языках неизвестны), так что верифицировать подобное утверждение почти невозможно. Но предположим его как гипотезу, объясняющую появление прагерм. *þah/þag-[7], пофонемно соответствующего лат. *tac*-. Общие суффикс и значение тоже важны для этого этимона, который можно считать одной из значимых германо-италийских изоглосс. Другое объяснение — непосредственное заимствование в прагерманский из праиталийского.

В сабелльских языках широко представлены формы от основы с -*k*-. Умбрский конъюнктив **façia** (TI IIa 16) ‘faciat’; инфинитив **façiu** (IIa 17) ‘facere’: **heriiei façiu arfertur avis anzeriates menzne kurçlasiu façia tiçit** = voluerit facere arbiter avibus observatis, luna *plena faciat decet ‘если жрец захочет сделать (это), наблюдая птиц, подобает, чтобы сделал при полной луне’.

Инфинитив может быть образован от основы без суффикса -*io*-: **façu** (IIb 22) ‘facere’: **vitlu vufru pune heries | façu eruhu tiçlu sestu iuvepatre** = vitulum votivum cum voles facere eadem *dedicatione sistito

[7] В готском глагольном корне не действовал закон Вернера. Возможно, это связано с влиянием отглагольного имени *þahains* ‘молчание’.

Iovi patri ‘Если хочешь принести жертвенного телёнка, пусть с этим посвящением будет установлено для Юпитера-отца’.

Модальная форма **fakurent** равнозначна футуруму II или конъюнктиву перфекта: **pune purtinçus kařetu pufe apruf | fakurent puze erus teřa ape erus teřust pustru** (Ib 34) = cum portenderis, uocato ubi apros, fecerint ut *erus det. Ubi erus dederit, retro ‘Когда укажешь, куда надо позвать вепрей, пусть сделают (жертвоприношение) там, где даст жрец. Где жрец даст – назад’.

То же в единственном числе: **fakust** (IV 31) **ap itek fakust puřetu** = ubi ita fecerit, porrectum esto ‘Где он это сделает, туда должно направиться’.

feitu ‘facito’ (19 примеров в “умбрской” части Игувинских таблиц);

В “латинской” части находятся те же формы, с орографическими нюансами: *facurent* (VIIa 43) *ape purdinśiust carsitu pufe abrons facurent puse erus dersa* = Ubi porrexerit, vocato pro loco aprono fecerint, ut *erus det ‘Куда придёт, пусть они сделают для места вепрей, как даст жрец’,

feetu (VIIa 41) *trahaf sahate villa trif feetu* = trans Sanctam vitulas tres facito ‘Через святилище пусть сделает (= принесёт в жертву) трёх тёлок’,

feitu, fetu (VII a 41-2) *persaea fetu poni | fetu aruio fetu tases persnimu* = *Pedarias facito, *poni* facito, *arvio* facito, tacitus precator ‘Да сотворит П., сотворит р., сотворит для жреца молчащий, молящийся’.

В вольском языке находим *façia* (VM 2; Ve 222; Lex sacra) *deve: declune: statom: sepis: atahus: pis: uelestrom: façia: esaristrom: se: bim: asif: vesclis: uinu: arpatitu* = divo Declunio statum si quis voverit quisquis Veliternum faciat, si bovem ad aram vasculis, vino accedito ‘если кто посвятит статую божественному Деклунию, всякий, кто Велитурне (жертвоприношение) сделает, или быка (заколет), бокалами, вином да совершит’.

В оскских надписях представлены следующие формы: **fakiiad** (Cp 33) **sakrím fakiiad kasit medic(ud)** = sacrum faciat (pro) magistratu (?) ‘пусть сделает жертвоприношение для правителя’ (= лат. *faciat*, умбр. *façia*),

fakinss (Cm 13) **stenim. kalauiium. trí|agins. úlleis. fakinss** = ullis faciant(?),

fifikus (Cp 37, 5) **svai: neip: avt: svai: tiium: idik fifikus pust eisuk: __/pun: kahad: avt: r[--]num: putiiad: punum kahad avt svai: pid perfakust** = si nec aut tu id feceris postea... cum capiat aut R... possit; cum capiat aut si quid perfecerit ‘если ты не сделаешь это после этого, или Р. не сможет; когда возьмёт и если сможет’ (здесь представлена также важная форма префигированного перфекта конъюнктива **perfakust**).

О форме **fifikus** следует сказать особо. Старые языковеды уверенно выводили её из корня *fig-* (*fingo*), поэтому Феттер [18] переводит её как *finxeris*. Но по смыслу это мало подходит, т.к. из контекста никак не вытекает конкретного значения глагола (“сделаешь” не означает в данном случае создания материального предмета). Поэтому в настоящее время большинство исследователей видит здесь перфект **fefēk-* с характерным переходом сабелльского **ē* в *i*, ср. лат. *lēx* (*lēgis*) – оск. *lixs* (*ligid*). В надписи Cippus magnus (Sa 4: 10) встречаем: **ním. leiguss. samíd[------(-)-]úvfrikúnúns. fif[iked]** = Hic legibus ... fec[it] ‘это по законам’... сделал. Надпись повреждена, и у последнего слова читаются только три первые буквы. Но по смыслу подходит значение “сделал”, а *i* в первом слоге позволяет восстановить форму **fifiked**, встречающуюся также в самнитских надписях. Мы ещё вернёмся к этим формам, а пока рассмотрим интересующий нас глагол в Бантийском законе:

(Lu 1, 10) *pis.pocapi{.}t. post. exac. comono. haf{i}est .meddis. dat. castrid. loufir. en. ei-tuas. factud. p{o}us. touto. deiuatuns. tanginom. deikans. siom. dat. eiza(i)sc. idic. tangineis. dei-cum. pod. ualemom. touticom. tadait. ezum. nep. fefacid. pod.pis. dat eizac. egmad. mins. deiuatid. dolud. mallud. suae pis. contrud. exeic. fefacust. auti. comono hipust. molto. estud n(ummum) MM* = quicumque post hoc comitia habebit magistratus (rex) de praediis vel in pecunuias facito, ut populi iurati sententiam dicant, si de eis id sententiam dicere, quod optimum publicum videatur esse, neve fecerit, quoquis de eo ne minus iuret, dolo malo. si quis contra hoc fecerit, aut comitia habuerit, multa tanta esto, nummos 200 ‘Если всякий правитель после этого собрания будет что-то иметь об имуществе или о деньгах, пусть делает, как народ, принеся клятву, принял решение, принимая решение так, как покажется лучше всего для народа. Если же не сделает, но об этом не меньше поклянётся, – (считать) злой хитростью. Если же сделает что-то против этого, или собрание будет иметь, то пусть будет много (штрафа) – 200 нуммов’. Своего рода компромисс между текстовым значением *fificid* и старой гипотезой о его происхождении предложил Мишель Лежён [19]: с его точки зрения, эта форма есть контаминация корней *d^heh_1- и *$d^heiĝ^h$-.

Поскольку корень *fac-* встречается в сабелльских надписях чаще всего в различных формах субъюнктивов, обратим внимание на особенности в употреблении времён и модусов. 1. Относится ли форма *hafiest* к основе инфекта или перфекта глагола, аналогичного лат. *habēre*? Его

перфект *hipid* (см. ниже) именно в оскском контаминировал с корнем *cap-* и отражает италийское **hēp-*[8]. Таким образом, основа *hafi-* содержит 0 ступень (вместе с йотовым суффиксом) и может рассматриваться как презентная. Форма же *hafiest* – это будущее I. 2. Интересно соотношение форм *fefacid* и *fefacust*. Первая представляет собой обычный перфект (правда, ограниченность и неоднозначность материала не позволяет сказать, восходит ли последний гласный к *-ē-*, т.е. суффиксу конъюнктива, а м.б., к *-i-*, отражающему индоевропейский оптатив). Вторая же – футурум II. Данный контекст позволяет сформулировать важное правило оскского синтаксиса: в отрицательных предложениях протасиса употребляется перфект, в контрфактических (*contra hoc fecerit*) – предбудущее.

В том же тексте форма *fefacust* появляется в сходном же окружении: *zicolom. XXX. nesimum. comonom. ni. hipid. suae. pis. contrud. exeic. fefacust.; suae.pis. comtrud. exeic. fefacust. ionc. suae. pis. herest. meddiss. moltaum. liceto* (17–18) = diem XXX comitia ni habuerit; si quia contra hoc fecerit, siquis volet magistratus multare, licitud ‘Если на ближайший 30-й день собрание не будет иметь; если против этого сделает, то пусть будет позволено наказать так, как решит правитель’.

Заметим, что распределение форм *hipid* (перфект индикатива / конъюнктива) / *hipust* (futurum exactum) соответствует указанному правилу: первое – в отрицательном предложении, второе – в pendant к *fefacust*.

factud (Lu 1, 9) см. выше.

В оскских надписях представлено и перфектное причастие от этого глагола *facus*. Оно образует будущее время с вспомогательным глаголом: *fust, estud suae pis contrud. eseic. tr. pl. auti meddiss. facus fust. izic. amprufid. facus. estud* (Lu 1, 30) = si quis contra hoc, tr.pl. aut meddix (rex) faciat, probe facito ‘Если кто-то против этого, или правитель сделает это, пусть точно будет сделано’.

fec (MV 3) *pa petroni [2] pom. f. bea [3]ecan. fec. [4]medix* = quam Petronio Pom(pei) filio b. fecit rex ‘Это (здание) Петронию, сыну Помпея построил правитель’.

В оскской надписи греческого алфавита см.: 𐌖𐌀𐌊𐌕𐌉𐌄𐌃 (Lu 62 B9) 𐌔𐌅𐌀𐌉 𐌄𐌉𐌏𐌊 𐌍𐌄𐌉𐌐 𐌖𐌀𐌊𐌕𐌉𐌄𐌃 ‘si id ne faciat’ – не вполне понятная форма с точки зрения морфологии. Возможно, описка вместо **fakied* (футурум).

Самнит. 𐌖𐌄𐌖𐌉𐌊𐌄𐌃 (Ps 20 A2) 𐌖𐌄𐌖𐌉𐌊𐌄𐌃 𐌄𐌊𐌖 𐌑𐌄 ‘fecit hic’.

Итак, обзор показал следующее. 1. В сабелльских надписях наш глагол крайне редок в индикативе; как правило, он встречается в императиве или конъюнктиве перфекта (иногда и презенса). 2. Основа презенса единообразна: 0 ступень на *-k-* с суффиксом **-io-*. Правда, Х. Берингуер Санчес, Э. Лухан Мартинес [21, с. 200] и М. Манчини [22] полагают, что умбрское **feitu**/ *feitu*/ *fetu*/ *feetu* может воспроизводить йотовый презенс с полной ступенью вокализма **$d^hē$-io*: лит. *dėjù*, ц.-слав., русск. *дѣ(ю)* (аорист *дѣ*). Таким образом, *feiia* < **dhē-i(e)-ā-t*, *feitu* < *dhē-ie-tōd*. Но балто-славянский презенс вторичен [23]; он представляет собой атематическую основу, сохранившуюся в ст.-чеш. *diem*, с.-хорв. (старое) *dîm* ‘я говорю’, к которой присоединились тематические флексии (аналогично – *даю – дамь – да*). Так что если в италийском и развился йотовый презенс от данного корня, то скорее параллельно славянскому, а не как отражение общеиндоевропейского наследия. Поэтому представляется более обоснованным мнение Г. Майзера [24] о том, что упомянутые императивы развились из **fakětōd*, подобно *deitu* ‘пусть он скажет’ из **deikětōd*[9]. Презенс *facio* в его соотношении с перфектом относится к тому же типу, что *iacio – iēci* (с *-k-* того же происхождения, что и в *facio*), *capio – cēpi*. Но умбрский и в меньшей степени оскский глагол представляет некоторые важные отличия от латыни. В оскском языке чередуются формы *fefakid* (по-видимому, пофонемно совпадающее с пренест. *vhe:vhaked*), *fefakust* / **fifikus** (по функции перфект конъюнктива или футурум II). Формы с корневым *-a-* воспроизводят 0 ступень вокализма; более сложен вопрос с формами на *-i-*. Уже отмечалось, что с одной стороны, они могут репрезентировать **-ē-*: **fusíd** = *foret, loufir = libet, lubet*; *lixs = lēx, ligis = lēgis*. С другой стороны, в литературе высказывалась мысль о том, что оскские и самнитские перфекты на *-i-* представляют собой контаминацию корней **fēk-* и **feigh-* (лат. *fingo* ‘лепить, создавать’) [21, с. 206]. И для такой интерпретации дают некоторое основание фалискские тексты:

[8] Общеиндоевропейским этот корень быть не может, так как в нём имелось бы невозможное для праиндоевропейского сочетание **gh-p*: звонкий придыхательный и глухой в одном первичном корне не встречаются. О судьбе корней **ghebh-* и **keHp-* в италийских и германских языках см. [20].

[9] Манчини [22, с. 86] возражает, указывая на умбр. **kapi:sakra: aitu** (TI Ib 29; 37) = capides sacras agito ‘да приведёт он святые сосуды (?)’, где **aitu** < **agetōd*: после выпадения смычного согласного тембр гласного не меняется. Но процесс этот недостаточно изучен: непонятно, одинаково ли в сабелльском должны изменяться кластеры **-aki-* и **agi-*.

mamazextosmedfifiqod: prauiosurnam: sociaipordetcarai (Ve 241; надпись на глиняной чаше) = *Mama Sextus me fecit/ finxit, Pravius – urnam, sociae obtulit carae* ‘М. и С. меня сделали (слепили), П. – урну, предоставил дорогой подруге’;

eamedfifiked (Ve 257; надпись на большом бокале) = *ea me fecit/ finxit* ‘она меня сделала (слепила)’. Поскольку речь идёт о глиняных изделиях, перевод “создал, слепил” вполне мотивирован. Глагол *fifiked* может быть сопоставлен с др.-инд. редуплицированным аористом *adidihat* ‘слепил’. Но подобный перевод выглядит гораздо более натянутым, когда у глагола более обобщённое и абстрактное значение. Далее, у нас нет уверенности, что в фалискском имел место фонетический закон *ē* > *i* (хотя М. Манчини утверждает обратное). Таким образом, фалискская форма действительно может содержать изначальное корневое *-i-*. Для объяснения конечного корневого согласного (*-k-* вместо *-g-*) следует предположить контаминацию корней *fac-* и *fig-*, подобно тому, как в сабелльских языках контаминировали корни *cap-* и *hab-*, в результате чего появились оск. *hipid*, умбр. *hahtu* ‘пусть возьмёт’ (ср. [20]). Иными словами, фалискское *fifiked*/ *fifiqod* вполне могло быть контаминацией корней *d^heh_1- и *d^heig^h-, как и полагал М. Лежён (см. выше).

Особняком стоит *fec*. Его единичный характер не позволяет вынести достоверных суждений об орфографии, морфологии и семантике данной формы. Было бы соблазнительно увидеть в нём древний корневой аорист *$d^héh_1$-*t* > *fēk-t*. Но имеющихся данных недостаточно, чтобы определить, не описка и не сокращение ли это. И сохранение *ē* остаётся в оскской словоформе не вполне ясным: насколько переход его в *i* охватывал все надписи?

Особый интерес представляют модальные формы перфекта в оскском и умбрском. Футурум II (или конъюнктив перфекта) **fakust**/*facurent* лишён редупликации и имеет слабую ступень вокализма. Этим данная форма отличается от оск. *perfacust*, где отсутствие редупликации может быть объяснено воздействием префикса (ср. лат. *spopondi* – префигированное *respondi*). Что же касается суффикса *-us-*, то он считается изофункциональным латинскому суффиксу, образующему производные основы в системе перфекта. Этот последний сравнивают, как правило, с дезидеративным *-*Hes-*. В древнеиндийском суффикс дезидератива стоит исключительно в 0 ступени и сопровождается тематическим гласным (в 0 ступени оказывается и глагольный корень: тематический гласный претягивал на себя ударение). Как правило, в дезидеративе основа приобретает редуплицирующий слог, но из этого правила есть и исключения: *dīkṣáti* ‘почитать’ (ср. [29]). Латинский субъюнктивный суффикс, очевидно, тоже содержит 0 ступень: *H_os > *-is-* (в интервокальной позиции *-er-*); к нему присоединяются суффиксы времён и наклонений. Но оско-умбрский *-us-* затруднительно сравнивать с *-*Hes-* по фонетическим соображениям: ларингал не проявляется ни в одной глагольной форме. Так что более надёжно выводить сабелльский футурально-конъюнктивный суффикс из обычного сигматического с его вариациями *-$^e/_o$s-/-s-*, причём в оскском и умбрском представлена именно полная ступень. Её наличие объясняет вокализм корня: *$d^héh_1$-$^é/_ó$s- > *d^hh_{o1}-$^é/_ó$s- > **fak-os-*. Правда, мы не можем сказать: является ли умбрское **fakust** и оскское *fefacus* тематизированной или атематической формой: сильное начальное ударение приводит к отпадению конечных гласных: *emps* (Ve 236) = *emptus*. Однако закон ротацизма действовал и в оско-умбрском, что ясно показывают формы типа *facurent*. Его отсутствие в форме **fakust** заставляет предположить отсутствие гласного после суффикса. Отметим, что с сабелльскими сигматическими формами можно сравнить латинские субъюнктивы типа *faxo*/ *faxim*, *capso* и т.д. Их происхождение и функционирование хорошо известны: по происхождению они являются конъюнктивами и оптативами сигматических форм, перешедшими в футурум [26]. У них и корень, и суффикс стоит в 0 ступени; флексия явно передвинулась на тематический гласный. Из позднеиндоевропейского-праиталийского *d^hh_{o1}-*ós-t* развился конъюнктив или тематический глагол[10] *d^hh_{o1}-*sé-t*.

Такой аблаут глагольной деривации (возможно, не только глагольной) был описан Кёйпером [27]; [28]; италийский глагол полностью соответствует его реконструкции. Можно, следовательно, выдвинуть гипотезу: сабелльская подгруппа сохранила древний аблаутный корневой аорист, в котором акцент передвигался с корня на присоединяющийся к нему суффикс и затем на тематический гласный.

Наконец, в фалискском есть нередуплицированный претерит *faced*. Его происхождение не вполне ясно: он может быть сокращением редуплицированной формы или самостоятельным претеритом с 0 ступенью, наследником тематического аориста. Х. Берингуэр Санчес, Э. Мартинес Лухан [21, с. 210] и М. Манчини [22, с. 80] считают, что простые формы претерита развились из редуплицированных: *fefēked* → *fēked*, *fefăked* → *făked*. Но, на наш взгляд, этот вопрос просто нельзя

[10] Обе категории очень близки друг другу; см. [28]; [29].

рассматривать без данных внешнего сравнения: италийский материал сам по себе просто не даёт оснований для выводов о направленности изменений в этом корне.

Формы перфекта в фалискском тоже неоднородны, а в сабелльских языках отличаются ещё большим разнообразием, чем в латинском; в некоторых случаях можно предположить аблаут в одной парадигме. Итак, в этой группе имеется: 1) презентная с суффиксом *-*io*- (0 ступень вокализма; латынь, оскский, умбрский), 2) претеритальная атематическая (полная ступень; латынь), 3) претеритальная с -*k*- и редупликацией (0 ступень; Пренестинская фибула, оскский), 4) редуплицированная с суффиксом -*k*- и полной ступенью вокализма (с переходом праиталийского *$\bar{e}$ > сабелльское *i*; оскский), 5) аористная тематическая с редупликацией (0 ступень; латынь); 6) презентная с 0 ступенью (латынь).

Надо полагать, что основа 4) репрезентирует активный перфект (= τέθηκα), а основа 2) – аорист. Очевидно, в праиталийском языке имели место процессы, аналогичные греческому: глайд *-*k*- возник на морфемном шве, если основа заканчивалась на ларингал. Затем по аналогии этот формант распространился и на корневой аорист; это подтверждает также перфект *iēci* от глагола *iacio*.

Следовательно, в ранних италийских текстах можно найти следы и аориста, и перфекта от одного корня. И в лат. *facio* и родственных формах причина появления суффикса -*k*-, видимо, та же, что в греческом. В 1 л. ед.ч. перфекта этот звук возник закономерно на стыке двух ларингалов. Затем она превратилась в характеристику перфектной основы. Именно когда перфект утратил своё значение состояния и стал превращаться в претерит, по аналогии с ним этот звук распространился и на основу корневого аориста, переосмыслившись как суффикс. Затем от этого аориста образовался презенс с 0 ступенью и суффиксом -*io*-; произошло переразложение основы. Основа *iacio/ iēci* ‘бросать’ претерпела тот же путь развития, хотя он не так подробно документирован на италийском материале. Видимо, от неё произведены основы 1) и 3). Основы 5) и 6), лишённые характерного суффикса -*k*-, контаминировали с корнем *deh_3- (*dare*, перфект *dedi*).

Что касается сосуществования форм типа пренест. *vhe:vhaked* – фалиск. *faced*, то можно предположить следующее. От основы *făk*- образован презенс с помощью суффикса -*io*-. Без этого суффикса основа могла приобрести значение аориста. Тематический аорист может иметь или не иметь редупликацию. Кроме этого, имеются корни, от которых может быть образован атематический и тематический аорист. Очевидно, рефлексы корня *$dheh_1$- в италийском отразили такое же богатство основ, какое представлено в древнеиндийском. Функционально все перечисленные претериты однозначны. Но они сохранили формальные различия, характерные для эпохи, когда в праиндоевропейском различались не две (как в западных группах), а три глагольные основы. Италийские языки, таким образом, сохранили следы процесса слияния основ аориста и перфекта. В них представлены формы, морфологически близкие греческому аористу и перфекту. Кроме того, сходные же формы можно видеть и во фригийском языке, близкородственном древнегреческому: старофригийский презенс *dakati*, новофригийское αδδακετ (пофонемно совпадающее с фалискским *faced*), вероятнее всего, презентная основа (по аналогии с встретившимся в той же позиции глаголом αββερετ – безусловная основа презенса), перфект н.-фриг. δακαρ, δακαρεν (последний чётко соответствует лат. *fecerunt*). Во фригийском языке затруднительно определить долготу или краткость гласного, поэтому о ступени вокализма различных глагольных основ в нём судить невозможно. Аорист от данного корня содержит не формант -*k*-, а сигматический суффикс: *edaes*, известный и в старо-, и в новофригийском. Форма ближе всего к хеттскому 3 л. ед.ч. нашего корня *dais*. Ограниченность материала, конечно, не позволяет проследить формирование глагольных основ во фригийском. Но сходство форм презенса и перфекта с италийским впечатляет.

Несмотря на фрагментарность, очевидно, что фригийский, как и родственный ему древнегреческий, а также индоиранские языки, сохранил три базовые основы глагола. Среди этих языков наибольшим разнообразием глагольных форм отличается древнеиндийский. В нём имеется значительное количество разных типов аориста, образованных от одной глагольной основы: *anákti* ‘украшать’ – оптатив первичного корневого аориста *ajyāt*, редуплицирующий вторичный *anjijat*; *árcati* ‘сиять; награждать’ – редуплицирующий *arcicat*, сигматический (аорист 5) *arcīt*; *arhati* ‘заслуживать’ – *arjihat, ārhīt; icháti* ‘искать’ – *aiṣiṣat* и поздний сигматический (с Майтирейя-Самхита) *aiṣīt*; *ubjáti* ‘одолевать’ – *aubjijat, aubjīt*; *rāṣṭi* ‘царствовать’ – *arājat, arajiṣur*; *ardati* ‘крутиться, распадаться’ – *ardidat, ardīt*; *r̥dhnóti* ‘преуспевать’ – *ardhma* (корневой аорист, 1 Pl), *ārdidhat, ārdhīt*; *dr̥mháti* ‘укреплять’ – *adidr̥hat*, *adarhīt*. От глаголов *dvéṣṭi* ‘ненавидеть’ и *dogdhi* ‘доить’ образуются пассивные аористы *adveṣi*, *adohi* и редуплицирующие *adidviṣat*, *aduduhat*; от *dyótati* ‘блистать’ → простой и

редуплицирующий аористы (2 и 3) *adyutat, ádidyutat.* От корня *dā* (< *deh_3-), весьма близкого по структуре к *d^heh_1- (презенс *dadāti*) – корневой *ádāt* и редуплицирующий *adidat* (= лат. *dedit*). Всё это напоминает разнообразие временны́х форм от корня *fac-*.

Конечно, представленная здесь реконструкция – не единственно возможная. Так, К. де Симоне [30, с. 173] полагает, что формами, восходящими к праиталийскому состоянию, являются презенс **fak-io-* и перфект *fefak-*. Однако формант *-k-* в них появился по аналогии с основой в полной ступени, представленной в **fēk-ed* < **$d^héh_1$-*, которая, по мнению исследователя, развилась вне связи с греч. ἔϑηκα. С этим можно согласиться. Мы следуем Стёртеванту, полагая, что и в греческом, и в праиталийском языках формант *-*k-* развился в перфекте, предположительно начиная с формы 1 л. ед.ч. Именно здесь имел место морфемный шов между двумя ларингалами. Различие между *feked* (в Дуэновой надписи) и пренестинским *vhe:fhaked* исследователь объясняет тем, что они отражают диалектное различие в латыни двух разных зон. Более конкретно этот вопрос рассматривает М. Манчини [22, с. 88–89]. Он полагает, что редуплицирующие перфекты были более свойственны сабелльской подгруппе италийских языков, чем латинской.

Механизм образования италийской парадигмы может быть восстановлен поэтапно:

1. Формирование перфектной основы в полной ступени вокализма с глайдом *-*k-*; причины появления те же, что и в греческом.

2. Распространение глайда на аорист. Корень **$d^he^h_1$-*, как и остальные с той же структурой (**ieh_1-*, **$steh_2$-*, **deh_3-*) без дополнительных аффиксов тяготел к аористическому значению. Основа **fēk-* стала обозначать претерит.

3. От общеиталийского аориста **fēk-* (**$d^he^h_1$-*) образован презенс с суффиксом *-*ió-* и соответствующей 0 ступенью корневого вокализма.

4. От этой же основы был образован новый аорист – с тематизацией (и соответствующей ей редукцией корневого вокализма) и редупликацией.

5. Возможно существование в праиталийском перфекта типа **fefēke-*; в таком случае лат. *vhe:vhaked*, оск. *fefakid* (новый аорист) могли развиться под его влиянием. Оск. *fifikust* может отражать именно приведённую выше основу: **ē>i* в оскском; ср. лат. *cēpi tṓ* оск. *hipid* ‘он взял’.

6. Старый тематический аорист с редупликацией в латыни и других италийских языках образуется и от корней **deh_3-* (лат. *dedit*, умбр. **dede**, *dersa* (VIIf 43, 44) ‘det’, оск. **deded**, **dedens**, *deded*), **$steh_2$-* (*stetit*).

7. Наличие *-k-*основ в древнегреческом, фригийском и тохарском позволяют предположить, что переход *-*HH-* > *-k-* был характерен для позднего общеиндоевропейского языкового состояния. По-видимому, в этот период началось формирование аспектуальной системы, поэтому глайд *-k-* уподобился суффиксу аориста или перфекта. Но в полноценную морфему он так и не обратился. В греческом он характеризовал единственное число действительного залога, но за пределы глаголов на ларингал в аористе не распространился. В послегомеровскую же эпоху стал одним из суффиксов активного перфекта. В италийских языках на базе форманта *-k-* сформировалась новая глагольная основа. Но она не образует очевидной морфосемантической оппозиции первичной основе **d^heh_1-*. Таким образом, формант *-*k-* остался, если так можно выразиться, между фонетикой и морфологией.

По мнению Х. Берингуэра Санчеса и Э. Лухана Мартинеса [21, с. 205], а также М. Манчини [22, с. 84], тематизированные формы без *-k-* встречаются в надписях на языке марсов: ανακεδ (Lu 14) < **ana-dhe-t*; **pruffed** (Sa 25) < **pro-dh-dhe-t*. Из-за краткости контекста, однако, трудно определить, какой корень содержится в этих формах. Последняя, к примеру, напоминает оск. *prufatted* ‘*probavit*’ < **pro-b^huā-*.

Остаётся вопрос о полной и 0 ступени италийского глагола. Во многих работах [31]–[35] было показано, что глаголы в 0 ступени корня имеют непереходное значение. Но такая семантика характерна для соответствующих древнегреческих, славянских и балтийских глаголов. Её следы можно видеть в хеттском (*dāi* ‘он ставит’ – *tiiazi* ‘наступает’ (о времени), ‘входит, поднимается’) и германских языках (гот. *þagkjan* ‘думать’ – *þugkjan* ‘казаться’; аналогично др.-англ. *þencan* – *þuncan*, нем. *denken* – *dünken*). В италийском же ареале противопоставление переходных глаголов с полной ступенью корня и непереходных с 0 не засвидетельствовано. Поэтому 0 ступень в презенсах *facio*, *iacio*, *capio* возникла благодаря присоединению презентного суффикса *-io-*, на который передвинулось ударение с корневого гласного. Но непереходного значения они не приобрели. Отметим, что оппозиция аориста с полной ступенью и презенса с 0 и суффиксом *-*io-* засвидетельствована и в греческом: καίω ‘жечь’ – аорист ἔκηα. Кроме того, имеется ряд глаголов с такой же морфологией и переходным значением: βάλλω

‘бросать’, δαίω ‘зажигать’, κλάω ‘разбивать’ (пассивный аорист ἐκλάσθη), ῥαίω ‘раздроблять’ (аорист ἔῤῥαισα), ῥάπτω ‘шить’ (гомеровский аорист ῥάψα), τύπτω ‘ударять’ (ἔτυψα). В скобках показаны вторичные аористы или не отличающиеся от презенса вокализмом (™κλάσθη с закономерной для этой формы 0 ступенью вокализма). У глагола βάλλω имеется активный тематический аорист ἔβαλον; но медиопассив ἔβλητο (< *$g^u_{\circ}lH$-) позволяет предположить и корневой аорист *ἔβλη (*$g^u leH$-); возможно, глосса ἔζελεν· ἔβαλεν репрезентирует корневой аорист с иной огласовкой (*$g^u ehH$-*C*; Ф.О. Линдеман видел здесь сигматическую форму [37]). Ср. медий ἐβάλετο ‘он бросил себе’ в оппозиции непереходному ἔβλητο ‘он упал’[11]. Также отметим однокоренной литовский глагол состояния *gulė́ti* ‘хотеть’, который относится к βάλλω так же, как лат. *iaceo* к *iacio*. Полная ступень корня δαίω представлена в перфекте δέδηε ‘он горел’. Во всяком случае, класс переходных презенсов с 0 ступенью вокализма и суффиксом *-*io*- засвидетельствован. Он формировался в тот период общеиндоевропейского языкового состояния, когда акцент утратил своё специфическое значение: окситонные глагольные формы выражали непереходность и модальность. Затем передвинутое направо ударение стало просто характеризовать маркированные формы (например, множественное число в оппозиции к единственному) и стало использоваться для образования видовременных форм (по нашей классификации, второй период [38]). При этом однозначной связи передвижение акцента и апофония с аспектом не имеют: возможны как презенсы в полной ступни и аористы в 0, так и презенсы в 0 ступени с аористами в полной. Эту оппозицию мы и наблюдаем в латинских *facio* – *fēci*, *capio* – *cēpi*.

Итак, в греческом и италийских языках по сходным фонетическим процессам возникла форма, где ларингал в ауслауте основы преобразился в *-k*-, что следует считать важной изоглоссой. В греческом у первичных глаголов она осталась только в сильных формах, в италийских – распространилась на всю парадигму (при сохранении количественного аблаута). В греческом она приняла слабое диатезное значение. В италийском же она образовала основу по сути нового глагола со значением не “класть” (которое сохранилось в формах глагола без *-k*-), а “делать”. Что же касается тохарских языков, где также обнаружена основа на *-k*-, то она сохранила стативно-непереходное значение перфекта.

Имена от корня *d^heh_1-: наследие семантических архаизмов

В заключение скажем несколько слов об именных производных от этого глагола. Их очень большое количество[12], поэтому мы рассмотрим только корневые имена и некоторые производные.

θήν ‘в действительности, точно’, согласно Й. Шиндлеру [39], древний винительный падеж от незасвидетельствованного имени *θη- <*d^heh_1-. В словаре Фриска [40] именуется “unerklärt”; у Шантрена – “Pas d’etymologie” [41]; у Бекеса – “unexplained” [42]. Я полагаю, что этимология Шиндлера верна, она может быть дополнена композитами: πρόσθη· πρόσθεσις ‘установление’; πόσθη·τοῦ αἰδοίου τὸ δέρμα ‘крайняя плоть’ (Hes.); у Аристофана (Облака 1014) ‘membrum virile’. Можно предположить, что композит состоит из ποσ- (πέος< *πέσος, penis‘) и *dhē*-.

θεσ- ‘бог’. В греческом есть самостоятельный окситон θεός< *$d^hh_1sós$. Полная ступень корня – в лат. *fēriae*, *fēstus* (0 ступень – *fānum*< **fas-nom*< *$d^hh_{\circ 1}s$-*nóm*). Форма θεσ- выступает как первый элемент композитов: θέσ-κελος ‘чудесный’, θέσ-φατος ‘объявленный богом’, θεσ-πέσιος ‘божественный, сверхчеловеческий, могучий’. Корневое атематическое имя *d^hh_1s- обозначало божественную силу, а окситонное *$d^hh_1sós$ – одушевлённого носителя этой силы. Бекес полагает, что это сигматическое расширение первичного *d^heh_1-.

Др.-инд. *dhā* ‘держащий, несущий’ в брахманах: *dhā asisvadhā asi* (TSI 1, 9, 3) ‘ты — несущий, ты — самостоятельный’ (Caland). В “Ригведе” присутствуют и абстрактные значения данного имени: *durdhā* ‘перестановка’, *apadhā* ‘тайник’, *nidhā* ‘сети (для ловли птиц); гнездо’, *medhā* ‘мудрость, сила духа’[13], вышеупомянутое *śraddhā* ‘вера’. У остальных 13 композитов вполне конкретное значение (*nāmadhā* ‘установитель имён’, *ratnadhā* ‘податель богатств’; авест. *yaožδā* ‘наделённый жизненной силой’). Ср. префигированные абстрактные имена: вышеупомянутые греческие πρόσθη, πόσθη. Имеется 11 наречий с вторым элементом *-dhā*: *bahudhā, purudhā* ‘много’, *katidhā* ‘как часто?’ и т.д. Можно упомянуть также лит. *avì-dė* ‘овечье стойло’, *alù-dė* ‘пивоварня’.

[11] Можно упомянуть также гомеровское ξυμβλήτην (3 du.) ‘они оба встретились, были встречены’ (Od. XXI:15) [36, с. 82]. В ряде изданий, однако, наличествует 3 pl. ξυμβλήατο. Но нам важно, что вариант βλη- имеет непереходное значение.

[12] По данным [45], засвидетельствовано 63 корневых и суффиксальных образования с различными ступенями корня.

[13] О композитах с *-d^heh_1 см. [46]: *medhā* родственно авест. *mazdā* ‘мудрый’. Тот же корень в греческом аористе ἔμαθον ‘я научился’ (< *$mn_{\circ}s$-*dheh*$_2$-).

Согласно Вакернагелю [43, с. 24], композиты с *-dhí* относятся к тому же корню (*apidhī́n* ‘покрытие’ вин. п., RV, I 127:7); Г. Клингешмитт [44] рассматривает их как расширение с *-i*, как и лат. *orbis* < **Hor-d^hh_1i-*, где первый элемент сопоставим с др.-инд. *arā́* ‘колёсная спица’. Однако можно видеть и в древнеиндийских, и в латинском имени слабую ступень вокализма (*-$d^hh_{\circ 1}$-*).

Существует и тематический вариант типа *τομός*, засвидетельствованный в вед. *nāmadhá-* (Атхарваведа) ‘устанавливающий имена’ (прилагательное от упомянутого существительного *nāmadhā*[14]), лат. *acerbus* ‘горький’ (< **akri-dhh$_1$ós* ‘остроустановленный’). Более спорно нахождение этой основы в лат. foedus ‘ужасный’, как это предполагают Водтко, Ирслингер, Шнайдер [45, с. 100]. Они выводят это прилагательное из **bhoi-dhh$_1$-ó*; однако можно предположить и более простую основу **bhoid^h-*; ср. ц.-слав. *бѣсъ*, где именно наличие **-d$^{(h)}$-* воспрепятствовало переходу **-s-* > **-x-*. Интересна идея тех же авторов о том, что и галльское *bardos* ‘певец’ (валл. *bardd*) содержит тот же корень: **g^{u}r$_{\circ}$H-dhh$_1$ó-* ‘устанавливающий песнь’

В целом, греческое корневое имя, как и древнеиндийское, сохраняет все архаичные черты, свойственные этому классу: недифференцированность значений (имя деятеля/ имя действия), полная ступень корневого вокализма. И первичные тематические производные тоже имеются.

В латыни есть корневое имя в качестве второго элемента композита: **-fax*, реализующееся как *-fex*. Оно не архаично, в отличие от греческого и древнеиндийского, т.к. образовано от производной основы. Следовательно, в латинском корневые имена формировались от глаголов по аналогии с первичными: *dico*: **dix* (*dicis causa* ‘чтобы показалось’) = *facio*: *x*; *x* = **fax*. Известен 21 композит: *aedifex*, *opifex*, *pontifex* и т.д. Композиты обозначают деятеля, особенно профессию (*aedifex* ‘строитель’, *aurifex* ‘ювелир’). Согласно М. Бенедетти [47], только *arti-*, *auri-*, *carni-*, *opi-* и *pontifex* засвидетельствованы в древнейших текстах. Этимология последнего имени не вполне ясна: связь “дороги, моста” со “жрецом” не очевидна. Высказывалось много предположений, слабо мотивированных формально или семантически (*ponti-* ~ авест. *spənta* ‘святой’ < **su̯ent-*, ц.-слав. *свлтъ*, ~ греч. *πέμπω* ‘посылать’ и т.д.) По мнению М. Бенедетти, этимология ‘дорожный мастер’ вероятна; она может отражать архаические ритуалы.

Таким образом, корень **d^heh_1* сохранил как морфологические, так и семантические архаизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Bader F.* Les forms du parfait redouble en grec. BSL, 1968. V. 73. (In French)
2. *Duhoux Y.* Le verb grecque. Leuven, 2000. (In French)
3. *Sturtevant E.* The Greek k-Perfect and Indo-European *-ko-*. Language, 1940. V. 16.
4. *Cowgill W.* Evidences of Greek. *Winter W.* (ed.) Evidences of laryngeals. Hague, 1965 (Reprinted in: *Cowgill W.* Collected works of Warren Cowgill. Ann Arbor, 2006).
5. *Pedersen H.* Tocharisch vom Geschichstpunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. Copenhagen, 1941. (In German)
6. *Van Windekens A.* Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976. (In French)
7. *Beekes R.S.P.* The development of Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. Hague: Mouton, 1969.
8. *Erhart A.* Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989. (In German)
9. *Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика. М., 2008. [Nikolaeva, T.M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika* [Non-Paradigmatic Linguistics]. Moscow, 2008. (In Russ.)]
10. *Kretschmer P.* Die objective Konjugation im Indogermanischen. Wien, 1949. (In German)
11. Lexikon der indogermanischen Verben. Hgg. H. Rix. Wiesbaden, 1998. (In German)
12. *Specht F.* Zur Geschichte der Verbalklasse auf *ē*. KZ, 1935. Bd. 62. (In German)
13. *Степанова З.П.* Ареал распространения глаголов на *-ē-* в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1965. № 4. [Stepanova, Z.P. *Areal rasprostraneniya glagolov na -ē- v indoevropejskih yazykah* [The Area of Distribution of Verbs on *-ē-* in Indo-European Languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1965, No. 4. (In Russ.)]
14. *Трубачёв О.Н.* “Молчать” и “таять”: О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. [Trubachyov, O.N. *“Molchat'” i “tayat'”: O neobhodimosti semasiologicheskogo slovarya novogo tipa* [“Molchat'” i “Tayat'” ‘Be Silent and Melt’: On the Need for a Semasiological Dictionary of a New Type]. *Problemy indoevropejskogo yazykoznaniya* [Problems of Indo-European Linguistics]. Moscow, 1964. (In Russ.)]

[14] *yó devā́nāṃ nāmadhā́ éka evá táṃ sampraśnám bhúvanā yanti anyā́* (X 82:3) ‘Кто для богов имён установитель, к тому живые существа идут для вопроса’

15. *Jasanoff J.* The Germanic 3d weak class. Language, 1973. V. 49.

16. *Rasmussen J.E.* The Slavic *i*-verbs with an excursus on the Indo-European *ē*-verbs. Comparative-Historical Linguistics: Indo-European and Finno-Ugric: Papers in honour Oswald Szemerényi. Ed. B. Brogyani, R. Lipp. Amsterdam; Philadelphia, 1993.

17. *Фортунатов Ф.Ф.* Критический разбор сочинения Г.К. Ульянова "Значение глагольных основ в литовском и славянском, Т. 1 – 1891 г., т. 2 – 1895 г." // Известия Императорской Академии наук. 1897. [Fortunatov, F.F. *Kriticheskij razbor sochineniya G.K. Ulyanova "Znachenie glagolnyh osnov v litovskom i slavyanskom, T. 1 – 1891 g., t. 2 – 1895 g."* [Critical Analysis of G.K. Ulyanov's Essay "The Meaning of Verbal Bases in Lithuanian and Slavic, Vol. 1 – 1891, Vol. 2 – 1895"]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk* [Bulletin of the Imperial Academy of Sciences]. 1897. (In Russ.)]

18. *Vetter E.* Handbuch der italischen Dialekten. Heidelberg, 1953. (In German)

19. *Lejeune M.* Les correspondences italiques de lat. *finxit* et de lat. *Fēcit*. Corolla linguistica: Festschrift für Ferdinand Sommer. Wiesbaden, 1955. (In French)

20. *Justus C.* English 'have: heave', an archaic paradigm. Язык и культура: Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова [*Yazyk i kultura: Fakty i cennosti. K 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova* [Language and Culture: Facts and Values. Yury S. Stepanov's 70th jubilee dedicated]. Moscow, 2001. (In Engl.)]

21. *Beringuer Sanchez J., Luján Martinez E.* Falisco *faced* y el perfecto de **dheH*$_1$*-k-* 'hacer' en las lenguas itálicas. Emerita, 2005. V. 73. (In Spanish)

22. *Manchini M.* Il preterito laiono tra continuità a discontinuità: *facio fēcī fefaced*. A. Ancilotti, A. Calderini (eds.) L'umbro e le alter lingue dell' Italia mediana antica. Perugia, 2009. (In Ital.)

23. *Krasuchin K.G.* Der Konjunktiv aus historischer und typologischer Sicht. Sprachgeschichte und Typologie. Hgg. Michail Kotin, Elisaveta Kotorova. Heidelberg: Carl Winter, 2011. (In German)

24. *Meillet A.* Charactere secondaire du type thématique indo-européen. BSL, 1931, v. 32. (In French)

25. *Meiser G.* Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998. (In German)

26. *Benveniste E.* Les forms sigmatiques du verbe latin. BSL, 1923. V. 28. (In French)

27. *Kuiper F.B.J.* Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia. Acta Orientalia, 1934. V. 12. (In German)

28. *Rix H.* Zur Entstehung der indogermanischen Modi. Innsbruck, 1986. (In German)

29. *Insler S.* Sanskrit *īpsáti* and *iṛṭsáti*. Indogermanische Forschungen, 1968, Bd. 63.

30. *Simone de C.* Falisco *faced* – latino arcaico *vhevhaked*: la genuinita della fibula prenestina e problemi connessi. Incontri lingiuistichi, 2006. V. 29. (In Ital.)

31. *Kølln H.* The opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic. København, 1969.

32. *Степанов Ю.С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза // IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1978. [Stepanov, Yu.S. *Slavyanskij glagolnyj vid i baltijskaya diateza* [Slavic Verb Aspect and Baltic Diathesis]. *IX Mezhdunarodnyj sjezd slavistov: Doklady sovetskoj delegacii* [IX International Congress of Slavists: Reports of Soviet Delegation]. Moscow, 1978. (In Russ.)]

33. *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М., 1989. [Stepanov, Yu.S. *Indoevropejskoe predlozhenie* [The Indo-European Sentence]. Moscow, 1989. (In Russ.)]

34. *Krasukhin K.G.* The Indo-European aspect-tense system and quantitative ablaut. Internal reconstruction: Selected papers of XVI ICHL. Ed. J.E. Rasmussen, Th. Olander. Copenhagen: Museum Tusculanum, 2009.

35. *Красухин К.Г.* Балто-славянская глагольная диатеза в свете учения Г.К. Ульянова и Ф.Ф. Фортунатова // Вестник Петрозаводского университета. 2020. Т. 42. № 5. [Krasukhin, K.G. *Balto-slavyanskaya glagolnaya diateza v svete ucheniya G.K. Ulyanova i F.F. Fortunatova* [The Verbal Diathesis in Baltic and Slavic Languages in the Light of the Doctrine of Grigory K. Ulyanov and Philipp Th. Fortunatov]. *Vestnik Petrozavodskogo universiteta* [Bulletin of Petrozavodsk University, Series of Humanities]. 2020, Vol. 42, No. 5. (In Russ.)]

36. *Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1897. Bd. IV. (In German)

37. *Lindeman F.O.* Bemerkungen zu den Aoristen ἔβαλεν ἔζελεν. Indogermanische Forschungen, 1971. Bd 76. (In German)

38. *Красухин К.Г.* Внутренняя реконструкция, относительная хронология и развитие общеиндоевропейского ударения (пять периодов индоевропейской акцентуации) // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. М.: МГУ, 2004. [Krasuhin, K.G. *Vnutrennyaya rekonstrukciya, otnositelnaya hronologiya i razvitie obshcheindoevropejskogo udareniya (pyat' periodov indoevropejskoj akcentuacii)* [The Internal Reconstruction, Relative Chronology, and Developmentof Indo-European Stress (Five Periods of Indo-European Accentuation)]. *Sravnitelno-istoricheskoe issledovanie yazykov: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Historic and Comparative Research of Languages: Contemporaty State of Affairs and Perspectives]. Moscow, MGU Publ., 2004. (In Russ.)]

39. *Schindler J.* Die Wurzelnomina im Altgriechischen und Altindischen. Wurzburg, 1972. (In German)

40. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1972. (In German)

41. *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grec. Paris, 1968–1980. (In French)

42. *Beekes R.S.P.* The etymological dictionary of Greek. Leiden, 2007.

43. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Leipzig, 1921. (In German)

44. *Klingeschmitt G.* Die lateinische Nominalflexion. Latein und Indogermanisch. Hgg. N. Kritsch, O. Panagl. Innsbruck, 1982. (In German)

45. *Wodtko D., Irslinger B., Schneider K.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008. (In German)

46. *Meier-Brügger M.* Zur idg. Sekundärwurzel *$su̯ed^{h}(h_{1})$-/*$su̯ēd^{h}(h_{1})$-. Clackson J., Olsen B.A. (eds.) Indo-European Word Formation: Proceecind of the Conference held at the University of Copenhagen October 20th–22nd 2000. Copenhagen, 2004. (In German)

47. *Benedetti M.* I composti radicali latini. Pisa, 1988. (In Ital.)

Дата поступления материала в редакцию: 04 октября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 ноября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on October 04, 2021
Revised on November 12, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018922-0

Замечания о различной природе метонимии

© 2022 г. О. П. Ермакова

Доктор филологических наук,
профессор Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского,
Россия, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, д. 26
olga_ermakovakaluga@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются некоторые особенности актантной и неактантной метонимии, дополняющие их основные различия. Отмечается, что набор и содержание актантов зависит от семантической валентности глагола, производящего Nomina actionis. Неактантная метонимия, ее активность и другие особенности обусловлены только существованием тех или иных реалий. Устанавливается также, что значения некоторых типов актантной и неактантной метонимии не воплощаются в словесные единицы и потому не отмечаются в толковых словарях.

Ключевые слова: актантная и неактантная субстантивная метонимия, обратно направленная метонимия (от актанта к действию), типы метонимии, не порождающие словесных единиц.

Для цитирования: *Ермакова О.П.* Замечания о различной природе метонимии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 51–55. DOI: 10.31857/S160578800018922-0

Remarks on the Different Nature of Metonymy

© 2022 Olga P. Yermakova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Kaluga State K.E. Tsiolkovsky University,
26 Stepana Razina Str., Kaluga, 248023, Russia
olga_ermakovakaluga@mail.ru

Abstract. The article discusses some features of actant and non-actant metonymy, complementing their main differences. It is noted that the set and content of actants depends on the semantic valence of the verb producing Nomina actionis. Inactive metonymy, its activity and other features are due only to the existence of certain realities. It is also established that the meanings of some types of actant and non-actant metonymy are not embodied in verbal units and therefore are not marked in explanatory dictionaries.

Key words: actant and non-actant substantive metonymy, inversely directed metonymy (from actant to action), types of metonymy that do not generate verbal units.

For citation: Yermakova, O.P. *Zamechaniya o razlichnoj prirode metonimii* [Remarks on the Different Nature of Metonymy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 51–55. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018922-0

В статье содержатся наблюдения над различной природой разных типов субстантивной метонимии. Разделение субстантивной метонимии на актантную и неактантную основательно рассмотрено Ю.Д. Апресяном [1, с. 193–202]. За последние полвека появились новые исследования, посвященные этой проблематике (см., напр.: [2]; [3]). Выявляются и описываются

разнообразные метонимические модели, предлагаются новые классификации типов метонимии [4]. Много внимания уделяется оценочной метонимии в работах [5, с. 5–33]; [6, с. 5–20]; [7, с. 130–131].

В этой небольшой статье мы хотим отметить некоторые особенности актантной и неактантной метонимии, показывающие различия в их природе и тем самым – неоднородность самого явления метонимии. Наблюдения проводятся на основе уже описанных типов и классификаций.

Нетрудно заметить, что перенос названия действия на его актанты – субъект, объект, место, средство и др. – определяется семантикой глагола, от которого образовано отглагольное существительное, а именно – его семантической валентностью. О семантической валентности слова Ю.Д. Апресян пишет: “Интересные для теоретической семантики и лексикографии синтаксические свойства слова – это, в первую очередь, его активные семантические валентности, т.е. те валентности слова, которые присоединяют к нему синтаксически зависимые слова и каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения. Говоря менее формально, можно заметить, что семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова и характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу” [1, с. 119–120].

Если у глагола есть валентность субъекта (он не безличный), то отглагольное существительное – например, *охрана, защита, обвинение, разведка* и т.д. – может приобрести метонимическое значение субъекта. Может, но “не обязано” иметь. Глаголы с валентностью места – *объехать, подняться, спуститься, переходить, выходить, входить* и др., порождая существительные, называющие действие, допускают его возможное метонимическое употребление “место действия”. Но не объекта.

Ср.: *переезд через рельсы – столкнулись на переезде; зимовка была длинной и трудной – расположились в старой зимовке* (ср. примеры в [1, с. 199–200].

Конечно, у движения есть и субъектная валентность, что реализуется, например, в образованиях – *объездчик, обходчик,* или в субстантиватах – *уезжающий, приезжающий* и др. Но мы говорим о **возможности** метонимического значения, а не о его обязательности, точнее – об ограничении такой возможности.

Здесь возникает вопрос: поскольку у глаголов, как правило, не одна семантическая валентность, может ли у одного отглагольного существительного быть два-три актантных метонимических значения? Ю.Д. Апресян, приводя парное соединение: действие и его актант, – допускает не только парное, но и тройственное или даже более сложное объединение. Он пишет: “Даваемый ниже обзор типов регулярной многозначности представлен в виде перечня типичных парных комбинаций значений у существительных, глаголов и прилагательных. Возможны, конечно, и тройные и т.д. комбинации значений, но указывать их в явном виде нет нужды: в случае необходимости читатель сам легко извлечет их из приводимого нами материала” [1, с. 193]. Теоретически более, чем парное, соединение значений возможно. Практически это наблюдается среди неактантной метонимии существительных.

Ср.: **Вишня:** 1. Дерево; 2. Его плод; 3. Продукт, изготовленный из плодов вишни. 1. ***Вишня*** *в цвету очень красива;* 2. ***Вишня*** *родилась крупная;* 3. ***Вишня*** *(варенье) сладковата.* Аналогично тройное соединение подобных значений возможно у названий животных, деревьев и т.п.

Ср.: **Песец**: 1. Животное из семейства собачьих; 2. Мех животного; 3. Изделие из такого меха. 1. ***Песец*** *сбежал из клетки;* 2. ***Песец*** *красивее чернобурки;* 3. *Этот воротник –* ***песец****? – Нет, горностай* и т.п.

У слова **заяц** даже четыре метонимических значения: 1. Мех зайца; 2. Изделие из такого меха (шуба и др.); 3. Мясо зайца; 4. Блюдо из мяса зайца (жаркое). 1. ***Заяц*** *годится на шубу только зимой: весной и летом линяет*; 2. *Из* ***зайца*** *дед сшил шапку*; 3. *Я не ем ни* **зайца**, *ни кролика*; 4. *Рагу из* **зайца** *всем понравилось.*

Здесь проявляется действие двух основных моделей: ‘животное’ – ‘его мех’; ‘животное’ – ‘его мясо’. Модели ‘изделие’ (воротник, шуба и т.п.), ‘продукт’ – вторичны по отношению к двум основным. Последняя ступень этой многоступенчатой метонимии выражается обычно стилистически сниженными словами – разговорными или просторечными.

Многоступенчатость значений не свойственна актантной метонимии. Соединение действия с двумя актантами встречается крайне редко. Единичные случаи чаще всего носят устарелый характер. Ср.:

Выезд – 1. Действие по глаголу выезжать; 2. Место, через которое выезжают; *В. из города охраняется караулом.* 3. Лошади с экипажем и упряжкой; автомобиль. *Собственный в.; Щегольской в.; Богатый в.* [8].

Третье значение можно определить (с натяжкой) как средство. Примеры явно устарели. Ср.:

*... У нее **удивительный выезд**, но разве вы не видите, что лошади везут ее... в госпиталь?* (И. Анненский. Вторая книга отражений); *Бабка рожала, была сказочно приветлива и нежна с мужем, держала дом, прислугу, **выезд*** (Б. Васильев. Оглянись на середине); *У нищего белоруса завелись слуги, собственный **выезд*** (“Звезда”, 2002).

Ср. также соединение в тексте двух актантов, образованных от разных производящих: *Разумеется, местная **власть** имела собственный **выезд**; **На** этом **спуске разведка** должна была задержаться.*

Но не это главное отличие актантной метонимии от неактантной. Как уже говорилось вначале, актантная метонимия и содержательно, и количественно (число актантов) определяется и ограничивается семантической валентностью глагола, обозначающего соответствующее действие, синтаксический дериват глагола.

Неактантная метонимия безразлична к семантике исходного слова. Так, значение ‘мясо животного (птицы и т.п.)’ никак не определяется типом животного: домашнее – дикое, крупное – мелкое, съедобное – несъедобное, реальное – фантастическое, земноводное – пресмыкающееся и т.д. Любое название животного при необходимости в определенном тексте может быть употреблено в значении ‘мясо’. Действие этой модели не ограничено и существованием суффиксальных названий мяса [1, с. 204]. Тем более, что производность таких названий нерегулярна, а уже произведенные мало употребительны и вытесняются метонимическими: употреблению слов *курятина, индюшатина* в реальном речевом общении предпочитаются слова *курица, индейка* в их метонимических значениях.

Но в данном случае нам в первую очередь важна не сама регулярность модели, а ее независимость от семантики производящей основы – в этом ее отличие от актантной метонимии. Существует вполне естественное заблуждение: действие модели ограничено съедобностью мяса. Ср., напр.: «Непоследовательное действие аналогии проявляется у моделей метонимического переноса “животное – мясо животного”, “мясо животного – блюдо” в силу того, что мясо не каждого животного используется человеком в качестве пищи» [9, с. 46]. Повторю, что данная модель не знает ограничений и не зависит от того, съедобно для человека мясо животного или нет.

Ср., напр.: *Тогда, сказал Толик, **змею** можно сварить и съесть* (М. Аромштам. Мохнатый ребенок); *Они, в свою очередь, посмеивались над жителями западной части села за их нежелание признавать **коршуна** съедобным; – Не приготовишь ли ты нам **коршуна**?* – (Ф. Искандер. Софичка); *Первого **пингвина** зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали, заморили червячка* (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля); *А французу что ни подай – все съест: и **лягушку**, и **крысу** ... бр!* (А. Чехов. На чужбине).

Но и среди неактантной метонимии есть модель, природа которой заметно отличается от других. Это метонимический перенос с одежды человека на самого человека.

Об этой модели Ю.Д. Апресян пишет так: «‘Предмет одежды’ – ‘человек, который **в данный момент** носит этот предмет’: *зеленые береты, маска (В комнату вошла **маска**), синие воротники.* В речи метонимия такого рода встречается довольно часто: Ср. *Я **за синим пальто** стояла*» [1, с. 202]. В этом определении обращает на себя внимание часть “который **в данный момент носит этот предмет**” [Там же]. Тем самым утверждается отсутствие в этом типе метонимии регулярной и постоянной связи между предметом (одеждой) и человеком, который ее носит. Это определение представляет метонимию как явление непостоянное, случайное и, главное, **не воплощенное в определенные лексические единицы.** Поэтому в толковых словарях мы не найдем названия одежды (обуви, головных уборов) со значением ‘человек, который...’.

Все другие виды неактантной метонимии, хоть и непоследовательно, фиксируются в толковых словарях.

Так, в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова [8] значение ‘мясо животного (птицы)’ отмечено у слов *курица, индейка, заяц, осетр* и др. Значение ‘мех’ у слов *бобер, заяц, кролик, крот, котик, курица, песец* и др., но не отмечено у слов *баран (овца), белка, норка, нутрия, ондатра* и др. Этот вид переноса названия одежды носит текстовый характер и подобен индивидуальной метафоре. Здесь наблюдаются некоторые лексические ограничения: как правило, не используются названия нижнего белья, хотя в одном рассказе Чехова действуют *рыжие панталоны* и *голубая пижама.*

Но ни одна другая модель так часто не используется в художественной литературе, как прием обезличивания человека. Приведу лишь некоторые примеры из произведений Чехова и Гоголя.

*В лесу и по полям скачут на конях **полушубки**. У всех лица озабоченные, напряженные, словно всем этим **полушубкам** предстоит открыть что-то новое, необыкновенное* (А. Чехов. На охоте); *Копошатся, как раки в решете, сотни **тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров*** (А. Чехов. В Москве

на Трубной площади); *На другой день она вынула из него* [альбома. – *О.Е.*] *чиновников и побросала их на пол и вместо них вставила своих институтских подруг.* ***Форменные вицмундиры*** *уступили свое место* ***белым пелеринкам*** (А. Чехов. Альбом); – *М-Маша, – бормочет* ***цилиндр****, бледнея, – скорей...* (А. Чехов. На гулянье в Сокольниках)*; Достаточно иметь самое обыкновенное человеческое чувство, не говоря уж о родительском сердце, чтобы понять, какие минуты переживает сейчас Лидочка и какую важную роковую роль играет в ее жизни удаляющаяся* ***шляпа*** (А. Чехов. Серьезный шаг); *Вглядевшись и подойдя поближе, он узнает в фигуре вчерашнего дачника в рыжих панталонах. – Вы не спите? – спрашивает он. – Да, не спится что-то, – вздыхают* ***рыжие панталоны*** (А. Чехов. Лишние люди).

Две бекеши *(одна другой). Ну, как вы? Я бы желал знать ваше мнение о комедии.* ***Другая бекеша*** *(делая значительное движение губами). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... в своем роде... ... Шум увеличивается, по всем лестницам раздается беготня.*

Бегут ***армяки****,* ***полушубки****, немецкие долгополые* ***кафтаны****,* ***треугольные шляпы*** *и* ***султаны****,* ***шинели*** *всех родов: фризовые, военные, подержанные и щегольские – с бобрами, две-три рясы* (Н. Гоголь. Театральный разъезд).

Правда, когда речь идет о детях, все по-другому. Ср.: – *Беленькие тапочки затопали.* ***Трусики*** *запрыгали с обрыва* (В. Инбер). *Здесь проходили маленькие* ***туфельки*** *и большие* ***сапоги****.*

Могут использоваться любые предметы туалета, часто (как в примере из В. Инбер) это уменьшительные названия, выражающие нежность и умиление: *Вокруг ёлки пляшут разноцветные* ***платьица****.*

Внутри актантной метонимии существует также своеобразная разновидность: перенос названия актанта на действие. В этой так называемой обратной актантной метонимии тот же набор актантов – место, субъект, объект, орудие, средство, время. Приведем некоторые примеры.

Субъект – его действие:

животное – производимые им звуки: ***Собаки*** *начали помалу затихать; Почему-то не слышно мартовских* ***котов*** (устн. речь);

музыкальный инструмент – производимое им звучание: *Вдруг из-за двери в зале длинной* ***Фагот*** *и* ***флейта*** *раздались* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин);

хозяйственный инструмент – звуки, издаваемые им при его использовании: *В лесу раздавался* ***топор*** *дровосека* (Н.А. Некрасов).

У Nomina actionis не бывает метонимических значений причины, цели, следствия, условия, уступки [10, с. 647], поэтому не может быть и обратной метонимии – от причины к действию или от следствия к действию и т.п.

Но на основе обратной метонимии не рождаются, как правило, новые лексические единицы: в толковых словарях значения, возникающие в речи, не фиксируются. Так, хотя в предложении: *Услышали* ***собак*** – слово *собаки* обозначает ‘лай собак’, ни один словарь не отметит у слова *собака* употребление ‘лай’. Или у слова *ворона* – значение ‘карканье’ и т.д.

Исключение составляют некоторые названия мест (помещений). Например, у слова *тюрьма* в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [8] вторым значением отмечено ‘заключение в тюрьме’. *Бессменно стоял предо мною Сергей,* **тюрьмою** *измученный, бледный* (Н.А. Некрасов). Аналогично в словах **театр, цирк** выделены значения ‘помещение’ и ‘представление’.

В словаре Н.Ю. Шведовой [11] метонимические значения этого типа не приводятся.

У названий музыкальных инструментов значение ‘звучание’ в словаре Н.Ю. Шведовой [11] упоминается как часть первого, конкретного значения: “**Флейта**. Деревянный духовой инструмент высокого тона в виде прямой трубки с отверстиями и клапанами; звучание этого инструмента”. Аналогично толкуются слова *скрипка, рояль* и др. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [8] даются только названия инструментов.

В заключение повторю основные положения статьи.

1. Число и содержание актантов у отглагольных nomina actionis в результате метонимического переноса зависит от семантической валентности глагола, производящего существительное со значением действия. Неактантная метонимия зависит не от семантики производящего имени, а только от существования определенной реалии.

2. Nomina actionis не могут порождать два или более актанта, хотя глаголы, от которых они зависят, обычно не одновалентны. Напротив, исходное имя неактантной метонимии могут иметь два, три и даже четыре производных метонимических значения (например, слово *заяц*).

3. Внутри каждого из этих типов есть разновидности, значения которых не воплощаются в лексических единицах и не отмечаются в толковых словарях: это, например, обратная актантная метонимия и перенос с одежды на человека внутри неактантной метонимии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию / [Предисл. В.В. Виноградова]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
3. *Гинзбург Е.Л.* Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985.
4. *Ерёмин А.Н., Петрова О.О.* Субстантивная метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации. М.: Флинта, 2018.
5. *Королева О.Э.* Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск: Институт муниципального управления, 2002.
6. *Розина Р.И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Азбуковник, 2005.
7. *Сандакова М.В.* Метонимия прилагательного в современном русском языке. Киров, 2004.
8. Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1941.
9. *Петрова О.О.* О синкретизме метонимии и аналогии // Казанская наука. 2021. № 7.
10. *Ермакова О.П.* Семантический эллипсис или семантический сдвиг (о разговорном употреблении конструкций типа *после селедки хочется пить, опоздал из-за детей*) // Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 2016.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. академик Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
2. Pokrovsky, M.M. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu. Predisl. V.V. Vinogradova* [Selected Works on Linguistics. Preface by V.V. Vinogradov]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1959. (In Russ.)
3. Ginzburg, E.L. *Konstrukcii polisemii v russkom yazyke. Taksonomiya i metonimiya* [Polysemy Constructions in Russian. Taxonomy and Metonymy]. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russ.)
4. Eryomin, A.N., Petrova, O.O. *Substantivnaya metonimiya v sovremennom russkom yazyke. Teoreticheskie osnovaniya i modeli realizacii* [Substantive Metonymy in Modern Russian. Theoretical Foundations and Implementation Models]. Moscow, Flinta Publ., 2018. (In Russ.)
5. Koroleva, O.E. *Metonimiya kak tip znacheniya: semanticheskaya harakteristika i sfery upotrebleniya* [Metonymy as a Type of Meaning: Semantic Characteristics and Areas of Use]. Obninsk: Institut municipalnogo upravleniya Publ., 2002. (In Russ.)
6. Rozina, R.I. *Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennom slenge: glagol* [Semantic Development of the Word in the Russian Literary Language and Modern Slang: Verb]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. (In Russ.)
7. Sandakova, M.V. *Metonimiya prilagatelnogo v sovremennom russkom yazyke* [Adjective Metonymy in Modern Russian]. Kirov, 2004. (In Russ.)
8. *Tolkovy slovar russkogo yazyka pod redakciej prof. D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by Prof. D.N. Ushakov]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1935–1941. (In Russ.)
9. Petrova, O.O. *O sinkretizme metonimii i analogii* [About Syncretism of Metonymy and Analogy]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. 2021, No. 7. (In Russ.)
10. Yermakova, O.P. *Semanticheskij ellipsis ili semanticheskij sdvig (o razgovornom upotreblenii konstrukcij tipa posle seledki hochetsya pit', opozdal iz-za detej)* [Semantic Ellipsis or Semantic Shift (About the Colloquial Use of Constructions Like After Herring *I want to drink*, *I was late because of the children*)]. *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N.Yu. Shvedovoj* [Language: Searches, Facts, Hypotheses. To the 100th Anniversary of the Birth of Academician N.Yu. Shvedova]. Moscow, Nauka Publ., 2016. (In Russ.)
11. *Tolkovy slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov. Otv. red. akademik N.Yu. Shvedova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words. Ed. Academician N.Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 16 декабря 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 декабря 2021 г.
Статья принята к публикации: 27 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on December 16, 2021
Revised on December 25, 2021
Accepted on December 27, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018927-5

О порядке слов в древнерусских именных группах с местоименными прилагательными (на материале прямой речи “Повести временных лет”)

© 2022 г. В. С. Савельев

Доктор филологических наук,
доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
alfertinbox@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению порядка слов в простых именных группах, включающих в качестве определений местоименные прилагательные, в высказываниях героев “Повести временных лет”. Устанавливается закономерность: местоимениям в анафорической и дейктической функциях свойственно постпозитивное по отношению к главному компоненту местоположение, а местоимениям в катафорической и кванторной функциях – препозитивное. При этом обнаруживается, что изменение данного словопорядка чаще всего связано с необходимостью коммуникативного выделения компонента словосочетания, перемещаемого в препозицию.

Ключевые слова: “Повесть временных лет”, порядок слов, функции местоимений.

Для цитирования: *Савельев В.С.* О порядке слов в древнерусских именных группах с местоименными прилагательными (на материале прямой речи “Повести временных лет”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 56–64. DOI: 10.31857/S160578800018927-5

About the Word-Order in Old Russian Noun Phrases with Pronominal Adjectives (on the Material of Direct Speech in “The Tale of Bygone Years”)

© 2022 Victor S. Savelyev

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
alfertinbox@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the word-order in simple noun phrases, which include pronominal adjectives as definitions, in statements of the characters of “The Tale of Bygone Years” (non-translated dialogic fragments are analyzed). A regularity is established: pronouns in anaphoric and deictic functions are characterized by their common use in postposition relative to the main component, and pronouns in cataphoric and quantifier functions are prepositive usually. It is also established that the main reason for a variation of the usual word-order is the need for communicative highlighting of the component of the phrase moved to the preposition. At the same time, the usual use of quantifiers in preposition is not associated with their communicative selection, but with the fact that, being indicators of referential status, in combination with the components being determined, they form a kind of “complex words”, the “decoding” of the meanings of which in a linear flow of speech implies the first stage of this "decoding" is the establishment of a referential status. The described patterns of the word-order are associated, in our opinion, with the fact that direct speech depicts oral speech, reflecting its linearity: the first in the focus of the listener's attention is the prepositive component, which determines its emphasis – semantic and / or communicative.

Key words: “The Tale of Bygone Years”, word-order, pronoun functions.

For citation: Savelyev, V.S. *O poryadke slov v drevnerusskih imennyh gruppah s mestoimennymi prilagatelnymi (na materiale pryamoj rechi "Povesti vremennyh let")* [About the Word-Order in Old Russian Noun Phrases with Pronominal Adjectives (on the Material of Direct Speech in "The Tale of Bygone Years")]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 56–64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018927-5

Вопрос об особенностях и закономерностях словопорядка в словосочетаниях с согласованными определениями неоднократно поднимался в работах историков русского языка. Начиная с Ф.И. Буслаева, еще в 1858 г. отметившего возможность вариативного – препозитивного и постпозитивного – размещения согласованного определения по отношению к главному компоненту в древнерусских текстах ("Слова определительные, означенные прилагательными и местоимениями, также свободно поставляются и перед определяемыми словами, и после них" [1, с. 417]), указавшего на наличие основной модели словопорядка ("Собственное место определительного обыкновенно бывает перед определяемым" [1, с. 417]) и объяснившего отступление от нее необходимостью коммуникативного выделения одного из компонентов ("Превращение этого порядка иногда бывает нужно для выражения самого смысла речи, именно для того, чтобы обратить внимание на определительное слово" [1, с. 417]), исследователи стремятся не только описать порядок слов в подобных словосочетаниях, но и установить его причины. Анализ работ, в которых затрагивается проблема словопорядка в древнерусских атрибутивных словосочетаниях[1], позволяет перечислить те факторы, которые влияют на выбор местоположения согласованного определения:

1) характеристики текста: а) время создания текста, б) место создания текста, в) оригинальный или переводной характер текста, г) особенности языковой системы, реализованной в тексте (регистровая принадлежность текста, в том числе книжный vs. некнижный характер), д) жанровая принадлежность текста, е) особенности идиостиля автора текста;

2) характеристики предложения (высказывания): а) необходимость "смыслового" ("логического", "семантического", "стилистического", "коммуникативного") выделения одного из компонентов, б) функция зависимого компонента ("некоторая предикативность" постпозитивного определения[2], "собственно указательная" vs. "анафорическая" функция препозитивного vs. постпозитивного указательного местоимения[3]);

3) характеристики словосочетания: а) количественный состав словосочетания (в том числе наличие одного vs. более одного определения), б) контактный vs. дистантный характер расположения компонентов, в) форма словосочетания (в том числе наличие предлога или повторяющихся предлогов), г) устойчивость употребления (лексикализованные словосочетания, традиционные устойчивые словосочетания, формулы, клише);

4) характеристики главного компонента (слова, используемого в качестве определяемого): принадлежность к определенной лексико-семантической группе (в том числе одушевленность vs. неодушевленность существительного);

5) характеристики зависимого компонента (слова, используемого в качестве определения): а) частеречная принадлежность, б) принадлежность к определенному разряду данной части речи (в частности к качественным vs. относительным vs. притяжательным прилагательным), в) принадлежность к определенной лексико-семантической группе, г) морфемная структура (использование нечленной или членной формы прилагательного; использование прилагательных, образованных с помощью суффикса *-ьск-*), д) индивидуальные особенности использования отдельных лексем.

Помимо перечисленных существует еще один фактор, который в силу объективных причин учитывается крайне редко. Речь идет о том, в каком фрагменте текста – нарративном или диалогическом – обнаруживаются согласованные определения. Так, Ф.Р. Минлос, анализируя положение притяжательных местоимений относительно существительных в простых именных группах, включающих существительное и не более одного согласованного определения, указывает на то, что в Галицко-Волынской летописи "среди примеров препозиции местоимения <...> выделяется передача прямой речи: в прямой речи доля препозиции составляет 19% (13 AN, 64 NA), а в авторском тексте 3% (7 AN, 208 NA)", что объясняется установкой летописца на передачу устной речи, однако данное положение дел "не является универсальным для летописных текстов. Так, в Новгородской первой летописи по Синодальному списку в авторском тексте 50% (59 из 120) простых групп содержат препозицию

[1] Подробное описание истории вопроса см. в работах [2, с. 3–12], [3, с. 13–49].

[2] См. [4, с. 223].

[3] См. [5, с. 195].

местоимения, в прямой речи этот показатель составляет 49% (20 из 41), т.е. почти в точности то же самое” [6, с. 241, 242].

Выборочный анализ непереводных статей “Повести временных лет” по Ипатьевскому списку, включающих как нарративные, так и диалогические фрагменты, подтверждает гипотезу Ф.Р. Минлоса о более частом использовании препозитивных притяжательных местоимений в прямой речи. При этом, что существенно, данное соотношение обнаруживается во фрагментах, изображающих коммуникацию как светских, так и церковных лиц. Так, в статье 6453 (945) года, включающей диалоги кн. Ольги и древлян, в репликах героев препозитивны 24% притяжательных местоимений (6 из 25), а в нарративных фрагментах – 10% (2 из 20); во фрагменте статьи 6582 (1074) года, включающей диалоги прп. Феодосия и братии монастыря (от “**Сице поꙋчивъ братью**” до “**на хвалꙋ Гⷭ҃ꙋ нашемꙋ Іⷭ҃сꙋ Хⷭ҃ꙋ**”), в репликах героев препозитивны 36% притяжательных местоимений (5 из 14; объем прямой речи 278 слов), а в нарративных фрагментах – 20% (1 из 5; объем нарратива 412 слов); во фрагменте статьи 6601 (1093) года, включающей диалоги князей и княжих мужей (от “**Приде Стⷭ҃ополкъ Киевꙋ**” до “**за оумноженье беѕаконии нашиⷯ҃**”), в репликах героев препозитивны 33% притяжательных местоимений (1 из 3; объем прямой речи 97 слов), а в нарративных фрагментах – 0% (0 из 14; объем нарратива 673 слова).

В связи с этим представляется интересным установить, какие факторы оказывают влияние на выбор местоположения согласованных определений в высказываниях летописных героев, учитывая, что одной из задач летописца является изображение их устной речи.

В качестве материала исследования нами были выбраны 323 непереводных диалогических фрагмента “Повести временных лет”[4], а объектом исследования стали местоименные прилагательные (далее – местоимения), входящие в качестве согласованных определений в состав простых именных групп, включающих контактно расположенные компоненты, в прямой речи летописных героев.

Как показал анализ материала, одним из главных факторов, влияющих на порядок слов в рассмотренных словосочетаниях, является то, в какой функции используется местоимение:

Лексема	Количество простых именных групп	Препозиция местоимения (%)	Постпозиция местоимения (%)
Анафорическая функция			
свои	83	13 (16%)	70 (84%)
сѧкыи	1	1 (100%)	0 (0%)
такыи	3	1 (33%)	2 (67%)
все лексемы	**87**	**15 (17%)**	**72 (83%)**
Дейктическая функция			
мои	68	10 (15%)	58 (85%)
твои	39	6 (15%)	33 (85%)
нашь	48	9 (19%)	39 (81%)
вашь	26	7 (27%)	19 (73%)
сии	37	16 (43%)	21 (57%)
оныи	4	4 (100%)	0 (0%)
тотъ	9	2 (22%)	7 (78%)
все лексемы	**231**	**54 (23%)**	**177 (77%)**
Катафорическая функция			
коликъ	2	2 (100%)	0 (0%)
которыи	1	1 (100%)	0 (0%)
кыи	3	3 (100%)	0 (0%)
такыи	2	1 (50%)	1 (50%)
все лексемы	**8**	**7 (88%)**	**1 (12%)**
Кванторная функция			
вьсь	19	15 (79%)	4 (21%)
вьсѧкъ	2	2 (100%)	0 (0%)
вьсѧкыи	1	1 (100%)	0 (0%)
другыи	2	2 (100%)	0 (0%)
единъ, одинъ (в значении “общий”)	4	4 (100%)	0 (0%)
единъ, одинъ (в значении “единственный”)	5	1 (20%)	4 (80%)
инъ	10	10 (100%)	0 (0%)
какыи	1	0 (0%)	1 (100%)
которыи любо	1	1 (100%)	0 (0%)

[4] О принципах отнесения диалогических фрагментов летописи к непереводным см. [7, с. 34–41].

Использовался текст “Повести временных лет” по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, воспроизведенной в издании [8]. При разбивке текста на предложения и расстановке пунктуационных знаков, отсутствующих в летописи, использовались данные академического издания [9], подготовленного Д.С. Лихачевым, а также изданий [10] и [11]. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в летописи византийскому летосчислению и летосчислению от Рождества Христова).

кыижьдо	1	1 (100%)	0 (0%)
толикъ	1	1 (100%)	0 (0%)
тотъ же	1	1 (100%)	0 (0%)
все лексемы	**48**	**39 (81%)**	**9 (19%)**

Как мы видим, обнаруживается следующая закономерность: **согласованным определениям-местоимениям в анафорической и дейктической функциях свойственно постпозитивное употребление, а в катафорической и кванторной функциях — препозитивное**. С чем это может быть связано?

* * *

Местоимения в **анафорической** и **дейктической функциях** в большинстве случаев постпозитивны по отношению к главным компонентам:

а) местоимения в анафорической функции:

<1> **И послаша кияне къ Ст҃ославу, гл҃юще**: "<...> **Аще ти не жаль отьчины своея** <...>?" (6476 / 968);

<2> **Философъ же р҇че**: (1) "**Воистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пр҇рци пророкоша, яко Бг҃ родитися, а другии – распяту быти и третьи дн҃ь въскр҇нути и на нб҇са възити** <...>". **Р҇че же Володимиръ**: (2) "**Что ра҇ сниде Бъ҃ на землю и страсть таку прия тъ?**" (6494 / 986);

б) местоимения в дейктической функции:

<3> **И призва старѣишину конюхомъ, рка**: "**Кд҇е есть конь мои** <...>?" (6420 / 912);

<4> **И посла к Роговолоду** кн҇зю **Полотьск҇у, гл҇а**: "**Хощю пояти дщерь твою женѣ**" (6488 / 980);

<5> **Ркоша русь чюдь, словенѣ, кривичи и вся**: "(1) **Земля наша велика и обилна**, (2) **а наряда въ неи нѣтъ** <...>" (6370 / 862);

<6> **Р҇че Володим**и**ръ**: (2) "**Кака есть вѣра ваша?**" (6494 / 986);

<7> **И воевода нача Ст҃ополчь, ѣздя вьзлѣ берегъ, укаряти новгородци, гл҇а**: "**Что придосте с хромьцемь симь** <...>? <...>" (6524 / 1016);

<8> **Оугра же рекоша отроку моему**: "(1) **Дивно находимъ мы чюдо ново** <...>: (2) **суть горы заидуче в луку моря**, (3) **имьже высота акы до нб҇си**, (4) **и в горахъ тыхъ кличь великъ и говоръ** <...>" (6604 / 1096).

Особняком стоит использование всегда препозитивных местоимений *сакыи* и *оныи*:

<9> **Вълодимеръ же слышавъ, яко ятъ есть Василко и ослѣпленъ, ужасася и въсплакася вельми ї рече**: "**Сего не было есть оу Русьскои земли ни при дѣдехъ наши**х**, ни при оц҃їхъ нашихъ сякого зла**" (6605 / 1097);

<10> **И въстужиша лю**д**е в городѣ и ркоша**: "(1) **Нѣ ли ко**г, (2) **иже бы на ону страну моглъ доити** <...>?" (6476 / 968).

Препозитивное использование местоимений в дейктической и анафорической функциях является редким и в большинстве случаев связано с таким отношением данного высказывания к предшествующим или последующим с учетом релевантности произносимого, которое позволяет оценить местоимение в качестве **коммуникативно выделяемого компонента темы** или **ремы**[5] высказывания:

а) местоимения в анафорической функции:

<11> **Федосии же р҇че имъ**: "(1) **Да аще от мене хощете игумена прияти**, (2) **то азъ створю вамъ**, (3) **но не по своему** (ВКР) **изволению** (Р), (4) **но по Бж҃ию** (ВКР) **строенью** (Р)" (6582 / 1074) — противопоставляется *свое* изволение и *Божие* строение;

<12> **Мьстислав же** <...> **р҇че**: "(1) **Кто сему не ра**д**?** (2) **Се лежить сѣверянинъ**, (3) **а се варягъ**, (4) **а своя** (ВКТ) **дружина** (Т) **цѣла** (Р)" (6532 / 1024) — противопоставляются *чужие* воины (северяне, варяги) и *своя* дружина;

б) местоимения в дейктической функции:

<13> **Янь же** <...> **р҇че имъ**: "(1) **Выдаите волъхва та сѣмо**, (2) **яко смерда еста** (Т) **моего** (ВКР) **князя** (Р)" (6579 / 1071) — обоснованность требования Яня Вышатича связана с тем, что волхвы являются смердами именно *его* князя (в противном случае выдать их было бы нельзя);

<14> **Дв҃дъ же на Ст҃ополка нача извѣтъ творити, гл҇а**: "(1) **Ци я** (ВКР) (Р) **се створилъ** (Т), (2) **ци ли оу моемъ** (ВКР) **городѣ** (Р)? <...>" (6605 / 1097) — кн. Давыд пытается оправдаться, указывая, что злодеяние свершилось не в *его* городе (он не несет ответственности за то, что произошло не в *его* городе);

<15> **И рече Ст҃ополкъ**: (1) "<...> (1.1) **И не язъ его слѣпилъ**, (1.2) **но Дв҃дъ**, (1.3) **ї велъ и к собѣ**". **И рѣша мужи Володимери, и Дв҃дви, и Олгови**: (2) "<...> (2.1)

[5] Далее используются сокращения: тема — Т, рема — Р, коммуникативно выделяемый компонент темы — ВКТ, коммуникативно выделяемый компонент ремы — ВКР.

О принципах определения коммуникативной структуры летописных высказываний см. [7, с. 367–378].

О коммуникативно выделяемых компонентах (в т.ч. историю вопроса и обзор работ, в которых указываются средства выделения ВКТ и ВКР в древнерусском высказывании) см. [7, с. 393, 394].

не в Давыⷣвѣ (ВКР) **градѣ** (Р) **ꙗтъ** (ВКТ) **есть** (Т), (2.2) **ни ѡслѣпленъ**, (2.3) **но въ твоемъ** (ВКР) **городѣ** (Р) **ꙗтъ** (Т) (2.4) **и ѡслѣпленъ**” (6605 / 1097) – оправдания кн. Святополка Изяславича не приняты, поскольку злодеяние совершилось именно в *его* городе (при этом говорящий противопоставляет определения в (2.1) и (2.3): *не в Давыдове* vs. *в твоем*);

<16> **И ркоша деревлѧни**: «(1) **Посла ны Деревьскаꙗ земля**, (2) **ркущи сице**: “(3) **Мужа твоего оубихомъ**, (4) **бѧшеть бо мужь твои, ꙗко волкъ, въсхыщаꙗ и грабѧ**, (5) **а наши** (ВКТ) **кнѧзи** (Т) **добри** (ВКР) **суть** (Р) <...>”» (6453 / 945) – противопоставляются муж кн. Ольги – муж *твои* (3, 4) – и *наши* князья (5);

<17> **Ѡни же ркоша**: (1) “<...> **но понесите ны в лодьи**”. **Ркоша же киꙗнѣ**: (2) “(2.1) **Намъ неволѧ**: (2.2) **кнѧзь наш оубитъ**, (2.3) **а кнѧгини наша** (Т) **хощеть за вашь** (ВКР) **кнѧзь** (Р)” (6453 / 945) – в (2.3) значимо соотнесение дейктиков: *наша* княгиня станет женой *вашего* князя – данное положение дел является причиной того, что говорящий должен (*нам неволя*) следовать распоряжению древлян;

<18> **И приѣха кнѧзь печенѣскыи к рѣцѣ и возва Володимира и рⷱе ему**: “<...> (1) **Да аще твои** (ВКР) **мужь** (Р) **оударить моимъ** (Т), (2) **да не воюемьсѧ за три лѣта разидошасѧ раздно**. (3) **Аще ли нашь** (ВКР) **мужь** (Р) **оударить вашимъ** (Т), (4) **да воюемь за три лѣта**” (6501 / 993) – данный пример примечателен тем, что вне зависимости от того, как оценить коммуникативную структуру (1) и (3)[6], значимым оказывается противопоставление дейктиков *твой* и *наш*: определяющим для дальнейшего развития событий является то, *чей* муж одержит победу в поединке;

<19> **И прⷪѣха на мѣсто, идеже бѧху лежаще кости его голы и лобъ голъ, и, слѣзъ с конѧ, посмѣꙗсѧ, ркѧ**: “**Ѿ сего** (ВКР) **ли лъба** (Р) **смрть мнѣ взѧти** (Т)?” (6420 / 912) – “верифицируется” информация о том, *этот* ли череп должен стать причиной гибели;

<20> “<...> (1) **На семъ** (ВКТ) **же свѣтѣ** (Т) **аще будеⷮ кто оубогъ** (Р), (2) **то и тамо** (Р) <...>” (6494 / 986) – говорящий сопоставляет жизнь на *этом* свете и на *том*;

<21> **И рⷱе варѧгъ**: (1) “(1) **Не суⷮ то бзи, но древо** <...> (2) **А Бъ единъ есть** <...>, (3) **иже створїлъ нбо, и землю, и члвка, и звѣзды, и слнце, и луну** (4) **и далъ есть жити на земли**. (5) **А си** (ВКТ) **бзи** (Т) **что сдѣлаша** (Р)? <...>” (6491 / 983) – противопоставляются *эти* лже-боги, упомянутые ранее, и единственный истинный Бог;

<22> **Съ слезами ѿвѣщеваху другъ другу, глще**: (1) “**Азъ**[7] **бѣхъ** (Т) **сего** (ВКР) **города** (Р)”, **а другии**: (2) “**Изъ сего** (ВКР) **села** (Р)” (6601 / 1093) – важно не то, что собеседники жили в городе и селе, а то, в каких именно городе и селе они жили;

<23> **Кнѧзь печенѣжьскыи** <...> **рⷱе**: (1) “**Кто се приде**?” **И рⷱе ему**: (2) “**Людⷣе ѡноꙗ** (ВКР) **страны** (Р)” (6476 / 968) – воеводе Претичу важно сообщить печенежскому князю, что они пришли с *того* берега Днепра, т.е. не вышли из осажденного Киева, а пришли на подмогу. Данный пример (см. также <10>) объясняет, почему во всех случаях использования слово *оныи* препозитивно: в каждом из высказываний оно выделяется как ВКТ или ВКР[8].

Попутно заметим, что подсчеты показывают, что в составе местоимений-дейктиков можно выделить две группы: личные местоимения *мои*, *твои*, *нашь*, *вашь* употребляются в постпозиции намного чаще, чем не-личные *сии*, *оныи*, *тотъ* (соответственно 82% и 56%) – использование последних в качестве ВКТ или ВКР оказывается более частым.

Во всех ли случаях препозитивные определения в дейктической и анафорической функциях могут быть определены как ВКТ или ВКР? В ряде высказываний установление их статуса проблематично. Приведем несколько примеров:

<24> **Ѡльга же рⷱе имъ**: “(1) **Се оуже** (ВКТ) **сѧ есте** (Т) **покорилѣ мнѣ и моему дѣтѧти** (Р), (2) **а идете в городъ** <...>” (6454 / 946) – возможно, кн. Ольга хочет обратить внимание древлян на то, что они покорились не только ей, но и (вернее *именно*) *ее* ребенку (= будущему князю), но утверждать это с уверенностью нельзя;

<25> **Съзва Въловⷣїмерь боѧры своѧ и старци граⷣскыѧ и рⷱе имь**: «<...> (1) **И чюⷣно слышаⷮⷰ иⷯ**: “(2) **Да аще кто, дѣетⷭ** (Т), **в нашю вѣру ступиⷮ** (Р) <...>”» (6495 / 987) – возможно, в контексте пространного рассказа кн. Владимира о верах приводимые им слова греков *наша вера* можно оценить как противопоставление другим верам, о которых было сказано ранее, однако объективных оснований для этого нет;

<26> **И почаша ꙗсти первое сами, потом же и печенѣзѣ. И оудивишасѧ, рекоша**: “(1) **Не имуть** (ВКР) **сему вѣры** (Р) **наши кнѧзи** (Т), (2) **аще не**

[6] Актуальное членение высказываний вариативно; ср. с возможным (1) **Да аще твои** (ВКТ) **мужь** (Т) **оударить моимъ** (Р); (3) **Аще ли нашь** (ВКТ) **мужь** (Т) **оударить вашимъ** (Р).

[7] Чтение Лаврентьевского списка летописи.

[8] Этим же объясняется и препозиция *сакыи* в <9>.

ꙗдѧть сами (ВКР) (Р)” (6505 / 997) – вряд ли подразумевается, что недоверчивость свойственна именно *нашим* князьям (в отличие от чьих-то чужих доверчивых князей).

Тем не менее, на наш взгляд, можно предположить существование определенной тенденции, подтверждаемой большинством примеров: “перемещение” определения в дейктической и анафорической функциях в препозицию обычно связано с необходимостью акцентирования внимания собеседника на информации, которую оно несет, и, соответственно, про такое определение можно сказать, что оно коммуникативно маркировано.

* * *

Местоимения в **катафорической функции**, за исключением <32>, всегда препозитивны. Связано это с тем, что они употребляются в реме диктального вопроса, задавая который говорящий имеет целью получить информацию, на незнание которой указывает именно определение-катафора. Таким образом, эти определения во всех случаях используются как коммуникативно выделяемые компоненты:

<27> **Р҃е же Володимиръ**: (1) “**То** <u>**въ коє** (ВКР) **время**</u> (Р) **събы҆тьсѧ се** (Т)? <...>” (6494 / 986);

<28> **Ї р҃е ему Изѧславъ**: “<...> (1) **Первое бо не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша**? (2) **И паки** (Т) <u>**кую** (ВКР) **вину**</u> **створилъ есмь** (Р)? <...>” (6579 / 1071);

<29> **Р҃е же има Ѭнь**: “<...> <u>**Которому** (ВКР) **Бу҃**</u> (Р) **вѣруєта** (Т)?” (6579 / 1071).

Примечательно, что на местоположение местоимения не влияет то, что оно может использоваться в косвенном речевом акте в качестве квантора, как это происходит в <28> (“**Кую вину створилъ есмь**?” = “Никакой моей вины нет”) и в обоих случаях употребления слова *коликъ*:

<30> **И ре҃ста єи брата**: “<...> (1) **Видиши ли**, (2) <u>**колико** (ВКР) **зло**</u> **створиша русь грѣкомъ**? <...>” (6496 / 988) (“**колико зло**” = “много зла”);

<31> **Не р҃е бо ему**: “(1) <u>**Колко** (ВКР) **зло**</u> **створиста мнѣ**, (2) **и се нн҃ѣ тобѣ сѧ приключи**” (6586 / 1078) (“**колко зло**” = “много зла”).

Единственное постпозитивное использование катафорического местоимения связано с обычно употребляемым в анафорической функции словом *такыи*, которое в качестве катафорического элемента используется не как вопросительное, а как соотносительное с постпозитивным придаточным (4) слово:

<32> **Блж҃ныи кн҃зь Ѭрополкъ** <...> **молѧше Ба҃ всегда, гл҃ѧ**: “(1) **Г҃и, Бе҃ мои, І҃съ Х҃е**! (2) **Приими млт҃ву мою** (3) **ї даи же ми** <u>**смр҃ть такѹ**</u>, (4) **такоже вдалъ еси брату моему Борису и Глѣбови** <...>” (6579 / 1071).

* * *

Согласованным определениям-**кванторам** свойственно препозитивное по отношению к определяемому компоненту местоположение:

<33> **И послаша к нему, гл҃ще**: “(1) **По что идеши ѡпѧть**? (2) **Поималъ еси** <u>**вьсю дань**</u>” (6453 / 945);

<34> **Ѡни же рѣша, ꙗко**: “<...> (1) <u>**Всѧкъ бо чл҃вкъ**</u>, (2) **аще преже вкусить сладка**, (3) **послѣди же не можеть горести прияти** <...>” (6495 / 987);

<35> **Сему же ми сѧ дивлѧщю, рекоша ми**: “(1) **Се не дивно**. <...> (2) **Спаде тоуча**, (3) **и в тои тучи спаде вѣверица млада** <...> (4) **И пакы бываеть** <u>**другаꙗ тоуча**</u>, (5) **и спадаютъ оленци мали в нѣи** <...>” (6622 / 1114);

<36> **И єще живу сущю ему, наряди сн҃ы своꙗ, рекы имъ**: “<...> (1) **Вы, сн҃овѣ мои, имѣите межи собою любовь**, (2) **понеже вы есте братьꙗ** <u>**одиного ѡц҃а** и **єдинои мт҃рь**</u> <...>” (6562 / 1054);

<37> **И се рекъ имъ, р҃е имъ**: “(1) **Живете ѡсобѣ**, (2) **поставлю вы игумена**, (3) **и самъ хощю** <u>**вь ину гору**</u> **сѣсти ѡдинъ** <...>” (6559 / 1051);

<38> **И приидохъ к нему, и сѣдѧху дружина ѡколо его, и посади мѧ и рече ми**: “<...> (1) **Ѡже хощеши послати мужа своего**, (2) **и воротитсѧ Володимеръ**, (3) **то вдам ти** <u>**которыи любо городъ**</u>: (4) **любо Всеволожь**, (5) **любо Шеполь**, (6) **любо Перемиль**” (6605 / 1097);

<39> **Слышавъ же Ѭрославъ вълъхвы ты, и приде к Суждалю, изѣима волъхвы, расточи, а другиꙗ покаꙁни, рекъ сице**: “**Бъ҃** **наводитъ по грѣхомъ** <u>**на коуюжд҃о**[9] **ꙁемлю**</u> **гладомь, или моромъ, или ведромъ, или иною каꙁнью** <...>” (6532 / 1024);

<40> **И въпросиша колодникъ, гл҃ще**: “(1) **Како васъ** <u>**толка сила**</u> **и многое множество**, (2) **не могосте сѧ противити** <...>?” (6619 / 1111);

<41> **По семъ прислаша грѣци къ Володимиру философа, гл҃юще сице**: “(1) **Слышахомъ**, (2) **ꙗко приходили суть болгаре**, (3) **оучаще тѧ приняти вѣру свою**. <...> (4) **Тако же и жены ихъ творѧ**т <u>**ту же скверну**</u> **и ино же пуще** <...>” (6494 / 986).

[9] Чтение Хлебниковского и Лаврентьевского списков летописи.

Использование кванторов в постпозиции является крайне редким и может быть объяснено по-разному.

Постпозиция квантора *весь* во всех случаях связана с особенностями коммуникативной структуры высказывания:

<42> **И рч҃е Редедѧ кь Мьстиславу**: "<...> (1) **Да аще ѡдолѣешь ты**, (2) **и возмеши имѣние мое**, (3) **и жену мою**, (4) **и землю мою**. (5) **Аще ли азъ ѡдолѣю**, (6) **то возму** (Т) **твое** (ВКР) **все** (Р)" (6530 / 1022) – прямое дополнение-дейктик *твое* передает информацию коммуникативно более значимую, чем определение-квантор *все*: именно дополнение противопоставлено произнесенному ранее *имѣние мое, и жену мою, и землю мою* и может быть оценено как коммуникативно выделяемый компонент;

<43> **И не послуша сего, помышлѧꙗ**: (1) "<...> (1) **Аще кто на кого будеть**, (2) **хрестъ** (Р) **на того** (Т) (3) **и мы** (ВКР) **вси** (Р)" (6605 / 1097) – коммуникативно выделяются слова, называющие объединяемые в общем действии субъекты, – *хрестъ* и *мы*.

Местоположение квантора *единъ* (*одинъ*) позволяет различить значения, выражаемые им: препозитивное *единъ* (*одинъ*) означает "общий" (см. <36>), постпозитивное – "единственный":

<44> **Ꙗнъ же рч҃е**: "(1) **Поистинѣ лжете**: (2) **створилъ бо есть Бъ҃ чл҃вка ѿ землѧ** <...> (3) **и не вѣсть** (ВКР) (Р) **ничтоже** (Т), (4) **токмо Бъ҃ единъ** (Р) **вѣсть** (Т)" (6579 / 1071) – существенно противопоставление ничего не знающего *человека* и все знающего *Бога*;

<45> **И рч҃е Болеславъ**: "(1) **Аще вы сего оукора вы не жаль**, (2) **азъ единъ погибну**" (6526 / 1018) – противопоставляются субъекты – *вы* и *азъ*.

Исключением служит препозитивное использование *единъ* (*одинъ*) "единственный" в <46>, объясняемое особенностями коммуникативной структуры высказывания:

<46> **Исакии же рече**: "(1) **Се оуже прельстилъ мѧ еси, дьꙗволе**, (2) **сѣдѧща на единомъ мѣстѣ**, (3) **а оуже не имамъ затворитисѧ в пещерѣ** <...>" (6582 / 1074) – коммуникативно значимо указание на затвор прп. Исакия – его пребывание в *одном-единственном* месте.

В отношении постпозитивного употребления квантора *какыи* можно предположить, что выбор его местоположения связан с реализацией катафорической (препозиция; см. <47>) или кванторной (постпозиция; см. <48>) функций:

<47> **Ѡнъ же рч҃е**: "(1) **То каци суть бз҃и ваши**, (2) **кде живуть**?" (6579 / 1071)[10];

<48> **Володимеръ же и Двд҃ъ и Ѡлегъ послаша мужѣ свои къ Ст҃ополку, гл҃ще**: "<...> (1) **Аще бы ти вина какаꙗ была на нь**, (2) **ѡбличилъ бы пред нами** <...>" (6605 / 1097).

* * *

Как показал анализ материала, в ряде случаев можно говорить о **нейтрализации функций** местоимений: анафорические *сякыи* и *такыи* отсылают к текстовым антецедентам, однако в то же время *сякыи* определяет событие, имеющее отношение непосредственно к говорящему (*сякое зло* в <9>), а *такыи* – событие "внешнее" (*страсть така* в <2>) (нейтрализация дейктической и анафорической функций); выбор между дейктиками *сии* и *тотъ* всегда определяется "степенью близости" к говорящему, однако нередко он осуществляется в таких контекстуальных условиях, когда одновременно происходит отсылка к антецеденту (*си бози* в <21>, *горы ты* в <8> и *та туча* в <35>) (нейтрализация дейктической и анафорической функций). Наиболее интересны в этом отношении два примера: в <22> слово *сии* используется говорящим как *дейктик* ("*Я был из этого города*". – "*А я из этого села*"), но воспринимается читателем скорее как *квантор* ("*Я был из такого-то города*". – "*А я из такого-то села*"); в <41> слово *тотъ же* используется как квантор, устанавливающий тождество характеристик разных объектов, однако в то же время отсылает к антецеденту (*та же сквърна*) (нейтрализация кванторной и анафорической функций). Обращает на себя внимание то, что и в <22>, и в <41> местоимения используются в препозиции, что свойственно кванторам.

* * *

Проведенный анализ позволил выделить в летописных высказываниях группы местоименных прилагательных, местоположение которых по отношению к определяемому компоненту зависит от а) их функциональной нагрузки и б) коммуникативной роли в высказывании.

1. Местоимения в дейктической и анафорической функциях в большинстве случаев постпозитивны; "перемещение" их в препозицию чаще всего связано с тем, что они используются как коммуникативно выделяемые компоненты.

[10] Фрагмент отсутствует в Ипатьевском, но обнаруживается в Лаврентьевском списке летописи.

2. Местоимения в катафорической функции почти всегда препозитивны, и это связано с тем, что они, будучи “вопросительными словами”, маркирующими иллокутивную функцию диктальных вопросов, являются коммуникативно выделяемыми компонентами.

3. Слова в кванторной функции в большинстве случаев используются в препозиции. Связано это не с их коммуникативным выделением, но с тем, что, будучи показателями референциального статуса, они образуют в сочетании с определяемыми компонентами своеобразные “сложные слова”, “расшифровка” значений которых в линейном потоке речи подразумевает в качестве первого этапа этой “расшифровки” установление именно референциального статуса. Наоборот, постпозитивное использование определений-кванторов позволяет определяемым словам выйти на “первый коммуникативный план” в тех случаях, когда, например, их необходимо противопоставить компонентам предшествующих высказываний.

Таким образом, местоположение согласованного определения в равной степени может быть связано с особенностями коммуникативной структуры высказывания (местоимения в дейктической, анафорической и катафорической функциях) и его семантического строя – референциального статуса актантов и пропозитивного содержания (местоимения в кванторной функции). При этом нарушение “обычного” порядка слов в словосочетаниях с согласованными определениями связано с достижением коммуникативных целей говорящего: “перемещение” одного из компонентов (главного или зависимого) в препозицию приводит к его коммуникативному выделению.

Описанные закономерности словопорядка в рассмотренных словосочетаниях могут быть связаны, на наш взгляд, с тем, что прямая речь изображает устную речь, отражая ряд ее особенностей, в частности ее линейность: первым в фокусе внимания слушающего оказывается препозитивный компонент, что обусловливает его выделенность – семантическую и/или коммуникативную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть II. Синтаксис. М.: Университетская типография, 1858.
2. *Улитова А.С.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2016.
3. *Казаковцева О.С.* Расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках XI–XIII веков (на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петрозаводск, 2019.
4. *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов: Издание Львовского государственного университета, 1949.
5. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953.
6. *Минлос Ф.Р.* Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской диалектологии. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.
7. *Савельев В.С.* Изображение устной коммуникации в “Повести временных лет”. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2021.
8. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.
9. Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева. Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
10. *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. М.: “Языки славянских культур”, 2006.
11. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII века. СПб.: Наука, 2000.

REFERENCES

1. Buslaev, F.I. *Opyt istoricheskoj grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelej. Chast II. Sintaksis* [Experience in the Historical Grammar of the Russian Language. A Textbook for Teachers. Part II. Syntax]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1858. (In Russ.)
2. Ulitova, A.S. *Poryadok slov v atributivnyh slovosochetaniyah v pamyatnikah russkoj delovoj i knizhnoj pismennosti XVII veka. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk* [Word

Order in Attributive Phrases in Monuments of Russian Business and Book Writing of the 17th Century. The Candidate of Philological Sciences Diss]. Moscow, 2016. (In Russ.)

3. Kazakovtseva, O.S. *Raspolozhenie komponentov atributivnogo slovosochetaniya v drevnerusskih pamyatnikah XI–XIII vekov (na materiale tekstov epistolyarnogo zhanra i drevnerusskogo krasnorechiya). Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk* [The location of the Components of the Attributive Phrase in Ancient Russian Monuments of the 11th–13th Centuries (Based on the Texts of the Epistolary Genre and Old Russian Eloquence). The Candidate of Philological Sciences Diss]. Petrozavodsk, 2019. (In Russ.)

4. Borkovsky, V.I. *Sintaksis drevnerusskih gramot (prostoe predlozhenie)* [Syntax of Old Russian Letters (Simple Sentence)]. Lviv, Izdanie Lvovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1949.

5. Yakubinsky, L.P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of the Old Russian Language]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1953. (In Russ.)

6. Minlos, F.R. *Poziciya prityazhatelnogo mestoimeniya i yazykovye registry drevnerusskih tekstov* [Possessive Pronoun Position and Linguistic Registers of Old Russian Texts]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. 15. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoj i literaturnoj form yazyka v slavyanoyazychnoj srede* [Studies in Slavic Dialectology. 15. Features of the Coexistence of Dialect and Literary Forms of Language in the Slavic Environment]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012. (In Russ.)

7. Savelyev, V.S. *Izobrazhenie ustnoj kommunikacii v "Povesti vremennyh let". Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskih nauk* [The Description of Oral Communication in The Tale of Bygone Years. The Doctor of Philological Sciences Diss]. Moscow, 2021. (In Russ.)

8. *Polnoe sobranie russkih letopisej, izdannoe po Vysochajshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arkheograficheskoyu Komissieyu. Tom vtoroj. Ipatjevskaya letopis. Izdanie vtoroe* [Complete Collection of Russian Chronicles, Published by Imperial Order by the Imperial Archaeographical Commission. Volume Two. Hypation Chronicle. Second Edition]. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)

9. *Povest vremennyh let. Chast pervaya. Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part One. Text and Translation]. Moscow–Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1950. (In Russ.)

10. Bugoslavsky, S.A. *Tekstologiya Drevnej Rusi. Povest vremennyh let* [Textology of Ancient Russia. Tale of Bygone Years]. Moscow, "Yazyki slavyanskih kultur" Publ., 2006. (In Russ.)

11. *Povest vremennyh let* [The Tale of Bygone Years] *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. I. XI–XII veka* [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. I. The 11th–12th Centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 01 ноября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 ноября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on November 01, 2021
Revised on November 20, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018924-2

Мой “Анти-Бахтин” (к вопросу о научной интерпретации “фантастического рассказа” Ф.М. Достоевского “Сон смешного человека”)

© 2022 г. С. А. Кибальник

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинского Дома) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
kibalnik007@mail.ru

Резюме. В статье детально продемонстрированы многочисленные неточности М.М. Бахтина в интерпретации “фантастического рассказа” Достоевского. Преувеличение им традиции “мениппеи” и амбивалентности “Сна смешного человека” приводит к тому, что философ проходит мимо главного в нем. Понять смысл рассказа можно только с учетом художественного претворения Достоевским ряда христианских представлений. Неточно считывая автоинтертекстуальность “Сна...” по отношению ко многим другим предшествующим и последующим произведениям Достоевского, Бахтин не улавливает специфическую для писателя постановку темы. И, соответственно, не замечает в нем мотивы губительности всеобщего “равнодушия”, невозможности сохранения в современном мире “целостности” сознания и издержек его развития в человеке. Между тем, детальное прослеживание внутреннего сродства Зосимы, Алеши и даже Ивана со “смешным человеком” позволяет вычленить некоторые сквозные мотивы и узловые моменты как становления у позднего Достоевского концепции обновления мира, так и особенностей ее художественного воплощения. В работе также показано, как издержки бахтинского подхода к Достоевскому то и дело сказываются и в современном достоевсковедении – в том числе и в истолковании “Сна смешного человека”.

Ключевые слова: Достоевский, “Сон смешного человека”, автоинтертекстуальность, интерпретация, Бахтин, амбивалентность, христианский, сквозные мотивы.

Для цитирования: *Кибальник С.А.* Мой “Анти-Бахтин” (к вопросу о научной интерпретации “фантастического рассказа” Ф.М. Достоевского “Сон смешного человека”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 65–73. DOI: 10.31857/S160578800018924-2

My “Anti-Bakhtin” (on the Issue of Interpretation of Dostoyevsky’s Story “The Dream of a Ridiculous Man”)

© 2022 Serguei A. Kibalnik

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
kibalnik007@mail.ru

Abstract. The article demonstrates in detail the numerous inaccuracies allowed by Mikhail M. Bakhtin in his interpretation of Dostoevsky’s “fantastic story”. The stress on the role of the “menippea” and consequently on the ambivalence of “The Dream of a Ridiculous Man” makes him overlook the main import of the

story. The meaning of the story might be grasped only by taking into account Dostoevsky’s artistic use of a set of Christian ideas. Striving – though rather inaccurately – to account for auto-intertextuality of “The Dream” in relation to many other previous and subsequent works of Dostoevsky, Bakhtin fails to recognize the specifically Dostoevskian formulation of the theme. And, accordingly, he skips the motives of the ruinous universal “indifference” (Russ. “ravnodushiye”), the impossibility of preserving the “integrity” (Russ. “tselostnost’”) of consciousness in the modern world and all the consequent imperfections of man. Meanwhile, a detailed tracing of the inner affinity of Zosima, Alyosha and even Ivan with the “ridiculous man” makes it possible to point out some recurring motives and, accordingly, the key stages of formation of the late Dostoevsky’s concept of the renewal of the world and the techniques of its artistic embodiment. The work also shows how the shortcomings of the Bakhtinian approach to Dostoevsky occasionally surface in modern Dostoevsky studies impacting the interpretation of “The Dream of a Ridiculous Man”.

Key words: Dostoevsky, “The Dream of a Ridiculous Man”, auto-intertextuality, interpretation, Bakhtin, ambivalency, Christian, recurring motives.

For citation: Kibalnik, S.A. *Moi “Anti-Bakhtin” (k voprosu o nauchnoi interpretatsii “fantasticheskogo rasskaza” “Son smeshnogo cheloveka”)* [My “Anti-Bakhtin” (on the Issue of Interpretation of Dostoevsky’s Story “The Dream of a Ridiculous Man”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 65–73. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018924-2

1. Что не так в бахтинской концепции “полифонического романа” Достоевского?

Оригинальное истолкование творчества Достоевского М.М. Бахтиным, как известно, оказало и до сих пор оказывает серьезное влияние на российских и зарубежных исследователей на протяжении вот уже почти столетия. Между тем, с течением времени это истолкование все больше и больше оказывается несовместимым с научной интерпретацией творчества писателя.

В ранней книге “Проблемы поэтики Достоевского” (1929) истолкование творчества писателя вне религиозно-этических категорий было со стороны Бахтина, по его собственным словам, вынужденным шагом [1, с. 111][1]. Следовательно, напрасно его добровольно разделяют и развивают некоторые современные исследователи, слишком доверившиеся постмодернистским представлениям о безусловном равноправии участников бахтинского “диалога”.

Об этом убедительно писала В.Е. Ветловская. Она указывала на то, что «о “равноправии” автора и героя у Достоевского не может быть и речи» [2, с. 406]. Ведь если “основною особенностью романов Достоевского” Бахтиным объявлена “множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов” [3, с. 5], то на практике это означает то, что «уже не тот или иной герой и его слово (в обычной терминологии Бахтина – “голос”), а все герои с их словами (все “голоса”) для автора одинаково значимы и ценны...» [2, с. 407].

Стоит, впрочем, еще раз подчеркнуть, что новаторство Достоевского действительно заключалось в самодостаточности каждого из “голосов”, представленных в диалоге сознаний героев, и эту самодостаточность Бахтин показал очень хорошо. Только он не учитывал при этом в должной мере, что роман Достоевского включает в себя не только такой “диалог” героев, но и художественный сюжет, в котором их позиции проходят испытание.

Между тем, сюжет у Достоевского всегда выстроен так, что в конце концов мы ясно видим: одних героев их “голоса” ведут к преступлению и жизненному краху, а других – к “деятельной любви” и счастью. Вот почему бахтинская концепция “полифонического романа” неминуемо означает размытость авторской позиции, присущую многим постмодернистским и некоторым модернистским произведениям, но никак не творчеству Достоевского.

К сожалению, как мы увидим ниже, эта аберрация Бахтина присуща и разделу “Жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского”, который появился во втором издании его книги, вышедшем в 1963 г. Посредством детального анализа рассказа “Сон смешного человека”, который в него вошел, попытаемся разобраться с вопросом о состоятельности и плодотворности бахтинского подхода к русскому писателю.

Для решения основной задачи настоящей главы стоит отвлечься от вопроса о том, достаточно

[1] Впрочем, не все исследователи склонны соглашаться с объяснениями концепции Бахтина условиями “жестокой цензуры” (см., например: [2, с. 397]).

ли оснований для того, чтобы говорить о существовании жанра "мениппеи" (см.: [4]) и тем более о его наличии в литературе нового времени – в частности в творчестве Достоевского.

По нашему мнению, как и по мнению ряда других исследователей, значение мениппеи для "Сна...", как и для многих других произведений Достоевского, Бахтиным сильно преувеличено. По-видимому, "мениппова сатира" – в лучшем случае всего лишь архетип – да и то не единственный – множества разных жанров многовековой европейской литературы, отозвавшихся в рассказе Достоевского.

Сосредоточимся теперь на основном тезисе Бахтина: о том, что присущая мениппее амбивалентность смыслов определяет главное в "Сне смешного человека".

2. Что не так в бахтинском представлении об "амбивалентности" "смешного человека"?

Вначале обратимся к детальному анализу рассказа Бахтиным и рассмотрим, насколько серьезные основания имеет под собой каждое звено в его логической цепи.

Во-первых, философ произвольно утверждает, что в "Сне смешного человека" "доминирует" "в жанровом отношении античный тип мениппеи" [3, с. 421]. В действительности, в "Сне..." "доминирует" "в жанровом отношении" как раз не столько античный, сколько ренессансный и новоевропейский (отчасти романтический) дух – причем не мениппеи, а европейских утопий.

О значении последних в "Сне..." Бахтин также пишет. Однако почему-то только о столь далекой от него по времени создания утопии – "Другой свет, или Государства и империи Луны" (1647–1650) Сирано де Бержерака, а не, например, о "Путешествии в Икарию" (1840) Этьена Кабе, о котором упоминал сам Достоевский.

Во-вторых, связывая "Сон..." с целым рядом "мениппей", Бахтин называет, но недооценивает его соотнесенность с философской повестью Вольтера "Микромегас". Между тем, связь с ней имеет в рассказе не только жанровый, но и значимый интертекстуальный характер.

Так, относительно причин несчастья людей на Земле философы в "Микромегасе" полагают, что в них "больше материи, чем нужно для того, чтобы натворить много зла... <...> если только зло исходит от материи; и **слишком много духа, – если зло исходит от духа**" [5, с. 214]. Обратим внимание на то, что именно баланс между развитостью и целостностью сознания и представляет центральную проблему человеческого счастья в "Сне смешного человека".

В-третьих, Бахтин усматривает в рассказе Достоевского "существенные элементы диатрибы, исповеди и проповеди" [3, с. 421][2]. Между тем, в рассказе нет никакой "исповеди", а проповедовать истину герой только лишь еще собирается. Точнее было бы сказать, что утопию в "Сне смешного человека" вначале сменяет дистопия, а после этого в рассказе намечается возможность реализации новой утопии.

В-четвертых, философ полагает, что «в центральной фигуре "смешного человека" явственно прощупывается амбивалентный серьезно-смеховой образ "мудрого дурака" и "трагического шута" карнавализированной литературы» [3, с. 423]. На первый взгляд, здесь все верно, но это не совсем так: слово "карнавализированной" тут совершенно необязательно.

Никакой "карнавальности" в "Сне..." нет. Значение ее в творчестве Достоевского Бахтин вообще сильно преувеличил. И об этом уже писали – в особенности на материале романа "Бесы". Как отмечал И.П. Смирнов, «трагикомический маскарад романтического произведения перерастает у Достоевского в этом произведении в "антикарнавал"» [6, с. 103]. Ему вторит В.К. Кантор: "...в отличие от Бахтина, Достоевскому карнавал не казался освобождающей силой в России. <...> Карнавал, на взгляд писателя, ведет к тотальному уничтожению нравственных христианских законов, элиминирует личность" [7, с. 238–239].

Как известно, тип "мудрого дурака" Достоевский находил и у Сервантеса, и у Диккенса, и у Пушкина. И если о "Дон-Кихоте" еще можно спорить, то такие произведения, как "Записки Пиквикского клуба" или пушкинское стихотворение "Жил на свете рыцарь бедный" под понятие "карнавализированной литературы" никак не подходят.

В-пятых, "в абсолютном равнодушии и предощущении небытия" "смешного человека" в начале рассказа Бахтин видит "одну из многочисленных у Достоевского вариаций темы Кириллова" [3, с. 424–425]. Между тем, поскольку Кириллову "абсолютное равнодушие" в общем несвойственно, а стремление к самоубийству (а не какое-то туманное "предощущение небытия") связано у него с идеей "человекобожества", то у "смешного человека" это скорее вариация другой темы – темы

[2] Гораздо прозорливее замечание исследователя о "вариации кризисных снов, приводящих человека к перерождению и к обновлению" [3, с. 420].

равнодушия по отношению к другим, которое оказывается разрушительным по отношению к себе. Так что в действительности это вариация темы Ставрогина.

В-шестых, обнаруживая в “смешном человеке” один общий со Ставрогиным мотив – конкретно в его вопросе о том, было ли бы ему стыдно за “бесчестный поступок”, совершенный на другой планете, Бахтин опять-таки истолковывает его не совсем верно: «Всё это – знакомая нам проблематика Ипполита (“Идиот”), Кириллова (“Бесы”), могильного бесстыдства в “Бобке”. Более того, всё это – лишь разные грани одной из ведущих тем всего творчества Достоевского, темы “всё позволено” (в мире, где нет Бога и бессмертия души) и связанной с ней темы этического солипсизма» [3, с. 426].

Как мы уже видели на примере сопоставления “смешного человека” с Кирилловым, это не совсем та же проблематика. То же самое легко может быть показано посредством сопоставления “Сна...” с “Идиотом” или “Бобком”. Что касается темы “Если Бога нет, то всё позволено”, то это также отдельная и самостоятельная тема, по-настоящему развитая у Достоевского только в “Братьях Карамазовых”.

В-седьмых, мнение Бахтина о том, что «описание земного рая выдержано в духе античного “золотого века” и потому глубоко проникнуто карнавальным мироощущением», страдает односторонностью. В действительности, мотивы “всеобщей любви”, “единства с целым в общении с другими людьми” и “подобия людей в раю детям” встречаются в европейской философии и литературе – в частности в “Речах о религии к образованным людям, ее презирающим” (1899) Фр. Шлейермахера[3] и других произведениях немецкой философской мысли эпохи романтизма.

В-восьмых, Бахтин не совсем точно выделил ряд других внутренних связей рассказа с предшествующими произведениями Достоевского: «Отметим еще тему обиженной девочки, которая проходит через ряд произведений Достоевского: мы встречаем ее в “Униженных и оскорбленных” (Нелли), в сне Свидригайлова перед самоубийством, в “исповеди Ставрогина”, в “Вечном муже” (Лиза); тема страдающего ребенка – одна из ведущих тем “Братьев Карамазовых” (образы страдающих детей в главе “Бунт”, образ Илюшечки, “дитё плачет” в сне Дмитрия). Есть здесь и элементы трущобного натурализма: капитан-дебошир, просящий милостыню на Невском (а этот образ знаком нам по “Идиоту” и по “Подростку”), пьянство, картежная игра и драка в комнате рядом...» [3, с. 427].

Как обычно, перечень Бахтина неполон, а параллели его слишком общи и потому приблизительны. При этом параллели с “Униженными и оскорбленными” – а к ним стоило бы еще прибавить и параллель с незадолго до того написанным “Мальчиком у Христа на елке” (1876) – здесь очень даже кстати. Параллели же с Матрешей из “Бесов”, очевидно, к делу не идут. Тема “обиженной девочки” в “Сне...” звучит совсем по-другому.

Если “звездочка” наводит “смешного человека” на мысль, что нужно совершить самоубийство именно сегодня, то “девочка” заставляет его это самоубийство отложить: “Я как бы уже не мог умереть теперь, чего-то не разрешив предварительно. Одним словом, эта девочка спасла меня, потому что я вопросами отдалил выстрел” [8, т. 25, с. 111]. Герой отдаляет свой выстрел осознанием того, что ему на самом деле пока еще не до конца безразличны земные дела.

Не случайно приближаясь в своем сне к какой-то “другой земле”, “смешной человек” сотрясается “от неудержимой, восторженной любви к той родной прежней земле, которую” он “покинул”. И именно потому в этот момент “образ бедной девочки”, которую он “обидел, промелькнул” перед ним [8, т. 25, с. 111].

Что касается “капитана”, то на этого эпизодического героя рассказа тоже стоило бы взглянуть повнимательнее: “Рядом, в другой комнате, за перегородкой, **продолжался содом**. Он шел у них еще с третьего дня. Там жил **отставной капитан**, а у него были гости – человек шесть стрюцких, **пили водку и играли в штос старыми картами. В прошлую ночь была драка**, и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы. Хозяйка хотела жаловаться, но она **боится капитана ужасно**. <...> Этот капитан, я наверно знаю, останавливает иной раз прохожих на Невском и **просит на бедность**” [8, т. 25, с. 111]. Даже и без текстуальных сопоставлений с “Бесами” очевидно, что этот образ – своего рода “тень” капитана Лебядкина.

При этом в “Сне...” значимо “мирное сосуществование” с ним “смешного человека”: “На службу его не принимают, но, странное дело (я ведь к тому и рассказываю это), **капитан во весь**

[3] Убедительные параллели такого рода были представлены 11 ноября 2021 г. в докладе А.Б. Криницына «“Речи о религии” Ф.Д. Шлейермахера и теодицея Достоевского» на Международной научной конференции в СПбГУ “Ф.М. Достоевский: 200 лет со дня рождения”.

месяц, с тех пор как живет у нас, не возбудил во мне никакой досады. От знакомства я, конечно, уклонился с самого начала, да ему и самому скучно со мной стало с первого же разу, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы их там ни было, – **мне всегда всё равно**. Я сижу всю ночь и, **право, их не слышу, – до того о них забываю**" [8, т. 25, с. 111].

Это "мирное сосуществование" "смешного человека" с "капитаном" – в свою очередь отзвук "Бесов", а именно того, как Ставрогин довольно долго вполне уживался с капитаном Лебядкиным.

Тем самым оно обретает характер не простой снисходительности, а преступного потворства, открывающего далеко не безвредный характер универсального безразличия героя.

В-девятых, Бахтин утверждал, что «вообще в "Сне смешного человека" господствует не христианский, а античный дух» [3, с. 421]. С этим вполне соглашался В.А. Туниманов: "В описании счастливой планеты отсутствуют религиозно-христианская окраска, доминируют языческие мотивы – и в этом коренное отличие интерпретации Золотого века у Достоевского от религиозно-мистической, по преимуществу, у немецких романтиков (Новалис, Тик, Вакенродер)" [9, с. 57].

В действительности, это не совсем так, а, может быть, и совсем не так. "Христианская окраска" "в описании счастливой планеты" отнюдь не отсутствует. Хотя звучит она приглушенно, но значение ее, по крайней мере, не меньшее, а скорее даже большее.

3. Топос обновления мира в "Сне смешного человека"

Христианское понятие "грехопадения" заявлено с самого начала прибытия "смешного человека" на другую планету, так похожую и не похожую на Землю: "Это была **земля, не оскверненная грехопадением**, на ней жили люди не согрешившие, жили **в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители**, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем" [8, т. 25, с. 112][4].

В дальнейшем это "грехопадение" все же происходит, но смысл его у Достоевского переосмыслен. В "Сне..." "грехопадение" происходит не от ветхозаветного "искушения". Виновником его оказывается не дьявол, не Адам и Ева, а сам "смешной человек": "...кончилось тем, что **я развратил их всех**!"[5].

При этом он сам до конца не понимает, как это произошло: "Как это могло совершиться – не знаю, не помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиною грехопадения был я" [8, т. 25, с. 116].

Более того, сами обитатели "счастливой" планеты не только не обвиняют в своем "грехопадении" "смешного человека", но и вовсе не стремятся вернуться в прежнее состояние: "И однако, если б только могло так случиться, чтоб они возвратились в то невинное и счастливое состояние, которое они утратили, и если б кто вдруг им показал его вновь и спросил их, хотят ли они возвратиться к нему? – то они наверно бы отказались" [8, т. 25, с. 116].

Между прочим, на смену "беспрерывного единения с Целым, вселенной" после грехопадения к ним приходит представление о Боге: «Они отвечали мне: "Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот **милосердый Судья**, **который будет судить нас и имени которого мы не знаем**"» [8, т. 25, с. 116]. Так что в рассказе упоминаются христианские категории как в переосмысленном, так и в традиционном их виде.

В финале рассказа "смешной человек" будет видеть все зло в следующем представлении: «"**Сознание жизни выше жизни**, знание законов счастья – выше счастья" – **вот с чем бороться надо**!» [8, т. 25, с. 119]. Следовательно, изображенное в рассказе "грехопадение" заключается именно в таком доминировании сознания – и соответственно, рассудочного познания (ср.: [10, с. 279]) – над непосредственным ощущением жизни, в результате которого "непосредственный человек", если говорить об этом в понятиях "Записок из подполья", уступает на "счастливой планете" место "человеку сознающему".

Своей склонностью к самобичеванию несколько напоминает "смешного человека" рано умерший брат старца Зосимы Маркел: "Да, говорит, была такая божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один **я** жил в позоре, **один всех обесчестил**..." [8, т. 14, с. 263].

[4] «Райское неведение, – замечал по этому поводу Лев Шестов, – отнюдь не беднее, чем ведение падшего человека. Оно качественно иное и бесконечно богаче и содержательнее всех наших знаний: кой-кто (например, Достоевский в "Сне смешного человека") умел эту тайну подглядеть и даже рассказать о ней» [9, с. 430].

[5] Вряд ли Достоевский мог углубляться в эту тему в подцензурном издании. Иначе это могли бы счесть за ересь и кощунство.

Отчасти предвещает “смешной человек” и Ивана Карамазова с его “равнодушием” к окружающим, которое присуще ему, как и герою “Сна...” вначале, и ненамеренным “развращением” носителя непосредственного сознания – своего незаконнорожденного брата Смердякова.

Все эти параллели с непреложностью показывают, что “смешному человеку” вовсе не присуща безграничная амбивалентность героя “карнавализированной литературы”. “Фантастический рассказ” Достоевского, как и “Братья Карамазовы”, являет нам трагическую диалектику представителя развитого сознания, от равнодушия к другим теряющего ощущение ценности человеческой жизни, а затем еще и непроизвольно заражающего отсутствием непосредственного восприятия жизни “счастливых людей” “новой земли”.

Рассказ Достоевского – философская притча, в которой перед нами развернут ряд христианских понятий – как в переосмысленном, так и в традиционном виде, а не подлежащая какому угодно истолкованию комическая и одновременно серьезная карнавализированная “мениппея”.

4. В чем заключается действительная амбивалентность “смешного человека”?

«В образе “смешного человека”, – утверждал Бахтин, – амбивалентность в соответствии с духом мениппеи обнажена и подчеркнута” [3, с. 423]. Между тем, если эта “амбивалентность” и присуща герою, то носит отнюдь не беспредельный и карнавальный характер, а связана только с некоторой двойственностью его идеала.

Отвергая пагубы чрезмерно развитого сознания, он одновременно сохраняет свою приверженность к любви, смешанной с мучениями и страданием. С этой приверженностью он покидает землю: “И если это там земля, то неужели она такая же земля, как и наша... совершенно такая же, несчастная, бедная, но дорогая и вечно любимая и **такую же мучительную любовь рождающая к себе в самых неблагодарных даже детях своих, как и наша**?.. – вскрикивал я, сотрясаясь от **неудержимой, восторженной любви к той родной прежней земле**, которую я покинул”.

Она рождает в “смешном человеке” раскаяние в совершенном самоубийстве и ощущение того, что “никогда, никогда не переставал” он “любить ту землю, и даже в ту ночь, расставаясь с ней”, он, “может быть, любил ее мучительнее, чем когда-либо”: “Есть ли мучение на этой новой земле? **На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви. Я хочу мучения, чтоб любить**. Я хочу, я жажду в сию минуту целовать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю[6], которую я оставил, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!..”.

Однако эта противоречивость позиции “смешного человека” обозначена совершенно отчетливо, а вовсе не связана с якобы данной нам возможностью того или иного ее истолкования.

В рассказе воплощено, с одной стороны, присущее Достоевскому на протяжении всего его творческого пути преклонение перед человеком цельного сознания, а с другой – свойственное ему же ощущение неполноты счастья любви к другим, пока оно не прошло через испытания.

Всем строем своего рассказа Достоевский утверждает важность умения “жизнь полюбить больше, чем смысл ее” [8, т. 14, с. 210], как эту мысль будет впоследствии формулировать Иван Карамазов. К тому же он показывает, как даже душа носителя развитого сознания перерождается под воздействием “любви” “детей Солнца”, которая “изливается” на него [8, т. 25, с. 112–113].

Тем самым рассказ знаменует важный шаг писателя на пути переосмысления разделяемой им в прошлом “почвеннической” идеологии.

5. Рассказ Достоевского под пером последователей Бахтина

К сожалению, издержки бахтинского подхода к Достоевскому то и дело сказываются и в современном достоевсковедении – в том числе и в истолковании “Сна смешного человека”.

Например, К.А. Степанян, с одной стороны, проводит тонкие параллели между рассказом Достоевского и “Братьями Карамазовыми”, важные для понимания обоих произведений. Так, рассуждение черта из “Братьев Карамазовых”: “Страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие: всё обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, да скучновато” [8, т. 15; с. 77] – по наблюдению исследователя, может послужить ключом к пониманию того, почему жизнь на счастливой планете в конце концов перестает удовлетворять людей: «Не напоминает ли жизнь людей на “планете Солнца”, увиденная “смешным” по прибытии туда, “один

[6] Именно это произойдет с Алешей Карамазовым после смерти старца Зосимы: “...и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее, плача, рыдая и обливая своими слезами...” [8, т. 14, с. 323].

сплошной молебен"? Да, "дети Солнца" были счастливы и скуки не испытывали, но счастье это, не включающее в себя знания о страдании, было *чревато* скукой» [12, с. 65].

Только дело здесь не столько в скуке, сколько в неполноте счастья любви к другим, пока оно не прошло через страдания. Об этом хорошо писал в связи с рассказом Достоевского Н.А. Бердяев: "Человек должен до конца принять страдальческий путь свободы. И Достоевский раскрывает уже последние результаты этого пути. Мирообожествление и человекообожествление ведет к гибели и небытию. И неизбежен переход на путь богочеловеческий" [13, с. 103].

С другой стороны, К.А. Степанян напоминает о том, что «...после своего сна, даровавшего ему Истину, "смешной человек" думает так же, как "зараженные трихинами" люди из апокалиптического сна Раскольникова на каторге: "Они (окружающие его люди. – *К.С.*) не знают Истины. Ох, как тяжело одному знать Истину" – сравним: "Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других..."» [13, с. 70]. При этом исследователь задается вопросом: «В чем различие Истины "смешного" и истин "зараженных"? В том, что их истины – для каждого своя, а его – единая, спасительная для всех, лежащая в основе мироздания Истина? Но откуда тогда у "смешного" такая уверенность в своей исключительности? Знающим Истину подобное несвойственно» [13, с. 70].

Однако ощущение каждым из "зараженных" того, что "в нем одном и заключается истина", в действительности означает упоение его собственным эгоизмом и в "Сне..." сопоставимо в первую очередь не с убежденностью "смешного" в том, что он один знает истину.

Сопоставимое со сном Раскольникова место рассказа находится в аналогичной картине "борьбы за разъединение, за обособление, **за личность, за мое и твое**": "Стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, **не переставая любить себя больше всех**, в то же время не мешать никому другому..." [8, т. 25, с. 117].

В обоих случаях здесь звучит та или иная вариация штирнеровского мотива обожествления "себя".

Смешивая на основе внешнего совпадения слова совершенно разных героев Достоевского, К.А. Степанян присоединяется к тем немногочисленным исследователям, которые склонны не доверять декларациям героя об увиденном им во сне "откровении" и не соглашаться с тем, что его убежденное проповедничество в финале рассказа легитимировано его автором как такое, которое ведется с позиций действительно обретенной истины. Между тем, контекст "Дневника писателя за 1877 год" позволяет без труда ощутить в ней голос самого Достоевского.

«После своего сна, – обосновывает далее свою точку зрения К.А. Степанян, – "смешной" утверждает: "Не могу и не хочу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей". А в июльско-августовском выпуске "Дневника писателя" за тот же 1877 г. читаем: "Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем полагают лекаря-социалисты, что **ни в каком устройстве общества** не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой". И опять могут возразить: эти слова Достоевского относятся к послегрехопадному человечеству, а "смешной" видел другое. Но почему тогда не "дети Солнца" сделали "смешного" подобным себе, а он развратил их всех? Потому что это *его* сон? Или потому, что "зло таится в человечестве глубже"?..» [12, с. 75–76].

Однако ведь приведенные исследователем слова Достоевского сказаны им в полемике с социалистами[7]. Смысл их в том, что только переустройством общества зла избегнуть невозможно, потому что "ненормальность и грех исходят" из самой человеческой души.

Всё же это не значит, что избегнуть зла, по Достоевскому, невозможно. Просто для этого нужно переустройство не только общества, но и человека, и потому в мгновение ока такого не достичь.

Вот какую мысль проводит Достоевский всем строем своих поздних произведений, как бы иллюстрируя ими положения своего "русского социализма" (см.: [8, т. 27, с. 19]) – своеобразной разновидности "социального христианства". Что же до большинства "парадоксов" "Сна смешного человека", увиденных исследователем[8], то на поверку они оказываются не более чем миражами.

[7] Точно так же, как и параллель, приведенная К.А. Степаняном к "Сну смешного человека" из подготовительных материалов к "Бесам", где говорится о том, что если захотеть все устроить "вдруг", то выйдет "дело бесовское" [12, с. 195].

[8] Вот один из самых показательных мнимых парадоксов рассказа, который с непреложностью удостоверяет превратность его интерпретации исследователем: «гибель человечества привела к спасению одного человека – "смешного"» [12, с. 78].

Складывается впечатление, что, будучи не в силах преодолеть постбахтинскую традицию преувеличения амбивалентной природы русской классики XIX века, значительная часть современной литературоведческой мысли нередко блуждает в поисках мнимых сложностей[9].

При этом, как правило, недооценивается связь созданных тем же Достоевским творений с его личностью и пройденным писателем долгим путем.

6. Чего не увидел Бахтин в “Сне смешного человека”?

Свой анализ “Сна смешного человека” Бахтин заключает такими словами: “Нас прежде всего интересовало, как проявляется в этих произведениях жанровая сущность мениппеи. Но в то же время мы старались показать, как традиционные черты жанра органически сочетаются с индивидуальной неповторимостью и глубиной их использования у Достоевского” [3, с. 428].

Как мы видели, если первую из этих задач Бахтин, может быть, и решает, то второй, по существу, даже не касается. Рассматривая только античный колорит в изображении “счастливых людей”, он совершенно проходит мимо как традиционных, так и переосмысленных христианских категорий, имеющихся в тексте рассказа.

Неточно считывая автоинтертекстуальность “Сна...” по отношению ко многим другим предшествующим и последующим произведениям Достоевского, Бахтин не улавливает специфическую для писателя постановку темы. И, соответственно, не замечает в нем мотивы губительности универсального “равнодушия”, невозможности сохранения в современном мире “целостности” сознания и издержек его развития в человеке. А значит, проходит мимо самого существенного в рассказе.

Между тем, детальное прослеживание внутреннего сродства Зосимы, Алеши и даже Ивана со “смешным человеком” (см. об этом подробнее: [15]) позволяет вычленить некоторые сквозные мотивы и узловые моменты как становления у позднего Достоевского концепции обновления мира, так и особенностей ее художественного воплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
2. *Ветловская В.Е.* Роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”. СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство “Э”, 2017. 638 с.
4. *Гаспаров М.Л.* История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина (Доклад на международной научной конференции “Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения”, 10–11 ноября 2004, Москва, МГУ) // Вестник гуманитарной науки. 2004. № 6 (78).
5. *Вольтер.* Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1947. 644 с.
6. *Смирнов И.П.* “Горе от ума” и “Бесы” // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977. С. 99–108.
7. *Кантор В.К.* Изображая, понимать, или Sententia sensa: философия в литературном тексте. М.; СПб.: Росспэн, 2018. 832 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
9. *Туниманов В.А.* Сатира и утопия (“Бобок”, “Сон смешного человека” Ф.М. Достоевского) // Туниманов В.А. Лабиринт сцеплений: избранные статьи. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 39–60.
10. *Шестов Л.* Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб.: РХГА, 1994. С. 505–537.
11. *Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996. 447 с.
12. *Степанян К.А.* Загадки “смешного человека” // Достоевский и мировая культура. Альманах № 32. СПб.: Серебряный век, 2014. С. 63–83.
13. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: ИЧП “Лига”, 1994. Т. 2.
14. *Кибальник С.А.* Основные тенденции современного изучения творчества Ф.М. Достоевского // Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры / Отв. ред. С.А. Кибальник. СПб.: ИД “Петрополис”, 2021. С. 25–34.
15. *Кибальник С.А.* “Братья Карамазовы” и “Сон смешного человека” (к вопросу об автоинтертекстуальности у позднего Достоевского) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 62–70.

[9] О других явлениях подобного рода в современном достоевсковедении см.: [14, с. 25–34].

REFERENCES

1. Bocharov, S.G. *Ob odnom razgovore i vokrug nego* [On One Talk and Something Else]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 1993, No. 2, pp. 70–89. (In Russ.)

2. Vetlovskaya, V.E. *Roman F.M. Dostoevskogo "Bratya Karamazovy"* [Dostoevsky's Novel "Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)

3. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [The Issues of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, 2017, pp. 220–612. (In Russ.)

4. Gasparov, M.L. *Istoriya literatury kak tvorchestvo i issledovanie: sluchai Bakhtina* [History of Literature as Creating: Bakhtin's Case]. *Vestnik gumanitarnoi nauki* [Humanities Bulletin]. 2004, No. 6 (78). (In Russ.)

5. Voltaire. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, GIHL Publ., 1947. 644 p. (In Russ.)

6. Smirnov, I.P. *"Gore ot uma" i "Besy"* ["Woe from wit" and "The Posessed"]. *A.S. Griboedov. Tvorchestvo. Biogragiya. Traditsii* [A.S. Griboyedov. Creation. Biography. Traditions]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 99–108. (In Russ.)

7. Kantor, V.K. *Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom tekste* [Depicting, understand, or Sententia Sensa: Philosophy in a Literary Text]. Moscow; St. Petersburg, 2018. 832 p. (In Russ.)

8. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

9. Tunimanov, V.A. *Satira i utopiya ("Bobok", "Son smeshnogo cheloveka")* [Satire and Utopia ("Bobok" and "The Dream of a Ridiculous Man")]. Tunimanov, V.A. *Labirint skrepleniy. Izbrannyie. statyi* [Clutch Labyrinth. Featured Articles]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2013, pp. 39–60. (In Russ.)

10. Shestov, L. *Nikolay Berdyaev. Gnozis i ekzistentsialnaya filofofiya* [Nikolai Berdyaev. Gnosis and Existential Philosophy]. *N.A. Berdyaev: pro et contra. Antologiya. Kn. 1* [N.A. Berdyaev: pro et contra. Anthology. Book 1]. St. Petersburg, 1994, pp. 505–537. (In Russ.)

11. Laut, R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskom izlozhenii* [Dostoevsky's Philosophy in a Systematic Presentation]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 447 p. (In Russ.)

12. Stepanian, K.A. *Zagadki "smeshnogo cheloveka"* [The Mysteries of "Ridiculous Man"]. *Dostoyevsky i mirovaya kultura* [Dostoevsky and the World Culture]. 2014, No. 32, pp. 63–83. (In Russ.)

13. Berdyaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kultury I iskusstva* [Philosophy of Creativity, Culture and Art]. Moscow, 1994. Vol. 2. (In Russ.)

14. Kibalnik, S.A. *Osnovnye tendentsii sovremennogo izucheniya F.M. Dostoesvkogo* [The Main Trends in the Modern Study of F.M. Dostoevsky's Creativity]. *Dostoevskiy v mediyniom prostranstve sovremennoi russkoi kultury* [Dostoevsky in the Media Space of Modern Russian Culture]. Ed by S.A. Kibalnik. St. Petersburg, "Petropolis" Publ., 2021, pp. 25–34. (In Russ.)

15. Kibalnik, S.A. *"Bratya Karamazovy" i "Son smeshnogo cheloveka" (k voprosu ob avtointertekstualnosti u pozdnego Dostoyevskogo)* ["Brothers Karamazov" and "The Dream of a Ridiculous Man" (on the Issue of Auto-Intertextuality of the Late Dostoevsky)]. *Izvestia Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i yâzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 1, pp. 62–70. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 марта 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 19 сентября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on March 25, 2021
Revised on September 19, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018923-1

“Фелица” Г. Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II

© 2022 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
младший научный сотрудник филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
ivinskij@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу литературных контекстов оды Г.Р. Державина “Фелица”. Этот текст, с нашей точки зрения, в ключевых идеологических моментах демонстрирует свою зависимость от романа Ж.-Ф. Мармонтеля “Велизарий”. Произведение французского просветителя, как известно, было переведено на русский язык Екатериной II и группой сановников. Державин, как и автор “Велизария”, построил свой текст на антитезе: он противопоставил “пороки” аристократов идеализированному образу монарха. Таким образом, “Фелица” оказывается в одном ряду с текстами, написанными или инспирированными императрицей и посвященными природе власти, а также принципам взаимодействия монарха с подданными, – с “Наказом”, “Велизером”, “Всякой всячиной” и особенно “Собеседником любителей российского слова”. Именно в последнем, который открывался “Фелицей”, были сформулированы новые идеологемы правления, а также сконструирована репутация Державина-поэта.

Ключевые слова: Екатерина II, Г.Р. Державин, “Фелица”, Ж.-Ф. Мармонтель, “Велизарий”, “Собеседник любителей российского слова”.

Для цитирования: *Ивинский А.Д.* “Фелица” Г.Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S160578800018923-1

Gavriil Derzhavin’s “Felitsa”, J. F. Marmontel’s “Belisarius” and the Strategy of Literary Success in the Court of Catherine the Great

© 2022 Alexander D. Ivinsky

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
Junior Researcher at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russia
ivinskij@gmail.com

Abstract. The article offers an analysis of literary contexts of G.R. Derzhavin's ode “Felitsa”, suggesting to recognize Marmontel’s “Bélisaire” (“Belisarius”) as a source for key ideological concerns. The work of a French encyclopédist was translated into Russian by Catherine II and a group of noblemen. Derzhavin, much like the author of “Belisarius”, built his text around the antithesis: he opposed the “vices” of aristocrats to the idealized image of the monarch. Thus, “Felitsa” belongs in the same category of texts as “Nakaz” (“Order”), “Velizer” (“Belisarius”), “Vsyakaya vsyachina” (“All sorts of things”), and especially “Sobesednik liubitelei

rossiiskogo slova" ("Companion for the Lovers of Russian Letters"), which were authored or inspired by the Russian Empress and were addressing the nature of power and the way of things between the monarch and his/her subjects. The latter, the "Companion", not only opened with "Felitsa", but also offered new ideologemes of power and became instrumental in creating Derzhavin's reputation as a poet.

Key words: Catherine II, Gavriil Derzhavin, "Felitsa", J.F. Marmontel, "Belisarius".

For citation: Ivinsky, A.D. *"Felitsa" G.R. Derzhavina, "Velizarij" J.-F. Marmontelya i tehnologiya literaturnogo uspeha pri dvore Ekateriny II* [Gavriil Derzhavin's "Felitsa", J.-F. Marmontel's "Belisarius" and the Strategy of Literary Success in the Court of Catherine the Great]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 74–81. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018923-1

"Фелица" многократно привлекала внимание исследователей. Казалось бы, основные историко-литературные контексты оды давно известны. Однако, как нам представляется, один из ключевых текстов эпохи, к которому отсылал Г.Р. Державин своих читателей, до сих пор не изучен, – "Велизарий" Ж.-Ф. Мармонтеля (см.: [1]; [2]). Сопоставление данных произведений позволяет установить неслучайный и глубокий характер связей державинского творчества с культурным проектом Екатерины II и, возможно, ответить на вопрос, почему именно "Фелица" стала одним из главных манифестов литературой политики императрицы 1780-х годов.

Зависимость "Фелицы" от ее творчества общеизвестна и самоочевидна: Державин использовал образы и мотивы "Сказки о царевиче Хлоре" ([3]; об этом см., например, [4, с. 196–198]). При этом исследователи уже указывали на идеологическую близость "Сказки" с произведениями Мармонтеля, в частности с его "Нравоучительными сказками" и "Велизарием" [5, с. 309–310].

Екатерина II видела в "Велизере" один из важнейших текстов эпохи: в нем она последовательно проводила идею безальтернативности самодержавия в России и подчеркивала мысль о фундаментальной роли монарха в политической и культурной жизни державы. В этом отношении "Велизер" встраивается в один идеологический ряд с другими проектами императрицы – с "Наказом", "Всякой всячиной", "Антидотом", "Собеседником любителей российского слова" (и особенно с "Записками касательно российской истории", печатавшимися в нем) [6, с. 12–14].

Как известно, перевод романа Мармонтеля был коллективным проектом: «Перевод "Велизария" сделан был в мае 1767, во время путешествия императрицы по Волге. Мысль, без сомнения, принадлежала ей; в исполнении участвовали многие из приближенных, сопровождавших ее в путешествии» [7, с. VIII]. В издании, помимо самой Екатерины II, участвовали И.П. Елагин, И.Г. Чернышев, В.Г. Орлов, С.М. Козмин, Д.В. Волков, А.В. Нарышкин, А.И. Бибиков, Г.В. Козицкий и С.Б. Мещерский. Императрица перевела девятую главу данного сочинения (из относительно недавних работ, посвященных этому тексту, см., напр.: [8, с. 24–29]). Эта коллективность творчества оказывается одним из универсальных приемов, который позволял конструировать культурное пространство двора, и одним из ключевых факторов, который позволяет приблизиться к реконструкции культурной программы Екатерины II, а вместе с тем идеологии государства[1], и к пониманию специфики таких проектов, как "Всякая всячина" и "Собеседник любителей российского слова".

"Фелица" во всех ключевых идеологических моментах связана с "Велизарием". Роман Мармонтеля, как и позднее ода Державина, был построен на антитезе: образ истинного монарха был противопоставлен несовершенствам аристократов; более того, недостатки и пороки двора должны были подчеркивать – по принципу контраста – каким самодержец не должен быть. Идеи Велизария, по словам Юстиниана в романе, должны были быть "училищем всех Государей" [2, с. 82]. Слепой полководец учил Тиверия, будущего императора, если использовать строки Державина, "как укрощать страстей волненье и счастливым на свете быть". Мармонтель подробно описывал опасности придворной жизни, "прелести и обманы двора" [2, с. 52], обличал льстецов и гордецов, показывал, к чему могла привести тяга к роскоши, лицемерие и глупость[2]. При этом выдвигалась идея человечности, гуманности власти: "...должно предполагать в себе, что Государь твой подвержен

[1] См. ряд ценных замечаний А. Вачевой об идее принципиального единства монарха и элиты: [9, с. 434–435].

[2] Ср. также: "Ты не знаешь, ответствовал Велиазар, сосед мой, до какой при дворе тонкости доведено искусство другим вредить, и сколько ухищрение неутомленно, делательно и проворно и способно вкрадываться" [2, с. 129]. Как кажется, Велизер – один из очевидных контекстов образа Стародума: Фонвизин явно ориентировался на образ умудренного горьким опытом придворной жизни "старца", который пытался внушить молодому поколению (здесь напрашивается параллель София – Тиверий) истинные монархические принципы.

ошибке, человек бо есть” [2, с. 78]. К этой мысли автор счел необходимым вернуться и снова подчеркнуть ее важность: “Но где сие награждение, вопрошал молодой человек? Оно, отвечал престарелый, оно в непорочном и внутреннем чувствовании милосердия, в утехе видеть себя человеколюбива, чувствительна, благодушна, напоследок достойна любви людской и взора Предвечного” [2, с. 99–100]. Отметим тему милосердия – одну из ключевых в оде Державина:

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –
Но Богу правосудну боле,
Живущему в законах их [10, с. 101].

Текст Мармонтеля был важен для Державина и в другом отношении: французский роман закреплял в сознании читательской аудитории идею допустимости политического диалога “философа”, “мудреца” с монархом. Русский перевод, к тому же сделанный императрицей и ее ближайшими сановниками, до некоторой степени легитимировал эту игру, которая в прошлые эпохи была бы в России невозможной. Таким образом, она вписывалась в большой идеологический сюжет нового просвещенного правления Екатерины II.

Велизарий, знаменитый полководец, в начале романа представал не в своем подлинном обличии, а в виде нищего слепого старика, претензии которого на поучения выглядели странно, если не смешно. Так, в первой главе это несоответствие подчеркивалось прямо: «Старик, сидящий у огня, разговору их внемлет и с сожалением улыбается. Один из них, сие приметя, говорит ему: “Старичок, мне кажется, что тебе смешно то, что мы говорим теперь?”» [2, с. 3]. Но и наследник трона здесь играл роль простого охотника: “Юный Тиверий, ставший потом добродетельным императором, был тогда в числе сих охотников” [2, с. 4]. Таким образом, исходная коммуникативная ситуация в романе строилась на ироничном обыгрывании социальных статусов: оба героя должны были оказаться в *чужом* общественном пространстве, чтобы диалог мог состояться. Подобную игру находим и в оде Державина: поэт не мог бы столь свободно писать к российской императрице, но Мурза чувствовал себя вправе адресовать свой текст к Царевне киргиз-кайсацкой орды. Правда, Державин, используя конструктивный принцип “Велизера”, переосмыслил его: если у Мармонтеля философ открывает императору тайны правления, то русский поэт, напротив, жаждет узнать истину, которой императрица *уже* владеет, а сатира оказывается инструментом утверждения монархической идеологии.

Во второй строфе оды автор “Фелицы” просил дать “наставленье”, “как пышно и правдиво жить” [10, с. 98]. “Пышность” жизни – одна из важнейших категорий, которые обсуждаются в “Велизере”. Так, в седьмой главе романа читаем: “Зависть, пышность, надменность – все сие низко и подло есть” [2, с. 78]. Как видим, “пышность” оказывается в ряду отрицательных характеристик. Более того, ей – среди прочих “пороков” – Мармонтель противопоставил честное и последовательное исполнение своих “должностей”: “Знаешь ли, кто для меня бодрее всех духом? Тот, кто непоколебимо прилепит исполнять должность свою” [2, с. 80]. Подобную мысль находим в десятой главе: “Самое приятное для Государя верховной власти употребление есть то, что может по своему благоволению жаловать милости и отличности. Побуждающая к тому склонность тем паче притягательна, что уподобляется добродеянию, и самый лучший Государь обманется, если не остережется от прелести. Он видит только окружающих его, а все, окружающее его, повторяет ему непрестанно, что великость его состоит в его Дворе, а сияние величества его происходит от обитающей в оном *пышности*, и что тогда токмо пользуется он своими правами, и лучшим из своих преимуществ, когда расточает милости, называемыми его благодеяниями...” [2, с. 117; курсив мой. – *А.И.*]. Описанный Велизарием подход не позволял решать задачи, которые стояли и перед монархом, и перед его подданными. Служение империи важнее личного честолюбия и богатства. В восьмой главе находим развитие этой мысли: “Честолюбие обыкновенного человека не видит более в вышнем чине, как *бездельные наслаждения* <курсив мой. – *А.И.*>, коими бы утешаться ему, и для них завидует огромному зданию, двору, угождениям и тому великолепию, которое для того власти присоединить за должность почли, дабы тем больше почитали ее” [2, с. 90]. Большая часть текста “Фелицы” представляет собой описание подобных “бездельных наслаждений” героя и всего света. При этом важно, что идея “пышности” исходит именно от Мурзы – по-видимому, это характеристика (разумеется, это надо воспринимать как игру) того, как он представлял себе придворную жизнь – как цепочку “наслаждений”. Однако образ императрицы в оде совсем другой: она максимально далека от легкомыслия и праздности, напротив, ее жизнь стремится к простоте и “пользе”:

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой
<...>
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток [10, с. 98].

Через оба произведения проходит идея "закона". В "Фелице", помимо уже приведенного фрагмента о законах царей, в которых живет божественное правосудие, отметим еще:

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. –
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?
У трона разве твоего! [10, с. 103–104].

В девятой главе "Велизария", переведенной самой императрицей, содержится рассуждение о власти и законах, имевшее для нее принципиальное значение: "Но когда власть сходствует с законами, то одним законам она и повинуется. Она основана на воле и силе целого народа. Она тогда неприятелей иных не имеет, кроме злых людей, врагов общих. Всякой, кто участие берет в сохранении порядка и спокойства общества, есть оберегать рожденный от власти, их покровительствующей; и каждый гражданин во враге государевом видит своего собственного. И тогда нет уже более внутренних двух видов, спорящих друг против друга, и Государь в соединении с своим народом богат и силен всеми богатствами и силами своего государства. Тогда-то он свободен и тогда может правосуден быть, не имея причины бояться своих соперников, ниже уважать каких сообщников. Его власть, внутри утвержденная, будет тем повелительнее и почтеннее извне; и как ни гордость, ни славолюбие, ниже своенравие, никогда рук его к принятию оружия не простирают, то силы его, кои он бережет, имеют всю свою бодрость, когда защищают его народ против домашнего разорителя или чужого похитителя" [2, с. 106–107]. Легко понять, почему Екатерина II решила переводить именно эту главу: в приведенном выше отрывке сконцентрированы ключевые идеологемы ее правления, а вопрос о "законе" естественным образом выдвинулся на первый план, правильно выстроенная юридическая система, по мысли императрицы, позволяла снять острейшую проблему внутренней элитной борьбы за власть. Опора на законы позволяла монарху не "бояться" своих "соперников" и "ниже уважать" своих "сообщников", иначе говоря, следование "законам" – единственный способ обретения подлинной независимости. Кроме того, здесь же заявлена идея единения государя с народом – во многом в "обход" аристократии. Таким образом, Державин в "Фелице", противопоставив – пусть в сколь угодно игровой перспективе – Екатерину II ее окружению, демонстрировал заинтересованному читателю, что он в курсе важнейших идеологических трендов своего времени.

Одновременно Державин стремился максимально заострить тему, утверждая, что только "у трона" различим свет добродетели, тогда как остальной мир погружен в мир беззакония. Не менее важно, что "Фелица" оказалась включена в сложную придворную игру, наподобие той, что была разыграна с "Велизером": ода как будто отделялась от Державина и превращалась до некоторой степени в коллективное сочинение (его "анонимность" пришлась как нельзя кстати). Так что дело здесь не только и не столько в том, что эта ода "...разом ставила Державина очень высоко, как бы вводила его в круг людей, с которыми императрица шутит" [11, с. 104], сколько в том, что сама Екатерина превращалась до некоторой степени в соавтора этого произведения, когда в экземплярах, предназначенных для вельмож, в которых метил Державина, отмечала соответствующие места – в этот момент создавалось новое произведение: странная, ни на что не похожая ода превращалась в текст, одобренный императрицей, осененный ее рукой, наполненный новыми смыслами[3]. На подобный резонанс начинающий поэт претендовать, конечно, не мог.

[3] Я.К. Грот писал: «Что "Фелица" была принята Екатериною милостиво, ясно из пожалованной Державину награды; но насчет того, как высказалась об этой оде императрица при дворе, есть у самого Державина два не совсем согласных между собою известия. В одном он говорит, что она разослала оттиски тем приближенным, на которых в оде были намеки, и притом подчеркнула относившиеся к каждому стихи. В другом месте сказано, что хотя императрице очень понравилась ода, но она скрывала это от придворных и подавала вид, будто не принимает на свой счет похвал поэта, дабы и вельможи не относили к себе смелой, хотя и тонкой его критики. Чтобы согласовать эти два известия, надо предположить, что, может быть, государыня кому-нибудь и послала "Фелицу" со своими отметками, но что вообще она держала себя так, как объяснено во втором известии. Поэтому-то, как думает Державин, и подарок был ему пожалован под рукою. Затем ему позволено было лично принести благодарность императрице, которая, со своей стороны, любопытствовала увидеть своего певца. Он сам описал нам это представление: оно происходило в Зимнем дворце, при многих других лицах; Екатерина встретила его с важным видом; остановясь поодаль от него, несколько раз окинула его быстрым взором и потом дала ему поцеловать руку. Под впечатлением этого милостивого приема Державин задумал было особое стихотворение, но оно осталось неоконченным, или, вернее, приняло после другой вид в оде "Видение мурзы", о которой поговорим в своем месте» [4, с. 200].

Подобное “соавторство” не было чем-то неслыханным. Мы знаем другие примеры в творчестве императрицы: наверное, самый известный опыт такого рода – ее “совместное” произведение с Фонвизиным “Вопросы и ответы с приобщением предисловия” ([7, 3, с. 160–167]; о нем см. подробнее: [6, с. 73–81]; [12, с. 48–58]; [13, с. 84–116]). Более того, известно несколько показательных примеров вторжения монарха в художественное творчество. Так, например, «Людовик XIV выступал как “соавтор” Мольера: им дано несколько тем для дворцовых празднеств и подсказан образ маньяка-охотника в “Докучных”» ([14, с. 53–54]; цит. по: [15, с. 39]). Есть подобные прецеденты и в истории русской культуры: как известно, именно царь Алексей Михайлович предложил инсценировать “Книгу Эсфирь” [15, с. 40–42].

Но ситуация с “Фелицей” (как некогда с “Велизером”) была существенно иного рода: к целям придворных идеологических игр адаптировались уже готовые тексты со специфическими судьбами: один извлекался из политического и, так сказать, эдиционного небытия (как известно, во Франции роман Мармонтеля был приговорен к сожжению), а другой – из полной безвестности, и тексты обоих использовались как своего рода послания императрицы к высшему кругу. Торжество начинающего сочинителя было, между тем, хорошо подготовлено. Державин считал, что этим успехом он был обязан помощи трех человек. Так, он написал графу А.А. Безбородке, которого благодарил за золотую табакерку и 500 червонцев: “Вчерась по полудни часу в десятом принес мне почтальон пакет, подписанный на мое имя из Оренбурга, в котором я нашел табакерку золотую, осыпанную бриллиантами, и 500 червонных. Думаю, что сей дар ниоткуда, как от руки всемилостивейшей Государыни, мне ниспослан и отправлен от вашего превосх<одительства>, как известного мне во многих случаях благотворителя” [16, с. 367–368]. Почти одновременно было отправлено письмо к кн. Е.Р. Дашковой: “...я рассказал всем случившимся благодарные мои чувствования, как в рассуждении царевны, так и вас, мил<остивая> г<осу>д<а>рыня, представительством которой, как я думаю, получаю я толь великое и неожиданное награждение за мои слабые дарования” [16, с. 368]. Третье письмо было адресовано О.П. Козодавлеву: “Особливо же благодарю я вас за распространенный слух, касательный до оды Фелицы, по которому дошла она до сведения покровительницы муз” [16, с. 369]. Следовательно, последовательность событий следующая: Державин написал свою оду, Козодавлев сообщил об этом тексте Дашковой, она поднесла его Екатерине II, которая потому через Безбородку наградила поэта.

Сравним это с тем, как Державин описывал эти события в своих автобиографических записках. Публикация “Фелицы” здесь похожа на сложную, детально продуманную интригу: во-первых, в этом процессе оказались задействованы многие люди – поэты (Н.А. Львов, В.В. Капнист, И.И. Хемницер) и сановники (И.И. Шувалов, Дашкова), более того – оказывается, что до публикации оду уже знал “весь свет”; во-вторых, выясняется, что Державин пытался использовать посредничество Львова, чтобы связаться с Безбородкой, а значит, образ наивного поэта, случайно добившегося успеха, явно не соответствует действительности; в-третьих, в этом рассказе появился новый антигерой – Г.А. Потемкин, гнева которого поэт якобы больше всего страшился и союзником в “борьбе” с которым оказался Шувалов; в-четвертых, до конца проясняется роль Козодавлева: он показал текст Дашковой, которой он якобы подал идею создать журнал; наконец, принципиально важна реакция Екатерины, которая своими “слезами” продемонстрировала признание и автора, и его идей:

> По сочинении оды автор показал ее собравшимся у него друзьям своим, Н.А. Львову, В.В. Капнисту и Хемницеру, которые хотя были ею довольны, однако не советовали выдавать ее в свет, опасаясь, чтоб некоторые вельможи не приняли чего на свой счет и не сделались бы его врагами; что он и исполнил, спрятав рукопись в свое бюро, где она целый год, никому неизвестная, и сохранялась. <...> ...случившийся тут Козодавлев, увидев рукопись, прочел из нее несколько строк и под клятвой никому постороннему не показывать выпросил позволение дать ее прочесть тетке своей Анне Осиповне Бобрищевой-Пушкиной, любившей поэзию и особенно стихи Державина. <...> ...через несколько дней, против всякого чаяния, услышал, что она открыто читана в доме И.И. Шувалова на обеде, в присутствии многих знатных гостей (графа А.П. Шувалова, Завадовского, Стрекалова, Безбородки). Шувалов, призвав его к себе, спрашивает с беспокойством: “Как нам быть? и что делать? Оду вашу требует к себе князь Г.А. Потемкин: отсылать ли ее к нему так, как она есть, или выкинуть некоторые места, кои его изображают?” Державин удивился, спросил, как Шувалов про нее знает. Тот отвечал, что она у него есть, и признался, что получил ее под великим секретом <...> однако же беспокоился, чтобы столь сильный человек, каков Потемкин, не растолковал стихов в дурную сторону и не сделал каких-нибудь неприятных внушений императрице. И потому он рассказал про это обстоятельство другу своему Н.А. Львову, прося его разведать, что думает граф Безбородко, и не может ли он предупредить с лучшей стороны государыню. Львов, будто не нарочно, прочитывая наизусть некоторые стихи, вызывал тем графа на объявление его мыслей; хотя тот также хвалил их, но говорил ли что-нибудь императрице, неизвестно.

Вскоре после того, когда княгиня Дашкова сделана была директором Академии наук, то Козодавлев, назначенный при ней советником, показал ей эту пьесу. Ода Державина подала ей мысль предпринять издание журнала "Собеседник любителей российского слова". Никого не предварив о том, она приказала напечатать "Фелицу" на первом листе этого журнала и поднесла на одобрение государыни. Это было в воскресенье, когда княгиня обыкновенно ездила во дворец с докладом по Академии. На другое утро рано императрица посылает за ней. Дашкова застает ее прослезившеюся, с журналом в руках. «Кто, – спросила она, – автор "Фелицы", который меня так тонко знает?» [4, с. 198–199].

Перед нами своего рода модель придворного успеха. Создание текста – только первый шаг, который может не иметь никакого социального или идеологического значения, успех произведения – результат коллективной деятельности, направленной на активизацию внимания верховного арбитра, и, таким образом, "эффективность" произведения зависела от вовлеченности автора в мир высшего света. Державин выступил как представитель определенной группы, как носитель системы ценностей, которая Екатерине показалась удобной для использования при выстраивании своей культурной политики. Ровно это произошло в свое время с "Велизером". Но, в отличие от романа Мармонтеля, "Фелицу" удалось использовать для смены литературного придворного стиля. Ломоносов был объявлен классиком, и ломоносовская похвальная ода была окончательно отодвинута на периферию (подробнее см.: [6]).

"Собеседник" открылся "Фелицей" и ею в каком-то смысле и завершился. В заключительном XVI томе О.П. Козодавлев оформил державинский миф, напечатав "официальную версию событий", которая фиксировала и посредническую роль Дашковой, и его собственную; излагался сюжет при помощи условного языка, который у "Фелицы" был общим со "Сказкой о царевиче Хлоре", и если по отношению к "Фелице" постановка вопроса о "соавторстве" Державина и Екатерины II является не более чем условной формой описания ситуации, сложившейся после доставки оды к императрице, то текст Козодавлева свидетельствует о том, что язык сказки и оды (при том что последняя, естественно, опиралась в этом отношении на первую) стал частью придворного "культурного кода":

Живший в Петербурге по делам своим некоторый татарский мурза, знающий весьма хорошо российский язык, сочинил в исходе 1782 года оду к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице. Сие сочинение, как всем известно, писано совсем иным слогом, как прежде такого рода стихотворения писывались. Мурза прочел сию оду другу своему, некоторому молодому россиянину, который, так же как и он, наполнен благоговением к сему примеру земных царей, а сверх того и благодарностью за излиянные Фелицею на воспитание его щедроты, которыми он, будучи хотя россиянином, но служа при ее дворе с осьми лет своего возраста, приобрел некоторые человеку нужные знания, ибо Фелица посылала его учиться за тридевять земель в десятое царство. Истина, изображенная в сем прекрасном произведении татарского пера, восхитила его до слез, и он, будучи знаком со многими покровителями и любителями наук, взял сию оду к себе и некоторым из оных дал с нее копии; но она довольно долго пребывала в карманах тех господ и не доходила до ушей Фелицы за неимением, может быть, курьера, который бы мог ее доставить в назначенное место.

В начале 1783 года помянутый россиянин определился в какую-то должность при российском Парнасе (в должность советника при Академии наук). Сие подало ему случай показать сие сочинение начальнице Парнаса, которая, красоты и истины находящиеся в сей оде почувствовав, решилась приказать ее напечатать; а дабы чрез то подать случай и другим сочинителям изощрять свои дарования, вздумала она издавать книгу под заглавием "Собеседник любителей российского слова". Для исполнения предприятия своего пригласила она мурзу, помянутого россиянина и некоторых других сочинителей. Вот рождение "Собеседника" [17, с. 6–8].

Как видим, Козодавлев продолжал игру, используя имена из державинской оды и прозрачные иносказательные именования Дашковой. Выстроив эту игровую перспективу, он осмыслил "Собеседник" как прямое следствие "Фелицы". При этом он опустил несколько звеньев: вычеркнуты упоминания сановников и поэтов-посредников, но показательно, что и тут появляется мотив проливаемых над одой слез, хотя теперь эта чувствительность приписывалась не императрице, а самому Козодавлеву. В любом случае связь "Фелицы" с "Собеседником" закреплялась, если можно так выразиться, на официальном уровне. Более того, ода Державина *сливалась* с журналом императрицы, превращалась в единое идеологическое высказывание, в *продукт* сложной придворной политики, в текст, который принадлежал, в сущности, всем участникам сюжета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Marmontel J.F.* Belisaire. Paris: Impr. de P. Alex. le Prieur, 1767. 340 p.
2. Велизер, сочинение Господина Мармонтеля, члена французской академии, переведен на Волге. М.: Имп. Моск. ун-т, 1768. 287 с.
3. Сказка о царевиче Хлоре. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1783. 22 с.

4. *Грот Я.К.* Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.

5. *Акимова Т.И.* Литературное творчество Екатерины II: “галантный диалог” в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 465 с.

6. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: “Собеседник любителей российского слова”. М.: Книжный дом “Либроком”, 2012. 120 с.

7. Сочинения императрицы Екатерины II / На основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. академика А.Н. Пыпина. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 422 с.

8. *Ибнеева Г.В.* Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж. Ф. Мармонтеля “Велизарий” // Известия Иркутского государственного университета. Серия “История”. 2014. Т. 9. С. 24–29.

9. *Вачева А.* Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2015. 719 с.

10. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 488 с.

11. *Ходасевич В.* Державин. М.: Книга, 1988. 384 с.

12. *Ивинский А.Д.* Екатерина II и Д.И. Фонвизин: о литературных контекстах Вопросов и ответов // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 48–58.

13. *Проскурина В.* Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: НЛО, 2017. 256 с.

14. *Бояджиев Г.Н.* Мольер: Исторический путь формирования жанра высокой комедии. М.: Искусство, 1967. 622 с.

15. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: вторая половина XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2021. 506 с.

16. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. Т. 5: Переписка до 1793 года. 773 письма Державина и к Державину. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 984 с.

17. Собеседник любителей российского слова. Ч. 16. СПб.: Иждивением Имп. Акад. наук, 1784. 89 с.

REFERENCES

1. Marmontel, J.F. *Belisaire*. Paris: Impr. de P. Alex. le Prieur, 1767. 340 p. (In French)

2. *Velizer, sochinenie Gospodina Marmontelia, chlena frantsuzskoi akademii, pereveden na Volge* [Belisarius. The Novel of Mr. Marmontel, the Member of French Academy, Translated on Volga]. Moscow, 1768. 287 p. (In Russ.)

3. *Skazka o tsareviche Khlore* [The Tale of the Tsarevich Khlor]. St. Petersburg, 1783. 22 p. (In Russ.)

4. Grot, Ia.K. *Zhizn Derzhavina* [The Life of Derzhavin]. Moscow, 1997. 685 p. (In Russ.)

5. Akimova, T.I. *Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny II: “galantnyi dialog” v sisteme avtorskikh strategii (istoki, funktsii, zhanry)* [Literary Work of Catherine II: “Gallant dialogue” in the System of Author’s Strategies (Origins, Functions, Genres)]. Diss. Doct. Sci. (Pfilol.). Moscow, 2015. 465 p. (In Russ.)

6. Ivinsky, A.D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: “Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova”* [Catherine II’s Literary Politics: Magazine “Companion of Lovers of Russian Letters”]. Moscow, 2012. 120 p. (In Russ.)

7. *Sochineniia imperatritsy Ekateriny II. Na osnovanii podlinnykh rukopisei i s objasnitelnymi primechaniiami akademika A.N. Pypina. T. 1* [Literary Works of Empress Catherine II. Based on the Original Manuscripts and with Explanatory Notes by Academician A.N. Pypin. Vol. 1]. St. Petersburg, 1901. 422 p. (In Russ.)

8. Ibneeva, G.V. *Obshchestvennoe vospitanie v politicheskoi praktike Ekateriny II: k istorii perevoda romana Zh.F. Marmontelia “Velizarii”* [Public Education in the Political Practice of Catherine II: on the History of Translation of the Novel by J.F. Marmontel “Belisarius”]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia “Istoriya”* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”]. 2014, Vol. 9, pp. 24–29. (In Russ.)

9. Vacheva, A. *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Posterity from Catherine II. The Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of Empress]. Sofia, 2015. 719 p. (In Russ.)

10. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, 1957. 488 p. (In Russ.)

11. Khodasevich, V. *Derzhavin*. Moscow, 1988. 384 p. (In Russ.)

12. Ivinsky, A.D. *Ekaterina II i D.I. Fonvizin: o literaturnykh kontekstakh Voprosov i otvetov* [Catherine II and Fonvizin: on the Contexts of “Questions and Answers”]. *E.R. Dashkova i Ekaterina Velikaia: Kulturnoe nasledie i sovremennost* [E.R. Dashkova and Catherine the Great: Cultural Heritage and Modernity]. 2014, pp. 48–58. (In Russ.)

13. Proskurina, V. *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika* [The Pen Empire of Catherine II: Literature as Politics]. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.)

14. Boyadzhiev, G.N. *Moljer: Istoricheskii put formirovaniia zhanra vysokoi komedii* [Moliere: The Historical Path of Formation of the High Comedy Genre]. Moscow, 1967. 622 p. (In Russ.)

15. Odessky, M.P. *Poetika russkoi dramy: vtoraia polovina XVII – pervaia tret XVIII v.* [Poetics of Russian Drama: the Second Half of the 17th – First Third of the 18th Century] Moscow, 2021. 506 p. (In Russ.)

16. Derzhavin, G.R. *Sochineniia.* [Literary Works]. Vol. 5. St. Petersburg, 1869. 984 p. (In Russ.)

17. *Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova* [Companion of Lovers of Russian Letters]. Vol. 16. St. Petersburg, 1784. 89 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 августа 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 декабря 2021 г.
Статья принята к публикации: 25 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on August 25, 2021
Revised on December 18, 2021
Accepted on December 25, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018921-9

Роман “Анна Каренина” в оценке “Русского вестника”

© 2022 г. Н. И. Городилова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
natromanova2007@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена изучению критических отзывов на роман Л.Н. Толстого “Анна Каренина”, опубликованных на страницах московского журнала “Русский вестник”. Исследуются статьи В.Г. Авсеенко и М.Н. Каткова, объединенные единой задачей – вписать “Анну Каренину” в рамки общей политики издания и причислить произведение к жанру великосветского романа. В соответствии с этим выявляются субъективность и предвзятость в интерпретации произведения. В частности, отмечается, как упрощается авторский замысел, сведенный к любовной драме Анны, настойчиво отрицается злободневность проблематики, а Толстой противопоставляется современным беллетристам как автор, не поддавшийся процессу демократизации литературы и оставшийся верным предшествующему этапу ее развития. При этом отмечаются и ценные наблюдения Авсеенко, его интересные суждения относительно художественного мира романа. Рецензии “Русского вестника” вписываются в контекст развития журналистики в 1870-е годы с ее четкой дифференциацией по общественно-политическим убеждениям и тенденциозным подходом к явлениям художественной словесности.

Ключевые слова: периодика XIX века, журнал “Русский вестник”, рецензия, Л.Н. Толстой, роман, полемика, рецепция, интерпретация.

Для цитирования: *Городилова Н.И.* Роман “Анна Каренина” в оценке “Русского вестника” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 82–89. DOI: 10.31857/S160578800018921-9

The Novel “Anna Karenina” in the Assessment of the “Russkiy Vestnik” (“Russian Bulletin”)

© 2022 Natalia I. Gorodilova

Cand. Sci. (Philol),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
natromanova2007@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of critical reviews of the novel by L.N. Tolstoy “Anna Karenina”, published by the Moscow journal “Russkyi Vestnik” (“Russian Bulletin”). The article examines the articles of V.G. Avseenko and M.N. Katkov, united by a single task to fit “Anna Karenina” into the framework of the general policy of the publication and rank it as the genre of a high-society novel. In accordance with this, subjectivity and bias in the interpretation of the work are revealed. In particular, it is noted how the author’s intention is simplified, reduced to Anna’s love drama, the topicality of the problem is persistently denied, and Tolstoy is opposed to modern fiction writers as an author who did not succumb to the process of democratization of literature and remained faithful to the previous stage of its development. At the same time, valuable observations of Avseenko, his interesting judgments regarding the artistic world of the novel

are noted. The reviews of the "Russkiy Vestnik" fit into the context of the development of journalism in the 1870s and in the 19th century with its clear differentiation according to social and political convictions and tendentious approach to the phenomena of literary literature.

Key words: periodicals of the 19th century, the journal "Russian Bulletin" ("Russkiy Vestnik"), review, Leo Tolstoy, novel, polemics, reception, interpretation.

For citation: Gorodilova, N.I. *Roman "Anna Karenina" v ocenke "Russkogo vestnika"* [The Novel "Anna Karenina" in the Assessment of the "Russkiy Vestnik" ("Russian Bulletin")]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 82–89. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018921-9

"Анна Каренина" как-то неожиданно вошла в творческую судьбу своего создателя: случайно попавшийся на глаза том с прозой Пушкина так увлек Толстого, что он "невольно, нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события" [1, с. 16] нового романа. Замысел "из жизни частной и современной эпохи" [2, с. 500][1], который внезапно оторвал писателя от работы над историческим романом о времени Петра I, возник, как фиксирует запись в дневнике С.А. Толстой, 18 марта 1873 г. А уже 25 марта Толстой под большим секретом сообщал в письме Н.Н. Страхову, с которым в эти годы его связывали близкие дружеские отношения, что новый роман "начерно" готов и окончательная его отделка займет около двух недель [1, с. 16]. Удивительный факт в писательской биографии Толстого: обычно путь от замысла до его воплощения был долгим и сопровождался неоднократными переделками текста, иногда в корне меняющими задумку. Кропотливый труд отнимал много времени и сил, почти все произведения автора, даже незначительные по объему, обрастали внушительной кипой черновиков и многократно правленных корректур. А новый замысел, как следует из слов писателя, был готов чуть ли не за неделю и готов настолько, что далее в том же письме Толстой делится со Страховым будущими планами относительно его издания: предполагая напечатать роман отдельной книгой, он просит своего корреспондента держать корректуры. Многочисленные эпистолярные и мемуарные источники убедительно свидетельствуют о сильнейшем увлечении Толстого новым произведением, но и сама стремительность воплощения замысла является красноречивым фактом. Правда, и в истории с "Анной Карениной" писатель остался верен себе, и столь стремительно завязавшийся сюжет прошел обычные этапы авторской правки. Почувствовав, что поспешил с откровенными признаниями относительно своих творческих планов, Толстой оставляет письмо Страхову неотправленным и сообщает о своей работе позднее, 11 мая, с просьбой держать ее в тайне. Лишь 2 марта 1874 г. первая часть "Анны Карениной" была сдана в набор для отдельного издания, которое продвигалось медленно: виновата была не только типография, но и сам автор, оставшийся недовольным тем, что он прочитал в наборе, и одновременно снова увлекшийся педагогическими делами. И в июне 1874 г. печатание романа приостановилось. Попытка вернуться к работе над новым произведением в начале сентября 1874 г. ни к чему не привела.

Не соглашаясь сначала на предложения издателей "Отечественных записок" и "Русского вестника" Н.А. Некрасова и М.Н. Каткова, Толстой все же вынужден был в конце концов задуматься над ними. В принятии решения в пользу журнальной публикации сыграли роль два обстоятельства: срочная нужда в деньгах, необходимых для покупки земли, и желание "связать" себя издательским договором, чтобы закончить роман, первая увлеченность которым прошла [1, с. 121]. В декабре 1874 г. вопрос о печатании "Анны Карениной" в "Русском вестнике" был решен положительно. Выбор издания объяснялся, конечно, не близостью писателя общественно-политическим и литературным убеждениям Каткова. Известно негативное отношение Толстого ко всей современной ему журналистике, потому что, по его убеждению, "журнала негадкого нет" [1, с. 114]. Но, как справедливо отметил биограф Толстого Н.Н. Гусев, здесь не последнюю роль сыграла коммерческая договоренность [3, с. 191]. Толстой ставил условия, которые не должны были подвергаться обсуждению (роман продавался по 500 р. за лист с выдачей вперед 10 тысяч) и которые, по его предположению, могли быть тяжелы для "Отечественных записок" [1, с. 124]. Интересно, что эти журналы упоминает в письме от 8 ноября 1874 г. Страхов, очень интересующийся судьбой романа и страшно боящийся,

[1] Интерес писателя к "типу женщины замужней, из высшего общества, но потерявшей себя" С.А. Толстая зафиксировала в своем дневнике еще в 1870 г. [2, с. 497], но трудно сказать, связаны ли эти слова с замыслом "Анны Карениной".

чтобы Толстой его не забросил. Он высказывает опасения, что писатель не сойдется с “Русским вестником”, поскольку тот “жмется” в финансовых вопросах [4, с. 185], и оказывается прав: только разногласия между автором и издательством возникнут на финальном этапе публикации и коснутся не коммерческих интересов. Упоминает Страхов и о сильнейшей заинтересованности Некрасова в приобретении романа для своего журнала, но при этом откровенно признается Толстому в своем нежелании содействовать “Отечественным запискам”, демократическое направление которых было ему глубоко чуждо [4, с. 185].

И с января 1875 г. началась публикация “Анны Карениной” в журнале “Русский вестник”. Роман вызвал такой живой интерес у современников, что “не было конца толкам, восторгам, и пересудам, и спорам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком” [5, с. 338]. Пристрастно и заинтересованно знакомились с текстом не только простые читатели, на новое произведение Толстого откликнулись газеты и журналы самых разных идейно-политических направлений. В многочисленных рецензиях высказались диаметрально противоположные мнения, и вскоре завязалась полемика, затронувшая самые разные стороны художественного мира романа – от авторского замысла до композиционно-стилистических особенностей повествования.

Редакция “Русского вестника” опубликовала несколько критических статей, посвященных “Анне Карениной”. Главная их цель заключалась в том, чтобы вписать роман Толстого в рамки общей политики издания. Две из них были написаны В.Г. Авсеенко, который с 1873 г. занимал место ведущего критика “Русского вестника”. В 1875 г. в майской книжке журнала вышла его статья “По поводу нового романа гр. Л. Толстого” [6], а в первом номере журнала за 1876 г. – “Литературное обозрение”, значительная часть которого также посвящена толстовскому произведению [7].

Первая статья появилась в тот момент, когда публикация романа в 1875 г. была завершена и когда многие периодические издания успели высказаться по поводу романа. Справедливо напоминая, что “Анна Каренина” не окончена еще в печати и любые выводы о ней преждевременны, Авсеенко ставил перед собой, казалось бы, довольно частную задачу: объяснить “некоторые недоразумения”, возникшие у читателей к “в высшей степени замечательному произведению” [6, с. 420]. Но, естественно, что при этом критик не мог не обратиться непосредственно к толстовскому тексту и не высказать своих мыслей относительно авторского замысла, интерпретация которого и стала камнем преткновения в обсуждении романа.

Свою статью, как и “Литературное обозрение”, Авсеенко начал с характеристики литературного процесса 1870-х годов. И это не случайно. С одной стороны, этот обзор вписывал Толстого в контекст литературного процесса своего времени; а с другой – раскрывал общественно-литературные взгляды рецензента “Русского вестника”, оказавшие заметное влияние на его понимание романа.

Авсеенко верно уловил, что успех романа при несомненном читательском интересе был неполным. Причины неоднозначных впечатлений, по его мнению, – в общем положении дел в литературе и журналистике 1870-х годов. Наблюдаемый процесс демократизации литературы плачевно сказался на вкусах читателей, которые, по мнению Авсеенко, приобрели “пошловатый тон” [6, с. 414]. Теперь к словесности предъявляются новые требования, выходящие за пределы собственно художественного творчества: публика стала ждать от писателей отражения современных вопросов времени, обращения к социальным проблемам, изображения “земских деятелей, железнодорожных тузов и присяжных поверенных” [6, с. 403]. Критик отмечает даже стилистическую регламентацию: “<...> значение писателя начали у нас оценивать в прямом отношении к бесстыдству, с каким он способен ругаться и пустословить” [7, с. 497]. Такой подход к литературе, отличающий демократические издания, консервативно настроенный критик “Русского вестника” оценивает резко негативно, поскольку видит в этом превращение литературы во “что-то узко-определенное, практическое” [7, с. 500]. Напротив, не отрицая тесной связи художества и действительности, Авсеенко выделяет в литературе прежде всего ее духовно-нравственную составляющую: чем меньше произведение напоминает инструкцию, чем возвышеннее идею оно дает, тем “выше, благороднее и воспитательнее сама литература” [7, с. 500]. Здесь, по сути, прописывается программа “Русского вестника”, состоящая в том, чтобы создать литературу, которая основывалась бы на положительных духовных ценностях, несла бы в себе положительное начало [8, с. 3–5]. Роман Толстого не совпал с господствующими вкусами и требованиями современной литературы, которая хочет видеть на первом плане Николая Левина и его подругу Машу, и, соответственно, по мнению Авсеенко, вызвал многочисленные упреки, среди которых он выделил наиболее распространенные.

Прежде всего общее недовольство вызвало содержание романа. По мнению большинства критиков, новое произведение Толстого не затрагивало насущных проблем своего времени, не имело злободневного значения и, соответственно, не могло стать важным событием в мире художественной словесности. В ответ на этот упрек рецензент "Русского вестника" обращается к категории содержательности литературного произведения и, указывая на равно значимые сферы жизни человека – общественную и личную, – отстаивает право художника изображать внутреннюю жизнь человека, представляющую, по его убеждению, более обширный и плодотворный материал для художественной типизации. Общественная жизнь напрямую зависит от личной, ведь общественность, о которой так заботятся современные беллетристы, "есть только форма, получающая свою жизнь, свое содержание от нравов общества и условий индивидуального развития, под которыми живет частный человек" [6, с. 403]. Кроме того, общественные вкусы преходящи, они актуальны для определенного исторического этапа. Соответственно, обращение к фактам газетных колонок составляет лишь внешний интерес художественного произведения, то есть является не самой главной задачей художника.

Нелестно высказалось большинство критиков и о героях "Анны Карениной". Нельзя не согласиться с Авсеенко, утверждавшим, что осуждение вызвали не столько сами герои, сколько светская среда, к которой они принадлежали и которая заранее осуждалась «всем течением "новых идей" и новых вкусов» [6, с. 411] за то, что совершенно далека от интересов современности. Рецензент отмечает, что общее понимание аристократизма сводится к представлению о человеке светском, с определенным достатком и значительным общественным положением, жизнь которого отличают известные формы быта, образ жизни, нравы. Но за этой внешней формой, по его мнению, большинство читателей не разглядело глубокого внутреннего содержания. Обаяние семей Щербацких, Левиных, Облонских заключается в том, что в их форме быта, воспитании, образе жизни чувствуется наследственная преемственность того стародворянского круга, который первым воспринял европейскую цивилизацию. Уважение к принципам и уважение к личности – вот то, что выделяет героев Толстого, а не барский образ жизни, в пристрастии к которому обвиняли автора.

Наконец, нередко в критических отзывах, посвященных "Анне Карениной", можно было встретить отсылки к "Войне и миру" и упреки в том, что Толстой повторяется, выводя на страницах своих произведений одних и тех же героев. Авсеенко не только не отрицает этой связи, но, наоборот, подчеркивает ее как естественную закономерность, поскольку герои обоих романов – представители одной среды, отличающейся устойчивостью своего культурно-бытового склада. Настойчивое обращение писателя к героям одного социального слоя обусловлено духовным истощением эпохи, отсутствием новых интересных типов.

Авсеенко чутко уловил наиболее распространенные обвинения в адрес Толстого и справедливо указал на пристрастность многих суждений об "Анне Карениной", но и сам был далек от объективного прочтения текста. Как ведущий критик "Русского вестника", консервативного издания, которое видело свою главную задачу в борьбе с нигилистической литературой, он в своих литературно-критических статьях аргументировал философско-эстетическую и политическую программу журнала [9, с. 70]. Соответственно, суждения Авсеенко об "Анне Карениной" не только отражали его эстетические взгляды, но и преследовали вполне определенную цель: нужно было убедить читателей в приверженности Толстого литературно-общественной позиции издания и показать его чужеродность современной беллетристике, пропитанной гражданскими, политическими идеями. Главное достоинство толстовского романа, помимо мастерства повествовательной пластики, глубины психологического анализа, Авсеенко видит в отсутствии тенденциозности, острых общественных вопросов, современных героев. Позиция рецензента "Русского вестника" была в духе журналистской практики своего времени: разговор о художественном произведении часто выходил за рамки литературы и переводился в плоскость политики.

В соответствии с заданной критической установкой интерпретировался авторский замысел, который сводился к изображению внутренней драмы сердца, к "вопросу о любви между мужчиной и женщиной, не имеющими возможности вступить в брак, потому что одна из сторон уже находится в браке" [6, с. 403]. Предвидя возможные возражения со стороны оппонентов, Авсеенко настойчиво подчеркивал, что эта частная история наполнена важным жизненным содержанием и непосредственно связана с действительностью. Но под этой жизненностью критик подразумевал

не злободневность и актуальность темы, а реалистическую достоверность повествования: Толстой, по словам Авсеенко, вводит личную драму героини “в самую глубину жизни” [6, с. 404] и рассказывает ее так, что создается иллюзия “полной реальности” [6, с. 404]. По его мнению, “частная история Анны Карениной” намного содержательнее в силу своей жизненности и реалистичности, чем истории про “новых людей”, которые “живут и действуют в пустоте, населенной тенденциозными призраками” [6, с. 405].

Главный интерес романа, таким образом, заключается в жизненной драме Анны, а история Левина, субъективную природу которого верно почувствовал Авсеенко, отнесена к области идиллии: здесь слабое “драматическое напряжение” [6, с. 420] несколько искупается художественностью описаний. Такая трактовка авторской идеи “Анны Карениной” превращалась в “дифирамб великосветскому роману” [10, с. 119].

Если рассматривать статью Авсеенко в контексте журнально-газетной полемики своего времени, то раскрывается очевидная общность между его “положительным” отзывом и отрицательными откликами демократических изданий в прочтении “Анны Карениной” как романа, построенного на частном замысле и лишенного общественной проблематики. Разница была только в отношении: демократы увидели в этом недостатки романа и резко осудили автора, а Авсеенко – значимые достоинства произведения, которые заслуживают самых восторженных слов. С этой точки зрения обращает на себя внимание тот факт, что рецензент “Русского вестника”, останавливаясь в статье на отмеченных критикой недостатках романа, лишь объясняет их как недоразумение, но отнюдь не оспаривает.

Вторая статья Авсеенко “Литературное обозрение” в целом не внесла чего-то принципиально нового в его рассуждения: по-прежнему “Анна Каренина” признавалась крупнейшим фактом литературы, а Толстой – “громадным художественным талантом” [7, с. 502]. Продолжая заданную первой статьей линию анализа, рецензент рассматривает роман на фоне современной ему беллетристики: Авсеенко снова указывает на отсутствие авторского критического взгляда на окружающую действительность, злободневного пафоса, а интересы героев ограничивает лишь “сферой внутренней жизни” [7, с. 503].

Обращаясь непосредственно к тексту, критик говорит о двух важных его достоинствах, которые заметно выделяют Толстого из круга писателей-современников. Во-первых, умение автора изображать страсть, ее оттенки и тончайшие нюансы, прибегая не к привычным формам, превратившимся у большинства беллетристов в шаблоны, а к свежим и оригинальным способам рисовки. Соответственно, вновь подчеркивается важная для издания мысль о том, что главный интерес романа заключается в истории Анны.

Во-вторых, рецензент отмечает как сильную сторону таланта писателя – “несказанную прелесть рассказа” [7, с. 502]. Правда, говоря об особенностях толстовской манеры повествования, он прибегает к метафорическим выражениям, обобщенный характер которых придает комплименту некоторую условность. По его словам, читатель вступает вместе с автором в “поэтическое море, где сквозь молочный туман сверкают озаренные, приближающиеся очертания...” [7, с. 502]. Авсеенко признается, что мысль читателя чувствует иногда “какое-то неудовлетворение” [7, с. 503], недоверие к изображаемому, желание прозреть истинный его смысл, но “способность рассказывать у графа Толстого так велика, что для эстетически-восприимчивого читателя становится наконец все равно, о чем он рассказывает” [7, с. 503]. Получается, что все достоинство романа не в глубине авторской мысли, не в сложности проблематики, а в технике рассказа, приемами которого блестяще овладел писатель.

В интерпретации “Анны Карениной” Авсеенко заметно его настойчивое желание прочитать текст в соответствии с собственными общественными убеждениями и литературными вкусами, а значит, в его статьях много спорных высказываний. Так, Толстой в его изображении предстает не чутким летописцем сложного пореформенного времени, а продолжателем предыдущего периода литературы, поскольку “признаки, наиболее характеризующие современную жизнь в ее последней, сегодняшней форме, играют очень небольшую роль в романе” [6, с. 405], действие которого можно легко отнести и к 1840–1850-м годам. Получается, что писатель совершенно лишается не только тонкого понимания противоречий современной ему действительности, но и творческой эволюции. Но такая позиция была типична для журналистики 1870-х годов. Многие отклики этого времени были заранее не свободны в своих суждениях, а значит, спорны.

Однако при всей субъективности и полемичности высказываний Авсеенко, в его статьях есть тонкие наблюдения и интересные суждения, касающиеся художественного мира романа. Обращает на себя внимание интерпретация образа Анны, которую “фельетонисты больших и малых

газет признали <...> обыкновенною и безнравственною женщиной” [6, с. 414]. Рецензент справедливо отметил предубеждение, сложившееся в читательской среде по отношению к главной героине, и остроумно написал о противоречиях современной критики: казалось бы, Анна, замужняя женщина, поддавшаяся чувствам, выполнила требование свободы чувств и должна бы обратить симпатии читателя в свою сторону, но этого не произошло. Неприязненное отношение к героине критик объясняет, во-первых, ее барским происхождением, которое совсем не смущало саму Анну, не видящую в этом “никакой вины с своей стороны” и не желающую “выйти из своего привилегированного положения” [6, с. 414]; а во-вторых, тем, что чувства в ней вызвал граф, а не, скажем, Николай Левин, влюбившись в которого, “она вдруг выросла бы до героизма, до идеала” [6, с. 414].

Авсеенко вписывает Анну Каренину в галерею женских образов русской литературы, находя сходство ее с Татьяной Пушкина, Верой Лермонтова, княжной Засекиной Тургенева. Причисляя этих героинь к “женственным женским типам” [6, с. 415], критик видит их общность в том, что все они живут сердцем. В Анне, по его мнению, Толстой блестяще воплотил тип женщины, ушедшей “в свою внутреннюю жизнь, полную страсти, борьбы и неизбежных разочарований” [6, с. 416]. Конечно, и в данном случае Авсеенко имеет в виду свою полемическую цель – противопоставить названных героинь утратившим обаяние женственности героиням современной беллетристики, которые лишь отражают вкусы своих создателей, пропитанных газетными тенденциями [6, с. 416], – но при этом нельзя не признать, что его литературные аналогии свидетельствуют о вдумчивом проникновении в образ главной героини.

Характеризуя мужские лица романа, рецензент признает, что они значительно уступают женским образам. Вронский, вызвавший резко отрицательные отзывы большинства критиков, видится и Авсеенко типичным светским человеком, вся суть которого заключается в соблюдении внешних форм жизни определенного социального круга и внутреннее содержание которого “ниже роли, предоставленной ему в драме” [6, с. 419]. На его фоне ярче высвечивается внутренняя значительность семейств Щербацких, Левиных и Облонских, тоже принадлежащих столичному светскому обществу, но сохранивших в быте своего круга нравственное начало и верность преданиям. Отмечая внутреннюю незначительность героя, Авсеенко, в отличие от своих коллег, не прибегает к уничижительным его характеристикам, а объясняет выбор Вронского в качестве героя романа авторским замыслом, смысл которого, как он признается, трудно постичь, поскольку произведение еще не окончено.

В 1877 г. с откликом на “Анну Каренину” выступил сам издатель “Русского вестника”. Поводом к этому послужили разногласия между Катковым и Толстым, возникшие относительно событий русско-турецкой войны и родившегося на ее фоне добровольческого движения. Резко отрицательное отношение писателя к современным событиям основывалось на убеждении в заинтересованности отдельных лиц в раздувании войны с Турцией, о чем в романе иронично говорит старый князь Щербацкий. Приводя в пример своего зятя Степана Аркадьича Облонского, занимавшего никому не нужное, но приносившее значительный доход служебное место и доказывавшего всеми силами, что должность его самая полезная и необходимая, тесть Левина откровенно проводит параллель с прессой: «Так-то и единомыслие газет. Мне это растолковали: как только война, то им вдвое дохода. Как же им не считать, что судьбы народа и славян... и все это?” [11, с. 677]. Поддерживавший добровольческое движение Катков не мог напечатать текст, откровенно противоречащий политике журнала, а Толстой не пожелал вносить в него смягчающие изменения. В результате публикация романа в “Русском вестнике” закончилась на седьмой части, а восьмая, уже набранная для журнала, была издана отдельной книжкой в типографии Ф.Ф. Риса.

Редакция прокомментировала сложившуюся ситуацию: в майском номере журнала появилась небольшая заметка без подписи, которая не была обозначена в оглавлении, набрана мелким шрифтом и помещена в конце номера. Несколько иронических строк раскрыли содержание восьмой части романа: “<...> Вронской, в смущении и горе после смерти Анны, отправляется добровольцем в Сербию”, “Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев”[12, с. 472]. Вполне понятно возмущение Толстого допущенной бестактностью “Русского вестника”, но помимо этической стороны дела обращает на себя внимание другой важный момент. Небольшая заметка, по сути, содержала интерпретацию авторского замысла: «В предыдущей книжке под романом *Анна Каренина* выставлено: “окончание следует”. Но со смертию героини собственно роман кончился» [12, с. 472]. Эта трактовка получила дальнейшее свое развитие и

обоснование в статье “Что случилось по смерти Анны Карениной?”, вышедшей в июльском выпуске “Русского вестника” [13]. Катков лишь кратко упоминает о своем несогласии с автором, поскольку, по его убеждению, вряд ли этот вопрос может заинтересовать читателей, но раскрывает причину его возникновения: в текст не были внесены желательные для журнала исключения [13, с. 448–449]. Однако мысли, изложенные в статье, конечно, проливают свет на суть конфликта.

Значительная часть ее посвящена тем сценам романа, в которых изображаются споры героев по поводу славянской войны. Толстой, по мнению Каткова, заинтересовавшись славянским вопросом, совершенно отвлекся от главной линии повествования, и “созданные им лица правят тризну по героине романа рассуждениями на эту тему” [13, с. 456]. Комментарии издателя отражают его личные убеждения, в соответствии с которыми он доказывает правильность и основательность высказываний Сергея Иваныча, сторонника добровольческого движения, а Левина, “почему-то раздраженного на неповинных добровольцев” [13, с. 458], выставляет “несносным спорщиком” [13, с. 462].

Обращаясь к архитектонике романа, Катков доказывает мысль, что он окончился с трагической гибелью Анны и что, соответственно, вышедшая отдельным изданием восьмая часть романа содержит “приделанные мотивы, не имеющие связи с темой” [13, с. 462]. Духовные искания Левина Катков описывает в насмешливо-фамильярной форме и резюмирует их тем, что “добрейший Костя просто дурит” [13, с. 460]. Обретение Левиным веры, по его мнению, “не обусловлено ходом целого и не имеет ни внутренней, не внешней связи с судьбою главной героини” [13, с. 462], а является лишь частным эпизодом биографии героя, который, вероятнее всего, не остановится на этом открытии[2]. Почему такое неприятие вызвал образ Левина? Его историю сложнее было вписать в жанр великосветского романа, поскольку осмысление этой истории невозможно было без размышлений героя о земстве, о взаимоотношениях помещика и рабочего, о несправедливости привилегированного положения дворян и др., ее труднее было оторвать от реалий своего времени, от острых социальных вопросов.

Таким образом, замысел “Анны Карениной” в интерпретации “Русского вестника” сводился к любовно-семейной линии; отрицание в романе социальной проблематики, актуальных для своего времени вопросов было продуманной позицией издания, боровшегося против демократизации литературного процесса и старавшегося причислить Толстого к своей идейной партии. Поэтому при изучении литературно-критических отзывов “Русского вестника”, как и всех отзывов на “Анну Каренину”, появившихся в период выхода романа, нужно учитывать особенности журналистики 1870-х годов: четкая дифференциация по литературным и идейно-общественным партиям во многом определяла тенденциозный анализ любого художественного произведения. Не менее важно и то, что эти статьи являют собой прежде всего живую реакцию современников на литературную новинку; не имея еще исторической дистанции для серьезного осмысления произведения, критики были не свободны от горячих и субъективных оценок. И это было вполне естественно.

[2] Мысль об отсутствии в романе композиционной цельности, о нарушении художественного единства введением двух сюжетных линий станет довольно распространенной в периодике тех лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 62: Письма 1873–1879 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
2. *Толстая С.А.* Дневники: в 2 т. Т. 1: 1862–1900. М.: Художественная литература, 1978.
3. *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии: с 1870 по 1881 год. М.: Издательство АН СССР, 1963.
4. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Т. 1: Письма 1870–1878. М.: Группа славянских исследователей при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003.
5. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011.
6. *А. <Авсеенко В.Г.>* По поводу нового романа гр. Толстого // Русский вестник. 1875. Т. 117. № 5. С. 400–420.
7. *А. <Авсеенко В.Г.>* Литературное обозрение // Русский вестник. 1876. Т. 121. № 1. С. 496–510.
8. *Трофимова Т.А.* “Положительное начало” в русской литературе XIX века: “Русский вестник” М.Н. Каткова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: РГГУ, 2007.
9. *Гайнцева Э.Г.* В.Г. Авсеенко и “Русский вестник” 1870-х годов // Русская литература. 1989. № 2. С. 70–84.
10. *Бабаев Э.Г.* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Издательство МГУ, 1993.

11. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина / серия "Литературные памятники". М.: Наука, 1970.

12. Русский вестник. 1877. Т. 129. № 5. С. 472.

13. <*Катков М.Н.*> Что случилось по смерти Анны Карениной // Русский вестник. 1877. Т. 130. № 7. С. 448–462.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 62: Pisma 1873–1879 gg.* [Complete Works: in 90 Volumes. Vol. 62: Letters from 1873 to 1879]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1953. (In Russ.)

2. Tolstaya, S.A. *Dnevniki: v 2 t. T. 1: 1862–1900* [Diaries: in 2 Volumes. Vol. 1: 1862–1900]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1978. (In Russ.)

3. Gusev, N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii: s 1870 po 1881 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for the Biography: from 1870 to 1881]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1963. (In Russ.)

4. *L.N. Tolstoj – N.N. Strahov. Polnoe sobranie perepiski: v 2 t. T. 1: Pisma 1870–1878* [L.N. Tolstoy – N.N. Strakhov. Complete Collection of Correspondence: in 2 Volumes. Vol. 1: Letters 1870–1878]. Moscow, Gruppa slavjanskih issledovatelej pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyj muzej L.N. Tolstogo Publ., 2003. (In Russ.)

5. *L.N. Tolstoj i A.A. Tolstaja. Perepiska (1857–1903)* [L.N. Tolstoy and A.A. Tolstaya. Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 2011. (In Russ.)

6. A. <Avseenko, V.G.> *Po povodu novogo romana gr. Tolstogo* [About the New Novel by Count Tolstoy]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1875, Vol. 117, No. 5, pp. 400–420. (In Russ.)

7. A. <Avseenko, V.G.> *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1876, Vol. 121, No. 1, pp. 496–510. (In Russ.)

8. Trofimova, T.A. *"Polozhitelnoe nachalo" v russkoi literature XIX veka: "Russkii vestnik" M.N. Katkova: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* ["A Positive Beginning" in Russian Literature of the XIX Century: "Russian Bulletin" by M.N. Katkova: diss. Cand. Sci. (Philol.)]. Moscow, RGGU Publ., 2007. (In Russ.)

9. Gayntseva, Je.G. *V.G. Avseenko i "Russkij vestnik" 1870-h godov* [V.G. Avseenko and "Russian Bulletin" of the 1870s]. *Russkaja literature* [Russian Literature]. 1989, No. 2, pp. 70–84. (In Russ.)

10. Babaev, Je.G. *Lev Tolstoj i russkaja zhurnalistika ego jepohi* [Leo Tolstoy and Russian Journalism of His Era]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1993. (In Russ.)

11. Tolstoy, L.N. Anna Karenina. "Literary Monuments" Series. Moscow, Nauka Publ., 1970. (In Russ.)

12. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1877, Vol. 129, No. 5, p. 472. (In Russ.)

13. <Katkov, M.N.> *Chto sluchilos po smerti Anny Kareninoj* [What Happened after Anna Karenina's Death]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1877, Vol. 130. No. 7, pp. 448–462. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 августа 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 октября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 ноября 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on August 25, 2021
Revised on October 13, 2021
Accepted on November 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018926-4

О переводах и переводчиках басен И. А. Крылова в Китае

© 2022 г. Пэй Цзян

Аспирант филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
pj725913.zyh@yandex.ru

Резюме. В статье дается обзор переводов басен И.А. Крылова в Китае. Первые из них появились более 120 лет назад, но по-настоящему знакомство китайских читателей с его творчеством состоялось в 1950-е годы благодаря переводам Мэнхая и У Яня. С конца 1970-х годов до настоящего времени количество переводов и изданий басен Крылова постоянно увеличивается. Сейчас в Китае имеется более 300 отдельных изданий его избранных басен и 33 полных собрания. В разное время над переводами басен Крылова на китайский язык трудились не менее 64 переводчиков, а 15 из них перевели все девять книг собрания его басен (У Янь, Хэ Шиин, Фун Цзя, Гу Юй, Синь Вэйай, Хань Гуйлян, Хэ Маожчэн, Пэй Цзяцинь, Цюй Хун, Юе Янь, Ши Госюн, Дин Лу, Чжу Сяньшэн, Цю Цзинцзюань и Ян Цзяньфун). Некоторые переводы сделаны в прозе, некоторые – в стихах. В статье кратко излагается история переводов басен Крылова в Китае и сообщаются сведения о наиболее важных переводах и переводчиках.

Ключевые слова: Крылов, басни, русская литература в Китае, переводы, переводчики.

Для цитирования: *Пэй Цзян.* О переводах и переводчиках басен И.А. Крылова в Китае // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 90–95. DOI: 10.31857/S160578800018926-4

On Translations and Translators of I. A. Krylov's Fables in China

© 2022 Pei Jiang

Postgraduate student at the Faculty of Philology
of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
pj725913.zyh@yandex.ru

Abstract. The article gives a overview of translations of I.A. Krylov's fables in China. The first of them appeared more than 120 years ago, but the real acquaintance of Chinese readers with his work took place in the 1950s because of the translations of Menghai and Wu Yan. From the late 1970s to the present, the number of translations and editions of Krylov's fables has been constantly increasing. Now in China there are more than 300 separate editions of his selected fables and 33 complete collections. At various times, at least 64 translators worked on translations of Krylov's fables into Chinese, and 15 of them translated all nine books of the collection of his fables (these are Wu Yan, He Shiying, Feng Jia, Gu Yu, Xin Weiai, Han Guiliang, He Maozheng, Pei Jiaqin, Qu Hong, Yue Yan, Shi Guoxiong, Ding Lu, Zhu Xiansheng, Qiu Jingjuan and Yang Jianfeng). Some translations are made in prose, but some in poetry. The article summarizes the history of translations of Krylov's fables in China and provides information about the most important translations and translators.

Key words: Krylov, fables, Russian literature in China, translations, translators.

For citation: Pei Jiang. *O perevodakh i perevodchikakh basen I.A. Krylova v Kitaye.* [On Translations and Translators of I.A. Krylov's Fables in China]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 90–95. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018926-4

В Китае басни И.А. Крылова пользуются достаточно широкой известностью, их знают и любят не только специалисты. Об этом можно судить уже по количеству их изданий. По данным сайта Всекитайского библиотечно-справочного союза[1], на китайском языке сейчас имеется не менее 300 отдельных изданий его избранных басен и 33 полных собрания, в которых представлены все 198 басен, разделенные самим поэтом на девять книг (а также – в ряде этих изданий – не включенные им в девять книг басни – ранние, шуточные и др.[2]). По нашим подсчетам, над переводами басен Крылова в Китае в разное время трудились не менее 64 переводчиков, а 15 из них перевели все девять книг "канонического" собрания его басен. Цель данной статьи – дать общее представление о наиболее важных, на наш взгляд, китайских переводах и переводчиках Крылова, поскольку эта сторона рецепции творчества великого русского баснописца в России практически неизвестна (и специально не изучалась: некоторые первоначальные сведения собраны лишь в двух публикациях последних лет (см.: [2]; [3]).

Первые китайские переводы басен Крылова появились более 120 лет назад. В шанхайской газете "Международное обозрение" ("万国公报"), которую издавали проповедник американской методистской церкви Линь Лэчжи (Young John Allen, 1836–1907) и его китайский помощник Жэн Тинсюй, в номерах за декабрь 1899 г. и май 1890 г. появились три басни Крылова: "Собачья дружба", "Щука" и "Лисица и Сурок" (переводы были сделаны в прозе с английского языка, см. о них: [4]; [3, с. 100]). Как в свое время впервые отметил Аин[3], это были первые переведенные в Китае произведения русской литературы [5][4].

Первый стихотворный перевод басни Крылова появился в 1925 г.: это была басня "Дуб и Трость", которую перевел Ли Бинчжи (李秉之), составитель и переводчик сборника "Русская классика", изданного Шанхайской библиотекой "Ядун"[5]. Перевод выполнен на современном разговорном китайском языке с упрощенной системой записи (байхуа), при этом Ли Бинчжи воспользовался формой китайского свободного стиха, в котором строки различаются по количеству слогов (иероглифов) и лишь некоторые строки зарифмованы, а некоторые остаются без рифмы. Вот, например, последние четыре стиха басни "Дуб и Трость":

Бушует ветр, удвоил силы он,
Взревел и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался [1, с. 9].

Перевод Ли Бинчжи:

橡樹挺立著——蘆葦向地上曲伏。
風怒吼，伊加倍力量抵住，
霹靂壹聲——連根拔出了，
頂天立地的橡樹。

В этих стихах последовательно выдержана одна рифма: "фу" (伏 – падать), "чжу" (住 – жить), "чу" (出 – вырвать), "шу" (树 – дерево). В других стихах перевода тоже встречаются рифмующиеся окончания, но далеко не во всех.

Перевод Ли Бинчжи – не только первый стихотворный перевод одной из басен Крылова, но и вообще первый перевод его басни, сделанный с языка оригинала. И это последний перевод из Крылова, появившийся до основания КНР, т.е. вплоть до 1949 г., на протяжении двух десятков и более лет, русский баснописец не заинтересовал ни одного из китайских переводчиков. Такая ситуация объяснима: в то неспокойное время китайцы интересовались прежде всего радикальными по духу произведениями о революции и войне. Басни Крылова в то время, вероятно, казались слишком умеренными.

[1] "全国图书馆参考咨询联盟" ("Цюаньго тушугуань цанькао цзысюнь ляньмэн"), ресурс базируется в провинции Гуандун; см.: http://www.ucdrs.superlib.net (дата обращения: 10 июля 2021 г.). По данным этого же ресурса, в китайских журналах находится более 350 публикаций, где речь идет о баснях Крылова (вопросу об изучении его басен в Китае будет посвящена наша следующая статья).

[2] В третьем томе изданного в 1945–1946 гг. полного собрания сочинений Крылова [1], которым пользовались многие китайские переводчики, после девяти книг авторского собрания басен (198 текстов) помещены разделы "Басни, не вошедшие в девять книг" (8 текстов), "Шуточные басни" (3 текста) и "Басни, приписываемые Крылову" (7 текстов).

[3] Китайский литератор, ученый и переводчик Цянь Синцунь (钱杏邨, 1900–1977), писавший под псевдонимом Аин (阿英), составитель сборника переводов русской литературы поздних лет династии Цин [5].

[4] Известный перевод "Капитанской дочки" А.С. Пушкина, сделанный с японского языка и вышедший отдельной книгой, появился позднее – в 1903 г. (см., например: [6, с. 126], [7, с. 378]).

[5] Крылов И.А. Дуб и Трость [橡树与芦苇] // Русская классика. Том 1 [俄罗斯名著 第一集] / Перевод и редакция Ли Бинчжи. Шанхай: Шанхайская библиотека "Ядун", 1925. С. 4 (на кит. яз.).

После 1949 г. первыми переводчиками и популяризаторами творчества Крылова стали Мэнхай (梦海, 1916–1980)[6] и У Янь (吴岩, 1918–2010)[7].

В 1950 г. в переводе Мэнхая вышла научно-популярная книга С.Н. Дурылина о Крылове, написанная к 100-летию со дня его смерти (1944)[8]. Книга небольшая, но именно по ней китайцы впервые получили общее представление о жизни и творчестве баснописца. Через год, в апреле 1951 г., вышло первое в Китае отдельное издание басен Крылова[9]. В нем было 20 басен, которые Мэнхай перевел прозой с языка оригинала. Обе книги были выпущены в Шанхае издательством "Эпоха", в то время подчинявшимся ТАСС (Телеграфному агентству Советского Союза). В декабре 1952 г. оно было безвозмездно передано правительству КНР. В марте 1953 г. в том же издательстве "Эпоха" (но теперь подчиненном Главному государственному управлению КНР по делам печати и издательств) вышел новый сборник басен Крылова в переводах Мэнхая, и в нем было уже 84 басни. Эти книги положили хорошее начало для популяризации творчества Крылова в Китае. В 1981 г., через год после смерти Мэнхая, в память о переводчике шанхайское издательство "Шаонянь эртун" ("Подростки и дети") выпустило новое собрание переведенных им басен Крылова (в нем 64 басни из 84-х, имеющихся в издании 1953 г., и 27 басен, переведенных им позднее).

У Янь первым осуществил перевод всех басен Крылова. В 1954 г. к 110-летию со дня смерти баснописца в шанхайском издательстве "Синьвэньи" ("Новая художественная литература") вышел сборник, включавший все девять книг его басен в переводах У Яня (198 текстов), а кроме того, три его ранние басни, не входящие в основное собрание ("Не вовремя гости", "Лев и человек", "Пир") [8]. Все басни У Янь тоже перевел прозой, но, в отличие от Мэнхая, он переводил их не с русского, а с английского языка. У Янь пользовался переводом Бернарда Пэйрза (1867–1949), сделанным в 1914–1918 гг. и переиздававшимся в 1926 и 1942 гг. До сих пор он считается лучшим из английских переводов басен Крылова (см. о нем: [9]), однако это все-таки не сам оригинал, что несколько снижает значение перевода У Яня (редакторы издания лишь подкорректировали немногие места по оригинальному русскому тексту). В послесловии к переводу У Янь писал: "Оригинал имеет стихотворную форму, версия Бернарда Пэйрза также... <...> Я переводил басни Крылова в прозе, пользуясь английской версией, к которой переводчик добавил пояснительные комментарии. По-моему, это принято в переводах, однако мой перевод только временная версия: я жду, когда кто-то другой переведет басни Крылова в стихах" [8, с. 328]. Тем не менее, перевод У Яня оказался едва ли не самым востребованным из переводов Крылова в Китае и остается востребованным до сих пор. Полностью его перевод переиздавался в 1959, 1969, 1979, 1996, 2005, 2006, 2007, 2010, 2011 и 2018 гг., а кроме того, многократно издавались сборники избранных басен в переводах У Яня.

В 1955 г. вышел первый сборник стихотворных переводов басен Крылова, которые сделал Чэнь Цифэн (陈奇峰); сборник был иллюстрированным и предназначался для детей, в нем было только восемь басен ("Ларчик", "Щука", "Зеркало и Обезьяна", "Свинья под Дубом", "Мартышка и Очки", "Осел", "Лягушка и Вол" и "Волк и Кот"). Для изучающих русский язык и литературу предназначался сборник билингва, изданный в Пекине в 1981 г.: в нем находится 45 басен, которые перевел стихами Синь Цзюнь (新军), с параллельными русскими текстами и комментариями переводчика.

Полный стихотворный перевод басен Крылова появился в Китае в 1983 г.: его осуществил Хэ Шиин (何世英), профессор Синьцзянского университета. Книга была выпущена издательством "Хуачэн чубаньшэ" ("Город цветов"), и в ней представлены все 198 басен, а также 5 басен, не входящих в девять книг (всего 203 текста). Впоследствии Хэ Шиин исправил некоторые из своих переводов, и в 2014 г. в том же издательстве вышла новая версия полного собрания басен Крылова в его переводах. Кроме того, в 2001 и 2007 гг. пекинское издательство "Чжунго шаонянь эртун" ("Подростки и дети Китая") выпустило два иллюстрированных полных собрания басен Крылова в переводах Хэ Шина и

[6] Настоящее имя – Чэнь Цзюньши (陈君实), выступал под псевдонимом Мэнхай; родился в г. У Цзинь провинции Цзянсу, жил в Шанхае, где был редактором издательства "Эпоха" (см. о нем ниже). Кроме басен Крылова переводил сказки Пушкина, сделал первый китайский перевод "Василия Теркина" А.Т. Твардовского (1956), занимался переводами советской литературы для детей ("Золотой луг" М.М. Пришвина, 1953; "Судьба барабанщика" А.П. Гайдара, 1955, и др.).

[7] Настоящее имя – Сунь Цзяцинь (孙家晋), выступал под псевдонимом У Янь; писатель, автор сборников рассказов "Ждать" ("株守"), "Осенний ветер под заходящим солнцем" ("落日秋风") и др.; возглавлял Шанхайское издательство переводов; переводил в основном с английского языка. Кроме басен Крылова в Китае большой популярностью пользуются переведенные У Янем стихотворения Рабиндраната Тагора.

[8] *Дурылин С.Н.* И.А. Крылов: (К столетию со дня смерти). М.: ГИХЛ, 1944. 70 с. Ср.: *Дурылин С.Н.* И.А. Крылов: краткий очерк жизни и творчества [克雷洛夫评传] / Перевод Мэнхая. Шанхай, 1950. 95 с. (на кит. яз.).

[9] Басни Крылова [克雷洛夫的寓言] / Перевод Мэнхая. Шанхай, 1951. 174 с. (на кит. яз.).

другого переводчика – Фун Цзя (冯加) (в обоих изданиях тоже находятся по 203 басни).

В 1983 г. как переводчик Крылова впервые выступил и Гу Юй (谷羽, род. 1940)[10], чьи переводы являются, пожалуй, самыми удачными в Китае. Первый сборник басен Крылова в его переводах – "Осел и Соловей" (驴子和夜莺) – вышел в Харбине в 1983 г.: в нем 166 басен, переведенных в стихах. Полное собрание басен Крылова в переводах Гу Юя вышло в 2004 г. в пекинском издательстве "Яньшань" (203 басни, т.е. 198 басен основного собрания и 5 не входящих в него), а затем несколько раз переиздавалось другими пекинскими издательствами – в 2013, 2016, 2019 и 2020 гг. В двух последних изданиях (2019 и 2020 гг.) имеется уже 208 басен (добавились новые не входящие в основное собрание басни "Подсвечник и Огарок", "Два извозчика", "Паук и Гром", "Осел и Заяц" и "Комар и Волк"). Сборники избранных басен Крылова в переводах Гу Юя выходили в 2016 г. (166 басен) и 2020 г. (98 басен). Высокое мастерство Гу Юя заключается в точности и художественной выразительности его переводов, близких и понятных рядовым китайским читателям, в том числе школьникам (некоторые из названных изданий адресованы именно школьникам).

Переводы Хэ Шиина и Гу Юя, впервые появившиеся в 1983 г., можно рассматривать как определенную веху в истории перевода басен Крылова. Во-первых, именно после этого времени количество переводов начинает стремительно возрастать: с 1951 до 1983 г. отдельными книгами были изданы не более 10 сборников басен Крылова, с 1984 до 1990 г. – 4 сборника, а с 1990 до 2000 г. – уже 23, с 2000 до 2010 г. – 127, с 2010 до 2021 г. – 170 сборников. Во-вторых, после 1983 г. китайские переводчики Крылова начинают четко делиться на занимающихся переводами в прозе или в стихах.

Переводчик и писатель Синь Вэйай (辛未艾, 1920–2002)[11] относится к первой группе. Полное собрание переведенных им в прозе басен Крылова выходило в 1992 и 2007 гг., а сборники избранных басен – в 1995 г. (163 басни), 2003 г. (94 басни) и 2009 г. (163 басни). В этих переводах Синь Вэйай продемонстрировал замечательное искусство рассказчика, все басни в его переводах логичны и занимательны, но сторонники стихотворных переводов не одобряют его опыт. Так, Хань Гуйлян (韩桂良) в рецензии на первый (1992 г.) сборник басен Крылова в его переводах писал: "Басни Крылова трудно переводить, не теряя особенностей оригинала. Мы ценим, что господин Синь Вэйай приложил большие усилия, но, к сожалению, в его переводе нет ни рифм, ни крылатых слов и выражений, уже по этой причине это не идеальный перевод" ([10]).

В 1997 г. Хань Гуйлян издал свои переводы всех входящих в основное собрание 198 басен Крылова, сделанные в стихах (Тайюань: Бэйюэ, 1997). В предисловии переводчик отметил, что самый частотный в баснях Крылова стих состоит из 12 или 13 слогов, значит и в китайском переводе в большинстве случаев должно быть 12 или 13 иероглифов в строке. В своем переводе Хань Гуйлян придерживался этого правила, а также постарался найти китайские соответствия крылатым словам и выражениям, которые делают басни Крылова доступными и интересными для читателей любого возраста.

Большой вклад в изучение басен Крылова внес Хэ Маочжэн (何茂正, род. 1931)[12]. В 1983 г. вышла переведенная им совместно с Тянь Баоши (田宝石) монография Н.Л. Степанова "Басни Крылова" (М.: Худож. лит., 1969. 112 с.), которая стала второй в Китае книгой о русском баснописце (после книги С.Н. Дурылина в переводе Мэнхая), а в мае 1997 г. в Чжэцзянском издательстве художественной литературы вышло "Полное собрание басен И.А. Крылова" в переводах Хэ Маочжэна [11]. В этом издании представлены не только все 198 басен в девяти книгах, но и все не вошедшие в них басни, в том числе незавершенные и приписываемые Крылову (всего 226 текстов). Издание иллюстрированное, в нем более 70 иллюстраций, портрет баснописца и фотокопии его рукописей. Все переводы в книге сделаны в стихах, под каждой басней имеются комментарии Хэ Маочжэна, где среди прочего показаны разные редакции и варианты. Это издание предназначено в первую очередь для специалистов по русской литературе, для исследователей творчества Крылова. К сожалению, эта очень полезная для китайских русистов книга полностью пока не переиздавалась, но

[10] Настоящее имя – Гу Хэндун (谷恒东), выступает под псевдонимом Гу Юй; русист, профессор Нанькайского университета; среди его переводов – сборники "Любовная лирика Пушкина" (1997), "Триста стихотворений русских поэтов" (1999), "Рассказы и повести Чехова" (2004) и др. В 1999 г. Министерством культуры РФ Гу Юй был награжден медалью Пушкина за многолетнюю литературную деятельность в области сближения культуры России и Китая.

[11] Настоящее имя – Бао Вэньди (包文棣), выступал под псевдонимом Синь Вэйай; долгое время был главным редактором Шанхайского издательства переводов; занимался вопросами теории литературы и историей русской литературной критики, переводил статьи В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова и др.

[12] Хэ Маочжэн – профессор Северо-восточного педагогического университета; ему принадлежат переводы многих произведений Пушкина, один из переводов романа Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы" (сделан совместно с Фун Хуаином) и др.

выходили избранные басни в переводах Хэ Маочжэна, адресованные школьникам, – в 2003 и 2012 гг. (в этих сборниках по 86 басен). В предисловии к изданию 1997 г. переводчик заметил: “Я понимаю, что Эзоп, Жан де Лафонтен и И.А. Крылов в равной мере достойны признания – это три самых известных баснописца в мире. Их произведения – мировая классика басни. Однако по художественному очарованию Крылов превосходит первых двух” [11, с. 10].

В XXI веке количество переводов и переводчиков Крылова еще более увеличилось, здесь мы можем только их перечислить. Стихотворные переводы полного собрания басен Крылова осуществили Пэй Цзяцинь (裴家勤) (Нанкин: Илинь чубаньшэ, 2000. 412 с.), Цюй Хун (屈洪) и Юе Янь (岳岩) (Пекин: Жэньминь вэньсюе чубаньшэ, 2003. 274 с.; книга вышла в серии “Переводы мастеров”). Переводчик Ши Госюн (石国雄) перевел все басни Крылова сначала стихами, а потом прозой и опубликовал оба варианта (в Гуйлине в 2004 и 2009 гг.). Известный китайский переводчик Дин Лу (丁鲁, род. 1934), переводивший “Евгения Онегина” Пушкина, стихотворения Н.А. Некрасова, С.А. Есенина и др., тоже опубликовал свой перевод всех басен Крылова в стихах (Ухань: Чанцзян вэньи чубаньшэ, 2009. 296 с.), причем для передачи коллоквиализмов русского баснописца на китайском языке переводчик применил так называемую эризацию (儿化音) – фонетическое варьирование слов путем добавления на конце слогов или слова суффикса “эр” (儿), характерного для разговорной речи в северных регионах Китая. Чжу Сяньшэн (朱宪生, род. 1947), профессор Шанхайского педагогического университета, которому принадлежат переводы полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева, сборника стихотворений И.С. Тургенева и др., также перевел все басни Крылова стихами, причем его переводы в последнее время оказались очень востребованными и не раз переиздавались. Полные собрания басен Крылова в переводах Чжу Сяньшэна выходили в различных пекинских издательствах в 2008, 2015 и 2016 гг., а сборники избранных басен – в 2008 и 2021 гг. (в обоих по 113 басен)[13]. Все басни Крылова перевел также Ян Цзяньфун (杨建峰), книга его переводов вышла в Наньчане в 2018 г., но это очень вольные переводы, далекие от оригиналов. В том же 2018 г. вышло полное собрание басен Крылова, подготовленное Комитетом перевода и редакции классики (Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2018. 276 с.) – коллективный труд, заслуживающий отдельного обсуждения.

Уже несколько поколений китайских переводчиков с энтузиазмом занимаются баснями Крылова, практически каждый год появляются новые переводы. Так, в 2020 г. вышли два сборника его избранных басен в новых переводах, которые сделали Жэнь Жунжун (任溶溶) (84 басни) и Вэй Вэй (韦苇) (173 басни).

К сказанному стоит добавить, что басни Крылова в Китае переводились не только на китайский язык: полные собрания его басен в Китае выходили на казахском языке (1981, 2010), корейском (1983), монгольском (2006) и уйгурском (2007) (все эти переводы были сделаны в Китае гражданами КНР). И, наконец, в 2020 г. вышел первый сборник драматических произведений Крылова, ранее никогда не переводившихся на китайский язык: книга вышла в серии “Золотая Россия” [金色俄罗斯], начатой в 2014 г.[14] Переводчик Ли Чуньюй [李春雨] перевел все 13 пьес Крылова (включая незавершенные). Для популяризации его творчества в Китае выход такой книги имеет огромное значение.

Изучение особенностей рецепции басен Крылова в Китае, в том числе тех, что отразились в названных выше переводах, – дело будущего. Пока можно констатировать, что слава великого русского баснописца к нашему времени стала поистине всемирной, достигнув Китая, где его басни оказались нужны и интересны самым разным читателям и получили новую жизнь, облачившись в мантию китайской поэзии, поскольку перевод в Китае – в особенности поэтический – нацелен не просто на передачу смысла текста, а на художественное воссоздание оригинала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крылов И.А.* Полн. собр. сочинений: В 3 т. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма / Редакция Д.Д. Благого; подг. текста и примеч. Н.Л. Степанова (басни), Г.А. Гуковского (стихотворения), С.М. Бабинцева (письма). М.: Гос. изд-во худож. лит. 1946. 618 с.
2. *Цю Цзинцзюань* [邱静娟]. Перевод и исследования И.А. Крылова в Китае [中国的克雷洛夫译介和研究] // Вестник Фуянского педагогического

[13] Сборник избранных басен 2008 г. и полное собрание 2015 г. вышли под именами двух переводчиков: Чжу Сяньшэн и Цзю Цзинцзюань (邱静娟), последняя – доцент Аньхойского педагогического университета, написавшая статью об изучении Крылова в Китае [2] (ряд басен в этих сборниках представлен в ее переводах).

[14] Французский маркиз: пьесы И.А. Крылова [法国侯爵—克雷洛夫剧作集] / Перевод Ли Чуньюя. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2020. 572 с. (на кит. яз.). В заглавие книги вынесено название одной из пьес в китайском переводе: комедию “Урок дочкам” Ли Чиньюй озаглавил по-своему: “Французский маркиз”.

института [阜阳师范学院学报]. 2014. № 2. С. 68–70 (на кит. яз.).

3. *Ли Чуньюй*. Перевод и изучение творчества И.А. Крылова в Китае // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2 (57). С. 99–107.

4. *Чэнь Цзяньхуа* [陈建华]. От "Басни русского народа" к "Басням Крылова": о раннем этапе распространения русской литературы в Китае [从"俄人寓言"到"克雷洛夫寓言"— 谈谈中国早期的俄国文学译介] // Чэнь Цзяньхуа [陈建华]. Литературные отношения Китая и России в XX веке [20世纪中俄文学关系]. Шанхай: Сюелинь, 1998. С. 1–21 (на кит. яз.).

5. *Аин* [阿英]. Предисловие [叙例] // Сборник художественных произведений поздних лет династии Цин. Переводы русской литературы: В 2 ч. [晚清文学丛钞·俄罗斯译文卷上册] / Ред. и составитель: А Ин. Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 1961. Ч. 2. С. 1 (на кит. яз.).

6. *Лю Вэньфэй*. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 5. С. 126–130.

7. *Чжэн Тиу*. Влияние русской словесности на литературный процесс в Китае (1898–1949) // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 373–396.

8. *Крылов И.А.* Басни [克雷洛夫寓言] / Перевод У Яня [吴岩]. Шанхай: Синьвэньи чубаньшэ, 1954. 329 с. (на кит. яз.).

9. *Крицкая Н.В.* Бернард Пэйрз, переводчик Крылова // В мире научных открытий. 2014. № 11–12 (59). С. 4882–4894.

10. *Хань Гуйлян* [韩桂良]. Басня Крылова как стихотворение: размышления при чтении "Сборника басен Крылова" <в переводе Синь Вэйая> [克雷洛夫寓言是诗—读辛译《克雷洛夫寓言集》的几点感想] // Иностранные языки [外国语]. 1994. № 1. С. 65–70 (на кит. яз.)

11. *Крылов И.А.* Полное собрание басен [克雷洛夫寓言全集] / Перевод Хэ Маочжэна (何茂正). Ханчжоу: Чжэцзян вэньи чубаньшэ, 1997. 641 с. (на кит. яз.)

REFERENCES

1. Krylov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. T. 3: Basni. Stikhotvoreniya. Pisma* [Complete Works in 3 vols. Vol. 3: Fables. Verses. Letters]. Moscow, 1946. 618 p. (In Russ.)

2. Qiu Jingjuan. *Zhongguo de keleiluofu yijie he yanjiu* [Krylov's Translations and Research in China]. *Fuyang shifan xueyuan xuebao* [Journal of Fuyang Normal University], 2014, No. 2, pp. 68–70. (In Chinese)

3. Li Chunyu. *Perevod i izuchenie tvorchestva I.A. Krylova v Kitae* [Translation and Study of I.A. Krylov's Work in China]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2021, No. 2 (57), pp. 99–107. (In Russ.)

4. Chen Jianhua. *Cong "eren yuyan" dao "keleiluofu yuyan": tantan zhongguo zaoqi de eguo wenxue yijie* [From "The Fables of the Russians" to "The Fables of Krylov" – Talking about the Translation of Russian Literature in Early China]. *Chen Jianhua. Ershi shiji zhonge wenxue guanxi* [Literary Relations between China and Russia in the 20th Century]. Shanghai, Xuelin Press Publ., 1998, pp. 1–21. (In Chinese)

5. Aying (ed.). *Wanqing wenxue congchao eluosi yiwen juan shangce* [Late Qing Dynasty Literature Collection Notes. Russian Translations in 2 Vols. Vol. 1]. Beijing, China Bookstore Publ., 1961. (In Chinese)

6. Liu Wenfei. *Perevod i izuchenie russkoj literatury v Kitae* [Translation and Study of Russian Literature in China]. *Novoe literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2004, No. 5, pp. 126–130. (In Russ.)

7. Zheng Tiwu. *Vliyanie russkoj slovesnosti na literaturnyj process v Kitae (1898–1949)* [Translation and Study of Russian Literature in China *(1898–1949)*]. *Russkaya literatura v zerkalakh mirovoj kultury: recepciya, perevody, interpretacii* [The Influence of Russian Literature on the Literary Process in China]. Moscow, 2015, pp. 373–396. (In Russ.)

8. *Keleiluofu yuyan* [I.A. Krylov's Fables]. Transl. by Wu Yan. Shanghai, Xin wenyi Publ., 1954. 329 p. (In Chinese)

9. Krickaya, N.V. *Bernard Pejrz, perevodchik Krylova* [Bernard Pares, Krylov's Translator]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the World of Scientific Discoveries], 2014, No. 11–12 (59), pp. 4882–4894. (In Russ.)

10. Han Guiliang. *Keleiluofu yuyan shi shi: du xinyi "keleiluofu yuyan ji" de jidian ganxiang* [The Krylov's Fables is Verses: A Few Thoughts of Reading Xin's Translation of "The collection of Krylov's Fables"]. *Waiguoyu* [Foreign Languages], 1994, No. 1, pp. 65–70. (In Chinese)

11. *Keleiluofu yuyan czuanczy* [Complete Collection of I.A. Krylov's Fables]. Transl. by Khe Maochzhen. Hangzhou, 1997. 641 p. (In Chinese)

Дата поступления материала в редакцию: 25 августа 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 сентября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on August 25, 2021
Revised on September 15, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018920-8

Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии

© 2022 г. К. В. Брылева

Аспирант, преподаватель Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
kvbryl@mail.ru

Резюме. В статье анализируется отношение Николая Гумилева к Теофилю Готье и Полю Верлену, прослеживается история возникновения идеи противопоставить двух французских поэтов друг другу. Автор опровергает тезис о том, что отношение Гумилева к Верлену со временем смягчилось, и доказывает, что мнение Гумилева о Верлене оставалось неизменным, хотя и противоречивым.

Ключевые слова: Николай Гумилев, Теофиль Готье, Поль Верлен, акмеизм, французская поэзия.

Для цитирования: *Брылева К.В.* Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 96–104. DOI: 10.31857/S160578800018920-8

Gautier Versus Verlaine: Nikolay Gumilyov’s Preferences in French Poetry

© 2022 Katerina V. Bryleva

Post-graduate student, teaching instructor at the National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
kvbryl@mail.ru

Abstract. The article examines N. Gumilyov’s attitude towards T. Gautier and P. Verlaine and traces the origin of the opposition between these French poets. The author refutes the thesis that Gumilyov’s opinion of Verlaine softened over time, and proves that it remained unchanged, albeit contradictory.

Key words: Nikolay Gumilyov, Théophile Gautier, Paul Verlaine, acmeism, French poetry.

For citation: Bryleva, K.V. *Gotje protiv Verlena: ob odnom predpochtenii N. Gumileva vo francuzskoj poezii* [Gautier Versus Verlaine: Nikolay Gumilyov’s Preferences in French Poetry]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 96–104. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018920-8

В неоконченном шуточном стихотворении Мандельштама о Гумилеве есть такие строки:

Автоматичен, вежлив и суров,
На рубеже двух славных поколений
Забыл о бесхарактерном Верлене
И Теофиля принял в сонм богов [1, с. 319].

Точное время написания стихотворения неизвестно: в комментарии к собранию сочинений Мандельштама А.Г. Мец рассматривает и затем отвергает версию о том, что стихотворение следует датировать 1915 годом: "Ст-ние, вероятнее, было написано раньше – в 1913 г. (не ранее осени 1912 г.)" [2, с. 695].

Гумилев публикует первые переводы из Готье и статью о нем еще в 1911 г., тогда как переведенный им сборник Готье "Эмали и камеи" появится на русском языке годом позже, в 1914 г. Почему тогда исследователь выбирает для датировки именно 1913 год? А.Г. Мец объясняет свой выбор следующим образом: «Сравнительная характеристика Поля Верлена и Теофила Готье в ст-нии (ст. 3–4) основывается, по-видимому, на том, что Готье был назван Гумилевым среди имен, составлявших "краеугольные камни акмеизма"» [2, с. 695].

Речь идет о программной гумилевской статье 1913 г. "Наследие символизма и акмеизм", так называемом акмеистическом манифесте, опубликованном в январском номере "Аполлона", в котором Гумилев называет Готье в одном ряду с Шекспиром, Рабле и Вийоном [3, с. 150] и таким образом причисляет его к великим и актуальным для акмеизма авторам, то есть, следуя формулировке Мандельштама, "принимает в сонм богов".

Этот факт объясняет появление в стихотворении Готье, но не Верлена, поскольку последний в статье Гумилева не упоминается. Зато его имя возникает в статье, вышедшей одновременно с гумилевской, – акмеистическом манифесте С. Городецкого "Некоторые течения в современной русской поэзии", где Гумилеву дается следующая характеристика:

Действительно, надо было иметь много отваги и бескорыстной любви к будущему, чтобы в то время, когда расцвета своего достигла лиро-магическая поэзия, исповедать и в лирике завет Теофиля Готье:

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней! –
Стих, мрамор иль металл.

Как новый и бесстрашный архитектор, Н. Гумилев решил употреблять в поэзии только "бесстрастный материал". В этом решении тем большая видна дерзость, что по характеру своей поэзии Н. Гумилев скорее всего лирик, – музыка Верлена, магия Блока, – вот какие первоклассные твердыни он не побоялся атаковать из любви к беспристрастию [4, с. 89].

Хотя в приведенном фрагменте Готье противопоставляется не только французскому поэту, но и русскому – Блоку, мы встречаем здесь ту же антитезу, что и в стихотворении Мандельштама: Готье против Верлена, Верлен,"забытый" ради "бога" Готье. Городецкий использует это противопоставление для того, чтобы подчеркнуть, какое серьезное творческое решение принято его коллегой по цеху – стремиться к бесстрастности в своей поэзии, несмотря на изначальную склонность к лиризму.

Та же антитеза, рассмотренная, впрочем, не на материале творческой эволюции Гумилева, а скорее в историко-литературном контексте, обнаруживается в статье Василия Львова-Рогачевского "Символисты и наследники их" (июль 1913 г.): автор рассказывает о том, как на смену поколению Т. Готье и братьев Гонкуров, равнодушных к музыке[1], пришло поколение Малларме и Верлена, напротив, музыку превозносящих [6, с. 248]. Как и в тексте Городецкого, здесь присутствует связка "Верлен и музыка" – во многом из-за известнейшей верленовской строки "De la musique avant toute chose..." ("Музыки прежде всего...") из стихотворения "L'art poétique" ("Поэтическое искусство"). По Львову-Рогаческому, акмеисты отвергают музыкальность, как в свое время и Готье [6, с. 249].

Более подробно исследует нелюбовь акмеистов к музыке К. Чуковский в рецензии 1915 года на книгу стихов С. Городецкого "Цветущий посох":

Акмеисты ненавидят музыку: они всячески ее вытравливают из своих душ и стихов. Магические чары лирной музыки, пьянившие доселе поэтов, кажутся им лживее лжи. Их задача: преодолеть эти чары. Если Верлен восклицал: "Музыки прежде всего!" – то они, ему наперекор, повторяют: "Архитектуры, скульптуры!". Строй свою поэму, как башню, как часовню, как мост, будь не музыкантом, но каменщиком. У акмеистов Эренбурга и О. Мандельштама много таких каменных стихов [7, с. 404].

У Чуковского Верлен и музыка противопоставляются творчеству и идеологической позиции

[1] В отношении к музыке Н.С. Гумилев стоял на стороне Т. Готье: ср. свидетельство С. Маковского, который пишет в своих воспоминаниях: «Гумилев настолько восхищался французским Учителем, что хотел быть похожим на него и недостатками. Готье не понимал музыки. Не раз говорил мне Николай Степанович не без гордости, что и для него симфонический оркестр не больше, как "неприятный шум"» [5, с. 68].

акмеистов с их любовью к скульптуре (метафора "поэт как скульптор", по-видимому, напрямую взята из стихотворения Готье "Искусство") и архитектуре[2].

Наиболее явно противопоставление Верлен – Готье проговаривается в статье В.М. Жирмунского "Преодолевшие символизм" (1916), которую Гумилев считал лучшим из всего, что написано об акмеизме "со стороны"[3]:

> Если символисты ссылались на поэтическое учение Бодлера о "соответствиях" ("correspondances") и на слова Верлена "De la musique avant toute chose!.. Pas la couleur, rien que la nuance!" ("Музыки прежде всего!.. Не надо тонов, только оттенки!"), то Гумилев приводит слова любимого им поэта Теофиля Готье:
>
> Созданье тем прекрасней,
> Чем взятый материал
> Бесстрастней! –
> Стих, мрамор иль металл [9, 450].

Заметим, что, как и в случае с акмеистическим манифестом Городецкого, Верлен и Готье являются у Жирмунского не единственными участниками противопоставления: у Городецкого к Верлену присоединялся Блок, здесь в роли его союзника выступает Бодлер. Однако именно сравнение с Верленом оказывается для тех, кто писал о новой поэтической школе, удобным способом показать то новое, что акмеисты привносят или пытаются привнести в русскую поэзию. Позднее это противопоставление возникает как уже вполне очевидное в статье все того же Городецкого 1918 г.:

> Я говорю о парнассизме. Он свил себе гнездо в цехе поэтов, где <...> появилось течение, выдвигавшее как образец поэзию Теофиля Готье (Гумилев, Мандельштам). После перевода Гумилевым книги "Эмали и Камеи" это течение несколько распространилось. Его сторонники противопоставили верленовской музыке требование внешней скованности стиха, лиризм они заменили продуманностью, искренность – искусственностью, от образа они требовали не музыкальной эмоции, а пластической неподвижности [10, с. 4].

Актуальна ли была эта антитеза для самого Гумилева? Какова была его оценка Т. Готье и П. Верлена? Противополагал ли он двух этих поэтов друг другу? Попробуем наметить вариант ответа сначала на вопрос о Готье, поскольку об отношении Гумилева к нему прямых свидетельств существует больше.

Еще в 1911 г. Гумилев публикует статью о Готье, а также перевод четырех его стихотворений в журнале "Аполлон". Тексты этих стихотворений французского поэта, прибавив к ним перевод стихотворения Готье "На берегу моря", Гумилев впоследствии вставляет в свою книгу "Чужое небо" (вышла в апреле 1912 г.). Г.П. Струве отмечал, что "ни до, ни после того Гумилев не включал переводов в сборники своих оригинальных стихов" [11, с. 564], следовательно, из всех переводимых им поэтов именно Готье воспринимался Гумилевым настолько интимно, что можно было сделать его стихи составляющей частью собственной поэтической книги. Затем Гумилев целиком переводит главный поэтический сборник Готье "Эмали и камеи" (этот перевод вышел в 1914 г.), что, согласно Г.К. Косикову, "следует рассматривать как программную для Гумилева-акмеиста акцию" [12, с. 310].

Более того, согласно воспоминаниям С. Маковского о Гумилеве, "Готье был для него идеалом поэта" [5, с. 68]. Гумилев подчеркивает совершенство его произведений и в своем акмеистическом манифесте ("Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды *безупречных*[4] форм" [3, с. 150]), и в статье о Готье 1911 г. («даже до 1857 года, когда Бодлер, посвящая Теофилю Готье свои "Цветы Зла", назвал его *непогрешимым* поэтом и совершеннейшим волшебником французской словесности, мнение о безусловной *безупречности* его произведений разделялось во всех кругах, не чуждых литературе» [3, с. 100]). Не менее важна для Гумилева идея Готье о том, что настоящее искусство невозможно без трудовых усилий: «Такое творчество требует мощного и равномерного напряжения всех сил духа, и Теофиль Готье провозгласил лозунг "крепкого искусства" (l'art robuste), которому единственно принадлежит вечность» [3, с. 227] (1920). Как мы уже отмечали чуть выше, в стихотворении "L'art" Готье сравнивает поэта со скульптором: ему предписывается "бороться" с материалом – неподатливым, твердым, сопротивляющимся[5]. И именно эту идею максимального сопротивления Гумилев делает лозунгом нового литературного направления – акмеизма: "...акмеистом труднее быть, чем

[2] Говоря об архитектуре, Чуковский может отсылать к уже упомянутому манифесту Городецкого, где Гумилев сравнивается с архитектором, хотя, вероятнее всего, этот вид искусства возникает под влиянием упомянутых стихотворений Эренбурга и Мандельштама (первый, как мы знаем, акмеистом не был).

[3] См. письмо Гумилева к Л. Рейснер: "Я прочел статью Жирмунского. Не знаю, почему на нее так ополчались. По-моему, она лучшая статья об акмеизме, написанная сторонним наблюдателем, в ней много неожиданного и меткого" [8, с. 202].

[4] Здесь и далее курсив в цитатах мой. – *К.Б.*

[5] "Lutte avec le carrare, / Avec le paros dur / Et rare, / Gardiens du contour pur" [13, с. 200].

символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления – всегда идти по линии наибольшего сопротивления" [3, с. 148].

Если отношение Гумилева к Теофилю Готье в достаточной мере изучено, о его взглядах на поэзию Верлена известно гораздо меньше. Пожалуй, самая подробная попытка кратко суммировать отношение Гумилева к Верлену предпринята в комментариях к гумилевскому восьмитомному собранию сочинений (Баскер и др.):

> Отношение к Полю Верлену (Verlaine, 1844–1896) как к адепту "чистого искусства", яркому, но содержательно-неглубокому (если не "бессодержательному", особенно – в сопоставлении с Теофилем Готье и Леконтом де Лилем) характерно для Гумилева в годы "Преодоления символизма" (см. стр. 14–19 № 24 наст. тома). В дальнейшем он, по всей вероятности, пересмотрел свои взгляды: по свидетельствам Е.Г. Полонской и С.К. Эрлих, Гумилев сочувственно цитировал "Поэтическое искусство" и другие верленовские стихи на занятиях по теории поэзии в 1919–1920 гг. (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 157[6], 189) [14, с. 413].

В подтверждение тезиса о прохладном отношении Гумилева к Верлену в комментарии дается ссылка на следующий фрагмент статьи "Жизнь стиха", где, разбирая идеологию представителей "искусства для жизни" и "искусства для искусства", Гумилев пишет о последних:

> Для нас, принцев Песни, властителей замков грезы, жизнь только средство для полета: чем сильнее танцующий ударяет ногами землю, тем выше он поднимается. Чеканим ли мы свои стихи, как кубки, или пишем неясные, словно пьяные, песенки, мы всегда и прежде всего свободны и вовсе не желаем быть полезными. Отсюда – Эредиа, Верлен, у нас – Майков [3, с. 51].

Как кажется, комментарий из собрания сочинений Гумилева требует уточнения. Прежде всего, статья "Жизнь стиха" написана в 1910 г., поэтому назвать этот период временем "преодоления символизма" можно лишь с большой натяжкой[7], о чем говорит и тот факт, что статья заканчивается словами: "Теперь же мы не можем не быть символистами. Это не призыв, не пожелание, это только удостоверяемый мною факт" [3, с. 60].

Кроме того, хотя процитированный фрагмент отчетливо ироничен, Гумилев столь же скептически пишет об адептах "искусства для жизни": «Крестьянин пашет, каменщик строит, священник молится, и судит судья. Что же делает поэт? Почему легко запоминаемыми стихами не изложит он условий произрастания различных злаков, почему отказывается сочинить новую "Дубинушку" или обсахаривать горькое лекарство религиозных тезисов?» [3, с. 51]. И хотя далее Гумилев склоняется к тезису "искусства для жизни" ("Все же, если выбирать из двух вышеприведенных тезисов, я сказал бы, что в первом больше уважения к искусству и понимания его сущности" [3, с. 52]), нельзя сказать, что он критикует Верлена именно за приверженность концепции "искусства для искусства". Ведь еще одним последователем, если не сказать создателем этой концепции был как раз Теофиль Готье, и это вовсе не мешало Гумилеву впоследствии "преодолевать символизм", вооружившись его именем.

Наконец, требует уточнения тезис о сочувственном цитировании Верлена в 1919–1920 гг. Е. Полонская и С. Эрлих действительно упоминают Верлена в связи с Гумилевым:

> Все, чему он учил нас, было пронизано борьбой с риторикой и декламацией, – в этом сказывалось влияние на него французского символизма. "Музыки, музыки прежде всего!" – требовал он вслед за Верленом (Е.Г. Полонская о занятиях в студии "Всемирной литературы") [16, с. 159].
>
> Очень любил и хорошо знал французскую поэзию. Часто отводил занятия для знакомства с так называемыми современными течениями. Упоминал Верлена, Бодлера, Малларме, Леконта де Лиля, Шарля Вильдрака" (С. Эрлих) [17, с. 189].

Однако Гумилев начинает "сочувственно цитировать" самое известное стихотворение Верлена "L'art poétique" задолго до преподавания в литературной студии при издательстве "Всемирная литература". Уже в 1908 г. он пишет в комплиментарном отзыве на сборник Кузмина "Сети":

> Вместе с Верленом разделяет он ненависть к так называемой литературе (1908) [3, с. 14].

Имеется в виду последняя строка стихотворения Верлена: "Et tout le reste est littérature" ("Все остальное – литература").

Скрытую цитату из все той же строки (которая, впрочем, к этому времени вошла в русскую культуру и стала крылатым выражением) можно встретить и в гумилевском отзыве на поэтическую книгу Владимира Пяста "Ограда":

[6] В собрании сочинений номер страницы указан неверно, должно быть с. 159.

[7] В статье "Анненский и Гумилев" Р.Д. Тименчик датирует (со ссылкой на Ахматову) первое "акмеистическое" стихотворение Гумилева 1911 годом: «13 апреля 1911 года в Обществе ревнителей художественного слова Гумилев прочел стихотворение "Блудный сын" и был резко раскритикован Вячеславом Ивановым. Ахматова называла "Блудного сына" первой акмеистической вещью Гумилева <...>» [15, с. 257].

Но Вл. Пяст живет в наше время, ему нельзя молиться, ему надо писать стихи. И вот, чтобы получилось стихотворение, он присочиняет к строкам вдохновенным строки искусно сделанные, поэзию мешает с литературой (1909) [3, с. 41].

Слово “литература” здесь явно употреблено Гумилевым в уничижительном смысле.

Более того, находя в стихотворениях сотоварищей по “Цеху поэтов” верленовские мотивы, Гумилев уже в начале и середине 1910-х годов отзывался о них с одобрением. Так, в рецензии на книгу стихов Г. Иванова “Вереск” он с сожалением говорит об исчезновении стихотворений, вдохновленных Верленом:

И так грустно не встречать в “Вереске” прежних милых и простых песенок, слегка “под Верлена”, читая которые не знаешь, ощущение ли так легко оковывается ритмом, или ритм сам порождает ощущение, в то время как рифмы звенят, словно хлопание детских ладошек в такт незатейливой пляске (1916) [3, 194].

Другой пример – рецензируя книгу стихов Мандельштама “Камень”, Гумилев вновь упоминает “Поэтическое искусство” Верлена:

“Silentium” с его колдовским призыванием до-бытия – “останься пеной, Афродита, и, слово, в музыку вернись” – не что иное, как смелое договаривание верленовского “L’Art poétique” (1916) [3, с. 198].

Наконец, Гумилев говорит о поэзии Верлена как о безусловно важной составляющей части истории французской поэзии в статьях о Готье и Бодлере:

Прошло сорок лет со дня смерти Теофиля Готье. Мы много пережили за это время. Верлен требовал “оттенков, и только оттенков” и заставил нас полюбить “серую песенку”. Малларме учил нас писать стихотворения, более похожие на кабалистические знаки <...> (“Теофиль Готье”, 1911) [3, 105].

Вот язык, которым никто не говорил до Бодлера, да и после многие ли? Теофиль Готье, Верлен, кто же еще? (“Поэзия Бодлера”, 1919) [3, с. 233].

Откуда же тогда берется представление о прохладном отношении Гумилева к Верлену? Самая подробная оценка поэзии Верлена содержится в гумилевской рецензии 1912 г. на книгу переводов Валерия Брюсова “Поль Верлен. Собрание стихов”[8]. Как и в других своих статьях и рецензиях, здесь Гумилев прежде всего говорит о важном месте Верлена в истории мировой поэзии – с этого начинается статья:

Странная судьба выпала на долю Верлена. Предыдущее поколение, как-то сразу после долгого невнимания, провозгласило его своим мэтром, его имя было девизом, его стихами зачитывались. Даже и теперь седеющие символисты, вроде Ренэ Гиля, великодушно позабыв былые распри, посвящают ему целые исследования [3, с. 116].

Однако затем оммаж Верлену сменяется его критикой:

Но молодое поколение французов, в лице своих наиболее ярких представителей, упорно не хочет о нем думать. У нас тоже. Из модернистов его переводили только Брюсов, Анненский и Сологуб. Молодость молчит. Этому факту может быть много объяснений. Например: символизм при своем возникновении имел много общего с романтизмом, расширенным, углубленным и облагороженным. А Верлен является прямым продолжателем столь дорогого романтикам Виллона. Он был искренен, влюбчив, свободно-изящен, набожен и развратен, – в самом деле пленительная фигура, когда у людей есть запас веселой и бездумной энергии, не растраченной их сонливыми отцами, парнасцами или косноязычными поэтами наших восьмидесятых годов. Но у молодежи нет такого богатого наследства, а привычка к веселью осталась, и вот она строже выбирает своих любимцев, требуя от них широких замыслов и достойного их выполнения, сознательных и плодотворных усилий и не ребяческого воодушевления, а священного огня Прометея. У Верлена, очевидно, этого не было. Его поэзия – это лирическое интермеццо, драгоценное, как человеческий документ и характеристика эпохи, но и только [3, с. 116].

Попробуем сформулировать, в чем состоят претензии Гумилева к французскому поэту. Для начала обратим внимание на то, что, давая характеристику Верлену, Гумилев говорит не только о его поэзии, но и о его характере и образе жизни – возможно, под впечатлением от вступительной статьи Брюсова, в которой тот подробно рассказывает о биографии и творческом пути Верлена. Неудивительно, что жизнь поэта привлекает такое пристальное внимание Гумилева, ведь для него, как и для многих его современников из артистической среды, была чрезвычайно важна идея жизнетворчества. С этой точки зрения жизнь Верлена – с его зависимостью от алкоголя, разрушительными для него гомосексуальными влюбленностями[9], жизнь, закончившаяся в нищете, – не могла вызывать у Гумилева желания ему подражать. Особенно если вспомнить, что идеалом творца и человека был для Гумилева совсем другой поэт – Теофиль Готье, обладавший,

[8] Несколько ранее, еще в 1911 г. Гумилев, получив от Брюсова книгу переводов из французского поэта, пишет ему: “Благодарю Вас за переводы Верлэна (они мне очень и очень понравились)” [8, с. 152].

[9] Ср. воспоминания О. Гильдебрандт-Арбениной: «Я как-то спросила у Гумилева, нравились ли ему когда-нибудь мальчики. Он чуть не с возмущением сказал: “Ну, конечно, нет!” (ведь он был крайне мужского типа и вкусов)» [18, с. 454].

в представлении Гумилева, железным здоровьем[10], громадной работоспособностью[11] и невероятной силой духа[12]. В гумилевском пассаже: "Но у молодежи нет такого богатого наследства..." даже делается неявная отсылка к Готье – сравните в финале статьи Гумилева о Готье 1911 г.: "В литературе нет других законов, кроме закона *радостного и плодотворного усилия*, – вот о чем всегда должно нам напоминать имя Теофиля Готье" [3, с. 106]. Здесь прилагательное "радостный" перекликается с "весельем" из статьи о Верлене, а словосочетание "плодотворное усилие" повторяется практически дословно. Вероятно, говоря об условной "молодежи", Гумилев на самом деле говорит прежде всего о себе. Это для него самого Верлен никак не может быть образцом для подражания, тогда как для его современников – вполне (в частности, Верлен был очень важной фигурой для Мандельштама, особенно для раннего).

Вторая претензия Гумилева к Верлену касается его стихотворений. Гумилев утверждает: "Его поэзия — это лирическое интермеццо, драгоценное, как человеческий документ и характеристика эпохи, но и только" [3, с. 116]. Помимо очередного указания на то, что поэзия Верлена не актуальна для настоящего времени, Гумилев отстаивает следующую точку зрения: стихи Верлена – это всего лишь стихи, не больше, то есть русский поэт упрекает французского в отсутствии масштабных свершений.

Для того чтобы понять суть этой претензии, нужно вспомнить о том, что для Гумилева поэзия никогда не была "просто поэзией". Как пишет Н.А. Богомолов, сравнивая Гумилева с Рембо: "Гумилев разочарования в магии, идентифицировавшейся с поэзией, не пережил. До самого конца жизни у него оставалось представление, что во главе общества должны стоять друиды, поэты-маги, живущие в нынешнем мире почти отверженно, но предназначенные для исполнения своей высокой, полубожественной миссии где-то в будущем" [19, с. 8]. К.И. Чуковский также вспоминал об особом отношении Гумилева к поэтам:

> Слово ПОЭТ Гумилев в разговоре произносил с каким-то особенным звуком – ПУЭТ – и чувствовалось, что в его представлении это слово написано огромными буквами, совсем иначе, чем все остальные слова.
>
> Эта вера в волшебную силу поэзии, "солнце останавливавшей словом, словом разрушавшей города", никогда не покидала Гумилева. Отсюда, и только отсюда то чувство необычайной почтительности, с которым он относился к поэтам и раньше всего к себе самому, как к одному из носителей этой могучей и загадочной силы [20, с. 136].

Отсутствие этой сверхъестественной "силы" смущает Гумилева в Верлене – и именно обладание ей он приписывает своему любимцу Готье: "...секрет Готье не в том, что он совершенен, а в том, что он могуч, заразительно могуч, как Рабле, как Немврод, как большой и смелый лесной зверь..." [3, с. 101][13]. По Гумилеву, Верлен не имел сил и величия двигать вперед поэзию, указывать ей новые пути и таким образом менять мир. Более того, поэзия Верлена, а точнее, его взгляды на поэзию, выраженные прежде всего в стихотворении "L'art poétique", отчасти воспринимаются Гумилевым как шаг назад по сравнению с достижениями Готье, подхваченными, с одной стороны, парнасцами, с другой – Бодлером. Эту мысль Гумилев выражает в 1920 г. в неопубликованном при его жизни предисловии к собранию сочинений Готье, которое готовилось в рамках издательства "Всемирная литература". В этом предисловии противопоставление Верлен – Готье возникает уже прямо:

> Значенье Теофиля Готье в истории поэзии велико и своеобразно. <...> Позже, когда французская поэзия разделилась на два рукава, с одной стороны, в журнале парнасцев "Современный Парнас" в первом же номере и на первом месте были напечатаны стихи Готье. А с другой <стороны> – "Цветы зла" Бодлера, книга, положившая, по мнению многих, основанье символизма, были посвящены "безгрешному поэту, совершенному волшебнику французского слова Теофилю Готье". *Только Верлэн своей проповедью милого, вольного, несовершенного искусства заставил французских поэтов несколько позабыть того, кто и имел все права быть их учителем* [3, с. 227].

Верлен дарит поэту и стихотворению право быть несовершенными – он заявляет в "Искусстве поэзии": "Il faut aussi que tu n'ailles point / Choisir tes mots sans quelque méprise" [21, с. 23] (Не нужно, чтобы ты выбирал слова абсолютно

[10] "Умер он шестидесяти одного года, <...> непосильной работой подорвав свое железное здоровье" [3, с. 105].

[11] "Ритм найден; осталось только писать. Шедевры следовали за шедеврами. <...> Перечислить все нет возможности. Полное собрание сочинений Теофиля Готье составило бы триста томов" [3, с. 104].

[12] "Как большинство поэтов начала девятнадцатого века, Теофиль Готье унаследовал от Шатобриана и огненную меланхолию, и тоску по дальним странам, и ощущенье своего всемогущества. К этому наследству он прибавил только *стальную волю и жизнеспособность духа*, благодаря которой он неизменно оказывался своим в каждом из сменяющих друг друга поэтических лагерей века" [3, с. 224].

[13] Ср. в акмеистическом манифесте Гумилева: «Как адамисты, мы немного *лесные звери* и, во всяком случае, не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [3, с. 148].

безошибочно) – и этого-то Гумилев ему и не может простить. Он как выученик Брюсова не хотел представить написание стихотворения без упорной работы над его формой (хотя, разумеется, видел перед собой множество поэтов другого типа). И по той же самой причине – благодаря своему стремлению к совершенству формы – Готье оказывается для Гумилева настолько привлекательной фигурой. В этом случае Готье и Верлен – по крайней мере, в их программных стихотворениях “L’art” и “L’art poétique” – выступают как полные антиподы.

Однако скептическое отношение к личности Верлена и его эстетическим принципам все же не мешало Гумилеву ценить его поэзию и очаровываться ею: так, в сохранившейся библиотеке Гумилева находится не только книга переводов Верлена, сделанных Ф. Сологубом[14], но и оригинальные произведения французского поэта[15]. Более того, около 1920 г. Гумилев даже переводит одно стихотворение Верлена “Эпилог (III)”[16] для издательства “Всемирная литература”.

Таким образом тезис комментаторов гумилевского собрания сочинений о том, что отношение Гумилева к Верлену было прохладным в период “преодоления символизма”, а со временем смягчилось, на, наш взгляд, нуждается в серьезных коррективах. По-видимому, мнение Гумилева о Верлене оставалось неизменным, хотя и отчасти противоречивым: отдавая ему важное место в истории европейской и мировой поэзии, Гумилев, тем не менее, не считал его творческий и жизненный путь достойными подражания для себя лично, а взгляды Верлена на то, какой должна быть поэзия, казались ему устаревшими и даже вредными для молодых стихотворцев.

Дело, как нам кажется, не в эволюции отношения Гумилева к Верлену, а в том, что в 1920 г., упоминая Верлена в статье о Готье, Гумилев позволяет себе высказаться более откровенно. Возможно, это объясняется тем, что к 1920 г. Теофиль Готье (во многом именно благодаря переводам Гумилева) уже стал неотъемлемой частью русской культуры. Если в статье о Готье 1911 г. Гумилев упоминал Верлена и других прославленных поэтов, таким образом легитимизируя менее известного Готье и встраивая его в ряд великих авторов, в 1920 г. Гумилев мог позволить себе честно выразить свое мнение о том, кто *на самом деле* является главным французским поэтом.

[14] “Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908. 89, 3 с. (Сологуб Ф. Стихи. Книга седьмая. Переводы из Верлена). Переплет Гумилева” [22, с. 431].

[15] “Verlaine P. Œuvres complètes. Paris: Libr. L. Vanier, éd., 1910. T. 4. 454 p.” [22, с. 447].

[16] По иронии судьбы, это стихотворение, завершающее первый сборник Верлена “Poèmes saturniens”, написано в “парнасском” духе, который в свою очередь опирался во многом на поэзию Готье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.
2. *Мец А.Г.* Комментарии // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.
3. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.
4. *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О. Лекманов и А. Чабан, предисл. и примеч. О. Лекманова. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
5. *Маковский С.* Николай Гумилев (1886–1921) // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Репринтное издание / Ред.-сост., авт. предисл. и комм. В. Крейд. М.: “Вся Москва”, 1990.
6. *Львов-Рогачевский В.* Символисты и наследники их (Отрывок) // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
7. *Чуковский К.* “Цветущий посох” // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
8. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. Письма. М.: Воскресенье, 2007.
9. *Жирмунский В.* Преодолевшие символизм // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
10. *Городецкий С.М.* Французские влияния в новой русской поэзии. Бодлэр. Верлэн. Верхарн // Кавказское слово. Тифлис, 1918, 16 февраля.
11. *Струве Г.П.* Творческий путь Гумилева // Н.С. Гумилев. Pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
12. *Косиков Г.* Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камеи. М.: Радуга, 1989.
13. *Готье Т.* Эмали и камеи. М.: Радуга, 1989.
14. *Баскер М. и др.* Комментарии // Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.

15. *Тименчик Р.* Анненский и Гумилев // Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017.

16. *Полонская Е.Г.* Студия "Всемирной литературы" // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.

17. *Эрлих С.К.* Воспоминания о Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.

18. *Гильдебрандт-Арбенина О.* Гумилев / публ. М. Толмачева, примеч. Т. Никольской // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.

19. *Богомолов Н.А.* Читатель книг // Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991.

20. *Чуковский К.И.* Воспоминания о Н.С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.

21. *Verlaine P.* Jadis et naguère: poésies. P.: Léon Vanier, Libraire-Editeur, 1884.

22. *Филичева В.В.* К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н.С. Гумилева // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма). СПб.: Пушкинский Дом, 2017.

REFERENCES

1. Mandelshtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 3 t. T. 1. Stihotvorenija* [Full Collection of Poems and Letters. In 3 Vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2009. (In Russ.)

2. Mets, A.G. *Kommentarii* [Commentaries]. Mandelshtam O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 3 t. T. 1. Stihotvorenija* [Full Collection of Poems and Letters. In 3 Vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2009. (In Russ.)

3. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. T. 7. Statji o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii* [Complete Works. In 10 Vols. Vol. 7. Articles about Literature and Art. Reviews]. Moscow, Voskresenje Publ., 2006. (In Russ.)

4. Gorodecky, S. *Nekotorye techeniya v sovremennoj russkoj poezii* [Some Movements in Modern Russian Poetry]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. haban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assemled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)

5. Makovsky, S. *Nikolaj Gumilev (1886–1921)* [Nikolay Gumilyov (1886–1921)]. *Nikolaj Gumilev v vospominanijah sovremennikov. Reprintnoe izdanie. Red.-sost., avt. predisl. i komm. V. Krejd* [Nikolay Gumilyov in the Memoirs of his Contemporaries. Reprint. Edited and Assembled by V. Krejd, Preface and Commentaries by V. Krejd]. Moscow, "Vsja Moskva" Publ., 1990. (In Russ.)

6. Lvov-Rogachevsky, V. *Simvolisty i nasledniki ih (Otryvok)* [Symbolists and Their Successors (Extract)]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assemled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)

7. Chukovsky, K. *"Cvetushchij posoh"* ["Blooming Staff"]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assemled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)

8. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. T. 8. Pisma* [Complete Works. In 10 Vols. Vol. 8. Letters]. Moscow, Voskresenje Publ., 2007. (In Russ.)

9. Zhirmunsky, V. *Preodolevshie simvolizm* [Those Who Overcame Symbolism]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assemled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)

10. Gorodecky, S.M. *Francuzskie vliyaniya v novoj russkoj poezii. Bodler. Verlen. Verharn* [French Influences in New Russian Poetry. Baudelaire. Verlaine. Verhaeren]. *Kavkazskoe slovo* [Caucasian Word]. Tiflis, 1918, 16 February. (In Russ.)

11. Struve, G.P. *Tvorcheskij put Gumileva* [Gumilyov's Creative Path]. N.S. Gumilyov. Pro et Contra. St. Petersburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2000. (In Russ.)

12. Kosikov, G. *Gotje i Gumilev* [Gautier and Gumilyov]. Gautier T. *Emali i kamei* [Enamels and Cameos]. Moscow, Raduga Publ., 1989. (In Russ.)

13. Gautier, T. *Emali i kamei* [Enamels and Cameos]. Moscow, Raduga Publ., 1989. (In Russ.)

14. Basker, M. and al. *Kommentarii* [Commentaries]. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. T. 7. Statji o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii* [Complete

Works. In 10 Vols. Vol. 7. Articles about Literature and Art. Reviews]. Moscow, Voskresenje Publ., 2006. (In Russ.)

15. Timenchik, R. *Annenskij i Gumilev* [Annensky and Gumilyov]. Timenchik, R. *Podzemnye klassiki: Innokentij Annenskij. Nikolaj Gumilev* [Underground Classics: Innokenty Annensky. Nikolay Gumilyov]. Moscow, Mosty kultury/Gesharim Publ., 2017. (In Russ.)

16. Polonskaya, E.G. *Studiya "Vsemirnoj literatury"* [School of "World literature"]. *Zhizn Nikolaja Gumileva (Vospominanija sovremennikov). Sost. U.V. Zobnin, V.P. Petranovskij, A.K. Stanjukovich* [Life of Nikolay Gumilyov (Memoirs of Contemporaries). Assembled by U.V. Zobnin, V.P. Petranovsky, A.K. Stanjukovich]. Leningrad, Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki Publ., 1991. (In Russ.)

17. Ehrlich, S.K. *Vospominaniya o Gumileve* [Memories of Gumilyov]. *Zhizn Nikolaja Gumileva (Vospominanija sovremennikov). Sost. U.V. Zobnin, V.P. Petranovskij, A.K. Stanjukovich* [Life of Nikolay Gumilyov (Memoirs of Contemporaries). Assembled by U.V. Zobnin, V.P. Petranovsky, A.K. Stanjukovich]. Leningrad, Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki Publ., 1991. (In Russ.)

18. Gildebrandt-Arbenina, O. *Gumilev. Publ. M. Tolmacheva, primech. T. Nikolskoj* [Gumilyov. Edited by M. Tolmacheva, commentaries by T. Nikolskaya]. *Nikolaj Gumilev: Issledovanija i materialy. Bibliografija* [Nikolay Gumilyov: Research and Materials. Bibliography]. St. Petersburg, 1994. (In Russ.)

19. Bogomolov, N.A. *Chitatel knig* [Reader of Books]. Gumilev, N. *Sochinenija. V 3 t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy* [Works. In 3 Vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1991. (In Russ.)

20. Chukovsky, K.I. *Vospominaniya o N.S. Gumileve* [Memories of N.S. Gumilyov]. *Zhizn Nikolaja Gumileva (Vospominanija sovremennikov). Sost. U.V. Zobnin, V.P. Petranovskij, A.K. Stanjukovich* [Life of Nikolay Gumilyov (Memoirs of Contemporaries). Assembled by U.V. Zobnin, V.P. Petranovsky, A.K. Stanjukovich]. Leningrad, Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki Publ., 1991. (In Russ.)

21. Verlaine, P. Jadis et naguère: poésies. P.: Léon Vanier, Libraire-Editeur, 1884. (In French)

22. Filicheva, V.V. *K rekonstrukcii i opisaniyu bibliotek F. Sologuba i N.S. Gumileva* [On the Reconstruction and Description of the Libraries of F. Sologub and N.S. Gumilyov]. *Chto i kak chitali russkie klassiki? (Ot kruga chtenija k strategijam pisma)* [What and How did the Russian Classics Read? (From Reading Circle to Writing Strategies)]. St. Petersburg, Pushkinskij Dom Publ., 2017. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 сентября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 октября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 ноября 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on September 23, 2021
Revised on October 30, 2021
Accepted on November 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018929-7

К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI–XIII вв. (интерпретация и типология)

© 2022 г. А. В. Шаповалов

Аспирант филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
omeganom@yandex.ru

Резюме. В статье рассматриваются различные подходы к изучению авторских экспликаций в древнерусских летописях раннего периода. Обсуждаются вопросы отражения в тексте самосознания летописцев, возможность на основе особенностей их стиля выделить в летописи фрагменты, написанные одним автором. Приведены примеры использования различных средств выражения книжниками своей оценки, а также случаи дополнения ими устойчивых формул. Отмечаются некоторые типологические сходства и отличия повествовательной манеры древнерусских летописцев и историографов других традиций. Делается вывод о важности изучения форм авторского присутствия для понимания историописания как общекультурного процесса, а также для изучения своеобразия отдельных памятников.

Ключевые слова: историческое сознание, авторское самосознание, стратификация, сравнение, эпитет, типология, Повесть временных лет, Новгородская первая летопись, Чешская хроника, Хроника Галла Анонима.

Для цитирования: *Шаповалов А.В.* К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI–XIII вв. (интерпретация и типология) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 105–113. DOI: 10.31857/S160578800018929-7

On the Author Presence Forms in Old Rus' Chronicles of XI–XIII Centuries (Interpretation and Typology)

© 2022 Alexey V. Shapovalov

Postgraduate student at the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
omeganom@yandex.ru

Abstract. Different approaches to the author presence forms in old Rus' chronicles of early period are considered. Possibility of chroniclers' consciousness explication in the text and separation the fragments, written by the same author, are discussed. Examples of chroniclers' marks expressions by different means, as well as cases of steady expressions addition are given. Typological similarities and differences of various traditions' narrative strategies are noted. It is concluded, that author presence forms are important both for historiographical traditions and original texts studies.

Key words: historical consciousness, author self-consciousness, stratification, comparison, epithet, typology, Russian Primary Chronicle, First Novgorod Chronicle, Chronicle Boemorum, Gesta principum Polonorum.

For citation: Shapovalov, A.V. *K voprosu o formakh avtorskogo prisutstviya v drevnerusskom letopisanii XI–XIII vv. (interpretatsiya i tipologiya)* [On the Author Presence Forms in Old Rus' Chronicles of XI–XIII Centuries (Interpretation and Typology)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 105–113. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018929-7

В нашей статье рассматриваются различные подходы к изучению авторских экспликаций в древнерусских летописях раннего периода[1]. Вообще под формами авторского присутствия в тексте произведения понимают автора не как биографическое лицо, а как его “внутритекстовое, художественное воплощение” [8, с. 11]. Об этом писали М.М. Бахтин (положение о “вненаходимости” автора по отношению к произведению [9, с. 18]) и Н.Д. Тамарченко (мысль об “отграниченности” автора от писателя и других “изображающих субъектов” внутри произведения [10, с. 18]). Представляется продуктивным выделение форм авторского присутствия в художественном тексте на основе формальных признаков. Так под формами авторского присутствия понимают рамочные компоненты текста [8, с. 11], повествование от первого (*Icherzählung*, речь рассказчика) или от третьего лица (*Erform*, речь повествователя) [11, с. 8–20], прямые сообщения автора о себе, ссылки на источники, комментирование событий или персон и некоторые другие высказывания [12, с. 394–534].

Для средневековых памятников формы авторского присутствия представляют особенный интерес. Это обусловлено тем, что часто единственным источником информации о книжниках, их мировоззрении и методах работы, является сохранившийся текст памятника. Анализу некоторых из предложенных в литературе аспектов изучения авторских экспликаций, а также наших собственных наблюдений посвящена настоящая статья. В качестве источников выбраны древнерусские летописи раннего периода: Повесть временных лет по Ипатьевскому списку [1] (далее – ПВЛ) и Новгородская первая летопись старшего извода [2] (далее – НПЛ). В некоторых случаях древнерусские летописи сопоставляются с западнославянскими хрониками, которые описывают синхронный ПВЛ период средневековой истории и также лежат в основе историографии своих народов – с Чешской хроникой Козьмы Пражского [4]; [5] (далее – ЧХ) и с Хроникой и деяниями князей или правителей польских Галла Анонима [6]; [7] (далее – ХГА).

Сознание и самосознание летописцев

Историческое сознание книжников определяет ориентацию человека (и общества, в котором он живет) в пространстве и времени, способ фиксации исторических событий, их отбор, объем и содержание, т.е., по выражению М.А. Барга, “выступает по отношению к историографии в качестве области нормативной и рефлективной” [13, с. 6]. Применительно к ПВЛ это проявилось в стремлении летописца соотнести начало истории Руси с византийскими источниками (“**в лѣт҇ ҂ѕ҃ т҃ ѯ҃ [6360 (852)] индикта єі҃** *(15 – А.Ш.)* **наченшю Михаилу цс҇рьствовати нача сѧ прозывати Рускаꙗ землѧ ѡ семъ бо оувѣдахом҇ ꙗко при҇ сем҇ цс҇ри приходиша Русь на Цс҇рьград҇ ꙗко же писашеть в лѣтописании Грѣцком҇ тѣмь же и ѿселѣ почнем҇ и числа положим҇**” [1, стб. 12]). Чтобы событие было отражено в истории, историк должен был его заметить, осознать и оценить, а эта способность всегда определялась его мировоззрением (представлениями о вселенной, системой ценностей, логическими формами, риторикой, подробнее см. [13, с. 12–14]). В ПВЛ подобное осознание значимости события проявилось в высказываниях летописцев от первого лица (“**И се да скажемь ... чего ради прозвасѧ Печерьскыи манастырь**” [1, стб. 143], “**ꙗко се скажемь бѣсовьское наоущение и дѣиство**” [1, стб. 164], “**скажемь бо оусьпение его мало ... ѿ нихъ же намѣню нѣколико мужь чюдьнъıхъ**” [1, стб. 173, 179–180]). О становлении этнического самосознания летописцев[2] свидетельствуют их высказывания, относящиеся к понятиям “Русь” и “Русская земля” (в его географическом и политическом значении – “**ѿкуду есть пошла Рускаꙗ землѧ стала есть**” [1, стб. 2], “**ѿ негоже ꙗзыка и мы есме Русь**” [1, стб. 20]).

С другой стороны, историческое сочинение не есть простое накопление фактов и событий, поскольку историописатель всегда отбирал факты, группировал их, определял их место в историческом памятнике и находил способ их соединения друг с другом. Примечательно, что даже анналистика как одна из наиболее простых форм историописания основывалась на системе предпочтений. Древнерусские летописи, по мнению Т.В. Гимона, типологически представляют собой именно “форму анналистической историографии” [16, с. 175]. При соотнесении разных летописных фрагментов друг с другом киевские летописцы часто высказывались от себя (“**ꙗкоже ркохомъ**” [1, стб. 9, 141], “**ѡ немъ же преже сказахом҇... ꙗко же послѣдѣ скажем҇**” [1, стб. 65, 67], “**паки скажемь**” [1, стб. 149]). Интересно, что текст НПЛ подобных

1 Тексты источников цитируются по изданиям: [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7].

[2] Н.И. Толстой рассматривал этническое самосознание Нестора Летописца как систему, состоящую из компонентов религиозного (“**хрестиѧне**” [1, стб. 16]), общеплеменного (“**словѣни**” [1, стб. 11]), среднеплеменного (“**русин**” [1, стб. 26]), частноплеменного (“**полѧне**” [1, стб. 14]) и государственного (“**Рускаꙗ землѧ**” [1, стб. 17]) сознания. Подробнее см. [14, с. 443–447], об иерархичности этой системы см. [15, с. 184].

высказываний практически не содержит, что свидетельствует о более выраженном анналистическом начале в этом памятнике.

Под авторским присутствием в древнерусских летописях может пониматься проявление "самосознания книжника как писателя, т.е. осознанность им целей сочинения и их качество, эстетические принципы и идеалы, осознание своего труда в рамках традиции и т.п." [17, с. 65]. Отмечая сложность отнесения летописи к авторским произведениям в силу ее сводного характера и установку летописца на самоустранение, Е.Л. Конявская полагает, что в некоторых случаях книжник может говорить "от себя", но "не об источниках, задачах, традициях, а только по поводу событий и героев повествования" [17, с. 75]. В этом Е.Л. Конявская солидарна с Д.С. Лихачевым, считавшим, что "летописец живо реагирует на события современности" [18, с. 262]. Особенно ярко это проявилось в НПЛ, которая содержит множество эмоциональных риторических вопросов и восклицаний, относящихся к описываемой ситуации ("**О, велика скърбь ... и нужа**" [2, с. 31], "**о, горѣ бяше**" [2, с. 54], "**и кто не прослъзиться о семь**" [2, с. 69], "**и кто не пожалуетъ сего**" [2, с. 72], "**и кто, братье, о сем не поплачется**" [2, с. 75]). Однако Е.Л. Конявская оговаривается, что подобные экспликации книжников еще не содержат самооценки и рефлексии по поводу своего труда [17, с. 75], что затрудняет их отнесение к самосознанию.

Стратификация текста

Под стратификацией текста понимают выделение в нем "единых по замыслу, художественно-образной и лексико-грамматической структуре и стилевым особенностям слоев, или страт, написанных как бы в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты" [19, с. 445]. Одну из основных задач исследования такого текстологически сложного памятника, как летопись, А.А. Гиппиус видит в "стратификации образующих его разновременных напластований, уяснении их относительной хронологии и взаимных отношений" [20, с. 2]. Формы авторского присутствия могут оказаться полезными при выделении фрагментов (слоев текста), с высокой долей вероятности принадлежащих одному летописцу или написанных в один период. Так, наблюдения над структурой текста ПВЛ позволили А.А. Гиппиусу определить вставные эпизоды, реконструировать их эволюцию и выделить особенности стиля отдельных книжников. В частности, рассматривая устойчивые формулы "**мудръ и смысленъ**", Х "**же рече**", употребление которых не выходит за рамки 880-х годов, исследователь показал языковую неоднородность и структурную противоречивость текста о Крещении Руси [21, с. 21–23]. Анализируя элементы описания сражений Ярослава Владимировича со Святополком Окаянным в 1016–1036 гг. (упоминания летописцев о провокации, пире, битве ночью, одежде, внешности полководца, ладьях, обращении к дружине, деньгах, подготовке к битве, диспозиции), исследователь отнес появление в составе ПВЛ описания Альтской битвы (1019 г.) к 1070-м годам, т.е. ко времени включения в летопись повествования об убийстве святых Бориса и Глеба [22, с. 43–45]. На основе анализа литературной манеры книжников (использования библеизмов и топосов, путанности изложения) А.А. Гиппиус поставил под сомнение предположение о вставном характере "Повести об ослеплении Василька Теребовльского" [23, с. 16]. Приведенные примеры показывают, что особенности стиля книжников могут оказаться полезными при изучении истории формирования летописных памятников.

Еще одним критерием стратификации летописного текста могут быть сообщения летописцев о себе. Так, случаи называния книжником себя в ПВЛ связаны с событиями, происходившими в Киево-Печерском монастыре в 1051, 1091, 1093 и 1110 гг. [12, с. 394–397][3], что позволяет судить о социальном круге книжников и времени ведения летописи. Упоминания летописцами о себе как об очевидцах описываемых событий ("**его же позороваxомъ и до вечера**" [1, стб. 153], "**а другому и самовидци быxомъ**" [1, стб. 187], "**его же повелѣнью быxъ азъ грѣшныи первоє самовидець сє же и скажю не слуxомъ бо слышавъ но самъ w собѣ началникъ**" [1, стб. 201]) указывают на одновременность событий и времени жизни летописца, что позволяет предположить синхронность их включения в летопись.

Наблюдения над формами авторского присутствия в НПЛ дают возможность не только определить хронологические границы деятельности книжников[4], но и в некоторых случаях понять технику ведения погодных записей. А.А. Гиппиусу удалось атрибутировать некоторые фрагменты НПЛ: на основании способов оформления

[3] Несмотря на один из основных тезисов работы о "целостности летописного текста как литературного произведения" (что непосредственно связывается с фигурой летописца) [12, с. 389], сделанные в этом исследовании наблюдения представляют интерес и для выделения в ПВЛ отдельных смысловых фрагментов.

[4] Время работы новгородских летописцев, как правило, совпадало со временем пребывания на кафедре одного или двух новгородских (архи)епископов [24, с. 500–504].

дневных дат исследователь показал, что Герман Воята работал над юрьевским списком НПЛ в 1164–1186 гг., а стилистическая однородность повествования позволила отнести погодные записи 1226–1274 гг. к творчеству пономаря одной из новгородских церквей Тимофея [25, с. 66–67, 8–12]. В обоих случаях важными оказались упоминания летописцами о себе (“**постави мя попомь архиепископъ святыи Нифонтъ**” [2, с. 27], “**и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю**” [2, с. 70]). Е.Л. Конявская, анализируя признаки “одной руки” (интерес летописца к погодным явлениям, церковному строительству, редкое использование прямой речи, употребление слов “**голов**”, “**камяна**”, оборота “**яко и числа нѣту**”), отнесла к деятельности Германа Вояты также погодные статьи 1140–1160-х годов [17, с. 66]. Изучение распределения точных дат, нарушений хронологической последовательности изложения, анализ датировок и объем погодных статей позволили Т.В. Гимону определить перерывы (предположительно в 1119–1124, 1143–1147, 1189–1193, 1226–1230, 1246–1258 гг.) и фрагменты синхронного ведения НПЛ (статьи 1132–1156, 1168–1170 гг.) [24, с. 501–504].

Изучение поэтики

Средневековая историография во многом определялась символическим толкованием Ветхого и Нового заветов: факты истории и явления природы понимались как знаки, отсылающие к скрытому (часто абстрактному) смыслу[5] [18, с. 161–162]. Для произведений XI–XII вв. характерно господство “двузначных” выразительных средств (символ, метафора, сравнение), которые могли заимствоваться при создании текстов разных жанров и таким образом образовывать *loci communes*. В летописании подобные средства, как правило, выражают оценку летописцем описываемых лиц или явлений. Так, в ПВЛ неоднократно используется метафора “христианское учение – источник воды” [26, с. 50], на котором построен ряд сравнений (Ольга “**аки губа напаꙗема внимающи оучнью**” [1, стб. 49], Борис и Глеб “**ꙗко потока точита ѿ кладѧзѧ водь живоносны исцѣлени истѣкають вѣрнымъ людемъ**” [1, стб. 125], книги “**бо суть рекы напаꙗющи вселеную всю**” [1, стб. 140]). Летописец также уподобил деятельность Владимира Святославича, крестившего Русь, и Ярослава Владимировича (Мудрого), распространявшего книжное учение, земледельческим работам (“**ꙗкоже бо нѣкто землю разореть другыи же насѣеть инии же пожинають и дѧть пищу бескудну да и се**” [1, стб. 140][6]). Другим распространенным способом выражения оценки в ПВЛ являются сравнения с библейскими персонажами (“**мьсти ѿ крови правѣднаго сего ꙗкоже мьстилъ еси ѿ крови Авелевы ... Ламехъ оуби в҃** *(2 – А.Ш.)* **брата Енохова и по собѣ женѣ его сьи же Ст҃ополкъ новы Ламех҃ ... иже изби брат҃ю свою сн҃ы Гедеѡновы тако и сь быс҃**” [1, стб. 131, 133], “**Свѧтослав же величашес҃ показа имъ ба҃тьство свое ... сице сѧ похвали Езекии цр҃ь Іюдѣискии**” [1, стб. 189–190])[7]. Приведенные примеры позволяют выделить круг типичных объектов, с которыми летописцы проводили сравнения, а также свидетельствуют о текстах, на которые книжники ориентировались при написании истории своего народа.

Особенный интерес представляют оригинальные сравнения, относящиеся к конкретной ситуации, поскольку они являются примерами осмысления летописцем своего жизненного опыта. Показательно, что сравнения с явлениями природы в южнорусских и северорусских летописях употребляются по-разному:

“**бѧше ему** *(дьяволу – А.Ш.)* **акы тѣрнъ въ срд҃ци**” [1, стб. 69],
“**ѡц҃и наши акы свѣтила в мирѣ**” [1, стб. 175],
“**черноризьци аки свѣтила**” [1, стб. 179],
“**чернорисци ... сиють и по смр҃ти ꙗко свѣтила**” [1, стб. 189],
“**идѧху стрѣлъı акъı дожчь** [1, стб. 247],
“**поидоша полци Поовецьстии аки борове**” [1, стб. 254].
“**якоже бываеть мѣсяць 4 днии**” [2, с. 25],
“**градъ же яко яблъковъ боле**” [2, с. 30],
“**акы въ 5 ноции мѣсяць**” [2, с. 69, 74, 96],
“**люди сѣкуще акы траву**” [2, с. 76],
“**проливающа кровь христьяньску акы воду**” [2, с. 84],
“**полкъ нѣмецькыи; и бе видѣти якои лѣсъ**” [2, с. 86].

Отметим, что сравнения с небесными телами в обоих памятниках встречаются неоднократно и приобретают характер устойчивых выражений. Несмотря на более лаконичную форму сравнений, их круг в ПВЛ более широк по сравнению с НПЛ: киевские летописцы уподобляли действия князей также разным видам деятельности (“**прииде же и Дв҃дъ по немъ ꙗко звѣрь оуловилъ**” [1, стб. 236], “**Бонѧкъ ... сбиша Оугры в мѧчь ꙗко соколъ галицѣ збиваеть**” [1, стб. 246]) и использовали “антропоморфные” сравнения (“**звѣзда превелика лучѣ имуши акы кровавѣ**” [1, стб. 153], “**подаваше**

[5] В этой связи интересно высказывание Гуго Сент-Викторского (XII в.): “**Я ... порицаю тех, кто стремится ... там обнаружить мистический смысл и глубокую аллегорию, где их нет, равно как и тех, кто упорно его отрицает там, где таковой имеется**” (цит. по [13, с. 165]).

[6] Символический характер этого сравнения ранее отмечал Д.С. Лихачев [18, с. 166].

[7] О библейских текстах как источнике ПВЛ см. [27, с. 90–110].

ѡконьцемь ему ꙗко сѧ вмѣстѧшеⷭ҇ рука ... внезапу свѣтъ восиꙗ ... ꙗко зракомъ внимаꙗ члв҃ку" [1, стб. 183]). Приведенные высказывания наглядно демонстрируют особенности стиля летописцев разных культурных центров Древней Руси.

Употребление эпитетов и заимствований может помочь определить "пристрастия и навыки, черты повествовательной манеры отдельных летописцев" [28, с. 127]. В этом случае показательны обработка, расширение, дополнение устойчивых выражений, или случаи, когда книжник полагался на достижения своих предшественников. Так, в ПВЛ летописцы нередко сочетают разные эпитеты при характеристике описываемых лиц ("**бѣ бо великъ и тѧжекъ Болеславъ ꙗко ни на кони не моги сѣдѣти но бѧше смысленъ**" [1, стб. 130], "**бѣ бо великъ Редедѧ**" [1, стб. 134][8], "**бѣ прозвутерь именемь Лариѡнъ мужь бл҃гъ и книженъ и постникъ**" [1, стб. 144], "**Дѣмьанъ прозвутерь бѧше постьникъ и вьздерьжьникъ**" [1, стб. 180])[9]. В НПЛ устойчивая формула об игумене Арсении "**мужа кротка и смирена**" [2, с. 67, 70] могла быть распространена при сообщении о его смерти ("**муж благъ, кротъкъ, съмѣренъ и незлобивъ**" [2, с. 70]) [17, с. 69–70]. Использование летописцами заимствований из переводных исторических сочинений также может свидетельствовать об их предпочтениях. Так, произошедшая в XIII в. переориентация с исторического факта на изобразительный прием и внешние описания проявилась, в частности, в большем внимании южнорусских книжников к Хронике Иоанна Малалы, чем к Хронике Григория Амартола (подробнее см. [28, с. 128]).

Типологические исследования

В памятниках разных культурных традиций можно наблюдать общие, появившиеся независимо друг от друга компоненты произведений (типологические схождения), свидетельствующие об авторском присутствии. Так, Н.К. Гудзий отмечал сходные случаи употребления историографами устойчивых формул: «когда наш летописец вводит в свое изложение какой-либо эпизод, нарушающий хронологическую последовательность, он, возвращаясь к прерванному изложению, предваряет это словами: "**но мы на передняя возвратимся**", "**после скажем**", "**и се да скажем**" и т.д., соответствующими формулам западноевропейских летописцев: "**Sed ad coeptum, unde degressi sumus, redeamus**", "**ad coeptum potius revertamur**" и т.д.» [30, с. 72]. По наблюдению Н.И. Никулина, похожим образом высказывался "от себя" составитель "Полного свода исторических записей Великого Вьета" (1479 г.) Нго Ши Лиен ("**придворный историограф Нго Ши Лиен рассуждает**"), который сохранил также отступления своего предшественника Ле Ван Хыу (XIII в.: "**Ле Ван Хыу рассуждает**", цит. по [31, с. 128]). Прослеживаются сходства и в манере работы книжников разных культур. В частности, внесения смысловых изменений в текст НПЛ (выскобление слова "**побѣгоша**" [2, с. 75, 287], исправление "**чересъ крестное цѣлование** на **за новгородскую измѣну**" [2, с. 99, 344]) и пропуски строк для последующего внесения в летопись недостающих сведений[10] находят параллели в Англо-Саксонской хронике X–XII вв. [24, с. 525–531]. Указанные типологические параллели представляются важными для понимания общих принципов подхода историографов разных традиций к историческому материалу.

Помимо схождений, показательными являются различные реализации сходных компонентов текста в памятниках разных культур (типологические отличия). В частности, мотив смены троевластия единовластием основателя правящей династии в ПВЛ реализован нарративно, а в ЧХ символически:

"**и изъбрашасѧ три брата с роды своими ... и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ а другии Синоусъ на Бѣлѣѡзерѣ а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ и ѿ тѣхъ Варѧгъ прозвасѧ Рускаꙗ землѧ по дъвою же лѣту оумре Синеоусъ и братъ его Труворъ и приꙗ Рюрикъ власть всю ѡдинъ**" [1, стб. 14][11].	"**А та палка, которая была воткнута Пржемыслом в землю, дала три больших побега ... два ростка, или побега, высохли и упали, а третий сильно разросся ввысь и вширь ... [Пржемысл] же сказал: ... из нашего рода многие родятся господами, но властвовать будет всегда один**" [4, с. 42–43][12].

Аналогичным образом сюжет об ослеплении правителя перед крещением в ПВЛ представлен как повествование, а в ХГА – как рассуждение:

[8] В Лаврентьевском списке ПВЛ употреблен распространенный вариант этого высказывания ("**Бѣ бо великъ и силенъ Редедя**" [3, с. 99]).

[9] Об эпитетах в летописных княжеских некрологах см. [29, с. 236–239, 243–245].

[10] Интересно, что как в древнерусских, так и в англо-саксонских памятниках недостающая информация в последующее время не была добавлена [24, с. 532]. Т.В. Гимон также отмечает актуальность создания "типологии изменений, вносившихся переписчиками в летописные тексты" [24, с. 524].

[11] Точка зрения о неверном переводе имен братьев Рюрика (Синеус – sine hus – "свой род" и Трувор – thru varing – "верная дружина") в настоящее время является дискуссионной. Подробнее см. [32, с. 474].

[12] Латинский текст: "**Corilus autem, quam humi fixit, tres altas propagines ... duae propagines sive virgulta duo aruerunt et ceciderunt, set tertia multo altius et latius accrescebat ... Et ille: ... *ex nostra progenie multos dominos nasci, set unum semper dominari***" [5, p. 37].

“по Бж҃ью же строенью вь се времѧ разболѣлсѧ Володимиръ ѡчима и не видѧше ничтоже ... и повелѣ крс҃титисѧ и епс҃пъ же Корсуньскыи ... ꙗко возложи руку на нь и абье прозрѣ видив же се Володимеръ напрасно исцѣлени и прослави Ба҃ рекъ то первое оувидѣхъ Ба҃ истиньнаго ... крс҃ти же сѧ въ цр҃кви ст҃о Софьи и есть цр҃кви та стоще в Корсуни град҃ ... и до сего дн҃и” [1, стб. 96–97].

“**Когда приближалась седьмая годовщина его** *(Мешко – А.Ш.)* **рождения ... слепой мальчик прозрел ... Всемогущий господь в надлежащем порядке восстановил вначале телесное зрение Мешко, а потом наделил его и духовным для того, чтобы он через видимое проник в область невидимого и через познание природы познал всемогущего творца**” [6, с. 31–32][13].

Приведенные примеры показывают, что древнерусские летописцы излагали некоторые сюжеты начальной истории как реально происходившие, тогда как авторы западнославянских хроник предпочитали давать их символическое толкование.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что формы авторского присутствия представляют интерес для разных аспектов изучения древнерусского летописания XI–XIII вв. Упоминания летописцами о себе, своем народе и высказывания от первого лица не только свидетельствуют о социальном круге книжников и манере их работы, но и являются одним из первых примеров осмысления летописцем своего опыта. Многие особенности стиля книжников требуют текстологического анализа, что важно для восстановления истории формирования летописей. Особенности употребления выразительных средств показывают, в каких случаях книжники следовали канону, а когда могли выйти за его пределы и использовать в летописи свой жизненный опыт. Изучение типологических схождений и отличий в текстах разных традиций способствует пониманию историографии как общекультурного процесса, а также выявлению особенностей каждого памятника. Приведенные в работе наблюдения свидетельствуют о важности изучения авторских экспликаций в летописных текстах, что представляет интерес для изучения категории автора более широкого круга произведений.

[13] Латинский текст: “**VII vero recurrente nativitatis eius anniversario ... cecum puerum indicavit ... Ordine enim competenti Deus omnipotens visum prius Meschoni corporalem restituit, et postea spiritalem adhibuit, ut per visibilia ad invisibilium agnicionem penetraret et per rerum noticiam ad artificis omnipotenciam suspicaret**” [7, p. 26, 28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 938 стб.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
3. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / Подг. текста Д.С. Лихачева, перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 407 с.
4. *Козьма Пражский*. Чешская хроника / Вступ. статья, перевод и коммент. Г.Э. Санчука; под ред. Л.В. Разумовской, В.С. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
5. Cosmae Chronica Boemorum. Ed. R. Koepke // Monumenta Germaniae Historica. 1851. T. XI. P. 1–132.
6. *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Вступ. статья, перевод и коммент. Л.М. Поповой; под ред. В.Д. Королюка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
7. Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / Transl. and annotated by P.W. Knoll and F. Schaer with a preface by Th.N. Bisson. Budapest: Central European University Press, 2003. 318 p.
8. *Прозоров В.В.* Автор // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999. С. 11–21.
9. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
10. *Тамарченко Н.Д.* Автор // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 18.
11. *Орлова Е.И.* Формы присутствия автора в литературном произведении: Учеб. пособие. М.: Факультет журналистики МГУ, 2017. 48 с.
12. *Иванайнен О.В.* “Азъ” летописца в “Повести временных лет”, его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 16–17. М.: Наука, 2014. С. 389–582.
13. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
14. *Толстой Н.И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет” // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 441–447.
15. *Живов В.М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 170–186.

16. *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174–200.

17. *Конявская Е.Л.* Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. Вып. 2. С. 65 –75.

18. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с.

19. *Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика. Дис. ... докт. филол. наук. М. 1991. 576 с.

20. *Гиппиус А.А.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М. 2006. 44 с.

21. *Гиппиус А.А.* Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 20–23.

22. *Гиппиус А.А.* Битвы Ярослава Мудрого: структура и стратиграфия летописного нарратива // Нарративные традиции славянских литератур: от средневековья к новому времени: Материалы всероссийской научной конференции. Новосибирск: Омега Принт, 2014. С. 40–47.

23. *Гиппиус А.А.* "Повесть об ослеплении Василька Теребовльского" в составе Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 15–16.

24. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Университет Дм. Пожарского, 2012. 696 с.

25. *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. № 6 (16). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 3–72.

26. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.

27. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

28. *Пауткин А.А.* Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наука, 1998. С. 127–134.

29. *Пауткин А.А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М.: Наука, 1989. С. 231–246.

30. *Гудзий Н.К.* Сравнительное изучение литератур в русской науке // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 439 с.

31. *Никулин Н.И.* К типологии взаимосвязей средневековой исторической прозы // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1975. С. 117–151.

32. *Шайкин А.А.* "Повесть временных лет": история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. 613 с.

REFERENCES

1. *Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II. Ipatoevskaya letopis* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. Hypation Chronicle. Second Edition]. St. Petersburg, 1908. 938 colm. (In Russ.)

2. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov, pod red. i s predisloviem A.N. Nasonova* [The Novgorod First Chronicle of the Elder and Younger Variants. Ed. and with a Preface by A.N. Nasonov]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 640 p. (In Russ.)

3. *Povest vremennykh let po Lavrentjevskoj letopisi 1377 g. Podg. teksta D.S. Likhacheva, perevod D.S. Likhacheva i B.A. Romanova; pod red. V.P. Adrianovoj-Peretts* [Russian Primary Chronicle According to the Laurentian Chronicle of 1377. Preparation of the text by D.S. Likhachev, translation by D.S. Likhachev and B.A. Romanov; ed. by V.P. Adrianova-Peretz]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 407 p. (In Russ.)

4. Kozma Prazhsky. *Cheshskaya khronika. Vstupitelnaya statya, perevod i kommentarii G. Eh. Sanchuka; pod red. L. V. Razumovskoj, V. S. Sokolova* [Kozma of Prague. Czech Chronicle. Introductory Article, Translation and Comments by G.E. Sanchuk; Edited by L.V. Razumovskaya, V.S. Sokolov]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 296 p. (In Russ.)

5. *Cosmae Chronica Boemorum*. Ed. R. Koepke. In: *Monumenta Germaniae Historica,* 1851, T. XI, pp. 1–132. (In Latin)

6. Gall Anonim. *Khronika i deyaniya knyazej ili pravitelej polskikh. Vstupitelnaya statya, perevod i kommentarii L.M. Popovoj; pod red. V.D. Korolyuka* [Gallus Anonymus. Chronicle and Deeds of the Princes of Poland. Introductory Article, Translation and Comments by L.M. Popova; Edited by V.D. Korolyuk]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 172 p. (In Russ.)

7. *Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles*. Transl. and Annotated by P.W. Knoll and F. Schaer with a Preface by Th.N. Bisson. Budapest, Central European University Press, 2003. 318 p. (In Latin and English)

8. Prozorov, V.V. *Avtor* [Author]. *Vvedenie v literaturovedenie. Pod red. L.V. Chernets* [Introduction to Literary Studies. Ed. by L.V. Chernets]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1999, pp. 11–21. (In Russ.)

9. Bakhtin, M.M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)

10. Tamarchenko, N.D. *Avtor* [Author]. *Literaturnaya ehntsiklopediya terminov i ponyatij. Pod red. A.N. Nikolukina* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Ed. by A.N. Nikolyukin]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, p. 18. (In Russ.)

11. Orlova, E.I. *Formy prisutstviya avtora v literaturnom proizvedenii: Uchebnoe posobie* [Forms of the Author's Presence in a literary Work: Textbook]. Moscow, Faculty of Journalism MSU Publ., 2017. 48 p. (In Russ.)

12. Ivanaynen, O.V. *"Az" letopistsa v "Povesti vremennykh let", ego varianty i sposoby vyrazheniya* ["I Am" of the Chronicler in the *Tale of Bygone Years*, its Variants and Ways of Expression]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Vol. 16–17. Moscow, Nauka Publ., 2017, pp. 389–582. (In Russ.)

13. Barg, M.A. *Ehpokhi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: The Historicism Formation]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 348 p. (In Russ.)

14. Tolstoy, N.I. *Ehtnicheskoe samopoznanie i samosoznanie Nestora Letopistsa, avtora "Povesti vremennykh let"* [Ethnic Self-Knowledge and Self-Awareness of Nestor Chronicler, Author of Russian Primary Chronicle]. *Iz istorii russkoj kultury. V. 1 (Drevnyaya Rus')* [From the History of Russian Culture. V. 1 (Old Russia)]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 441–447. (In Russ.)

15. Zhivov, V.M. *Ob ehtnicheskom i religioznom samosoznanii Nestora Letopistsa* [About the Ethnic and Religious Identity of Nestor the Chronicler]. *Zhivov, V.M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kultury* [Research in the Area of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, pp. 170–186. (In Russ.)

16. Gimon, T.V., Gippius, A.A. *Russkoe letopisanie v svete tipologicheskikh parallelej (k postanovke problemy)* [Russian Chronicle in the Context of Typological Parallels (To the Problem Statement)]. *Zhanry i formy v pismennoj kulture srednevekovya* [Genres and Forms in the Written Culture of the Middle Ages]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 174–200. (In Russ.)

17. Konyavskaya, E.L. *Problema avtorskogo samosoznaniya v letopisi* [The Problem of the Author's Self-Consciousness in the Chronicle]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2000, No. 2, pp. 65–75. (In Russ.)

18. Likhachev, D.S. *Poehtika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 352 p. (In Russ.)

19. Polubichenko, L.V. *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika* [Philological Topology: Theory and Practice]. Dissertation for the degree of Philology Doctor. Moscow, 1991. 576 p. (In Russ.)

20. Gippius, A.A. *Istoriya i struktura originalnogo drevnerusskogo teksta (XI–XIV vv.): kompleksnyj analiz i rekonstruktsiya* [History and Structure of the Original Old Russian Text (the 11th–14th Centuries): Comprehensive Analysis and Reconstruction]. Dissertation Thesis for the degree of Philology Doctor. Moscow, 2006. 44 p. (In Russ.)

21. Gippius, A.A. *Kreschenie Rusi v Povesti vremennykh let: k stratifikatsii teksta* [The Baptism of Russia in the Russian Primary Chronicle: Towards the Stratification of the Text]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2008, No. 3 (33), pp. 20–23. (In Russ.)

22. Gippius, A.A. *Bitvy Yaroslava Mudrogo: struktura i stratigrafiya letopisnogo narrative* [The Battles of Yaroslav the Wise: The Structure and Stratigraphy of the Chronicle Narrative]. *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot srednevekovya k novomu vremeni: Materialy vserossijskoj nauchnoj konferentsii* [Narrative Traditions of Slavic Literatures: From the Middle Ages to Modern Times: Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk, Omega Print, 2014, pp. 40–47. (In Russ.)

23. Gippius, A.A. *"Povest ob osleplenii Vasilka Terebovlskogo" v sostave Povesti vremennykh let: k stratifikatsii teksta* ["The Tale of the Blinding of Vasiliy Terebovlsky" as Part of the Russian Primary Chronicle: Towards the Stratification of the Text]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2005, No. 2 (20), pp. 15–16. (In Russ.)

24. Gimon, T.V. *Istoriopisanie rannesrednevekovoj Anglii i Drevnej Rusi: Sravnitelnoe issledovanie* [Historical Narration of Early Medieval England and Old Russia: Comparison Study]. Moscow, Dm. Pozharskiy University Publ., 2012. 696 p. (In Russ.)

25. Gippius, A.A. *K istorii slozheniya teksta Novgorodskoj pervoj letopisi* [On the History of the Text Composition of the Novgorod First Chronicle]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod Historical Articles]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997, No. 6 (16), pp. 3–72. (In Russ.)

26. Adrianova-Peretts, V.P. *Ocherki poehticheskogo stilya Drevnej Rusi* [Essays on the Old Russia Poetic Style]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1947. 188 p. (In Russ.)

27. Danilevsky, I.N. *Povest vremennykh let: Germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [Russian Primary Chronicle: Hermeneutical Foundations Source Studies of Chronicle Texts]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p. (In Russ.)

28. Pautkin, A.A. *Yuzhnorusskie letopistsy XIII veka i perevodnaya istoricheskaya literatura* [South Russian Chroniclers of the 13th Century and Translated Historical Literature]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Vol. 9. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 127–134. (In Russ.)

29. Pautkin, A.A. *Kharakteristika lichnosti v letopisnykh knyazheskikh nekrologakh* [Characteristics of the Person in the Chronicle of Princely Obituaries]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 231–246. (In Russ.)

30. Gudzy, N.K. *Sravnitelnoe izuchenie literatur v russkoj nauke* [Comparative Study of Literature in Russian Science]. *Vzaimosvyazi i vzaimodejstvie natsionalnykh literatur* [Interrelationships and Interaction of National Literatures]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 439 p. (In Russ.)

31. Nikulin, N.I. *K tipologii vzaimosvyazej srednevekovoj istoricheskoj prozy* [On the Interrelations Typology of Medieval Historical Prose]. *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur vostoka i zapada* [Typology and Interrelationships of Medieval Literatures of the East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 117–151. (In Russ.)

32. Shaykin, A.A. *"Povest vremennykh let": istoriya i poehtika* [Russian Primary Chronicle: History and Poetics]. Moscow, Russkaya Panorama Publ., 2011. 613 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 21 сентября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 ноября 2021 г.
Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on September 21, 2021
Revised on November 28, 2021
Accepted on December 02, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018928-6

XVI Международная конференция “Лицо в языке и коммуникации”

The 16th International Conference “Person/Face in Language and Communication”

28–29 октября 2021 года в Москве прошла Международная конференция “Лицо в языке и коммуникации”, организованная Институтом филологии и истории и Учебно-научной лабораторией социолингвистики РГГУ. Ее участниками стали ученые из России (Архангельск, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Москва, Нижний Новгород, Новгород Великий, Новосибирск, Санкт-Петербург), Австрии, Беларуси, Германии, Испании, Италии, Польши, Финляндии. Конференция проходила в смешанном очно-дистанционном формате: часть докладов была сделана с помощью платформы Zoom.

Уже шестнадцать раз исследователи из многих стран мира собирались в РГГУ на монотематические конференции по проблемам языка и коммуникации. На этот раз были обсуждены лингвистические явления, связанные с понятием лица: грамматическая категория лица; прагматические характеристики лица; языковая личность; элементы идиоматически связанных словосочетаний со словом *лицо*: (*потерять лицо*, *важное лицо* и т.п.); наконец, сама лексема *лицо*, пережившая и переживающая различные семантические сдвиги, развивающая новые значения, входящие в разные синонимические ряды. Для выступлений, связанных с грамматикой, было характерно рассмотрение лица как универсальной категории, не ограниченной кругом частей речи с формальными показателями лица, а также языками, в которых эту категорию традиционно выделяют. В ряде докладов об изменениях в современном русском языке в рамках тематики конференции отмечались новации, обусловленные пандемийной эпохой.

Конференция включила два пленарных заседания (ими мероприятие началось и завершилось) и работу четырех секций, озаглавленных как “Язык и категория лица”, “Категория лица в дискурсе”, “Прагматика и категория лица”, “Лицо и языковые контакты”.

Первое пленарное заседание 28 октября началось докладом академика РАН В.М. Алпатова (Институт языкознания РАН) “Есть ли категория лица в японском языке?”. Как сообщил докладчик, ранние европейские, в частности, русские исследователи японского языка пытались находить в нем привычные грамматические категории. Еще в 1946 г. Е.Л. Наврон-Войтинская защитила диссертацию, в которой выделяла в японском языке формы 1-го и 2-го лица. Правда, пояснил выступающий, к тому времени было уже практически признано, что так называемые формы 2-го лица являются этикетными формами (почтительными формами вежливости) и могут относиться и к 3-му лицу (но не к 1-му, так как это запрещено правилами этикета). В самой Японии о лице в грамматическом смысле не говорили. При этом выражение вежливости и лица связаны между собой. Развитие подсистемы так называемых форм вежливости охватывает и личные местоимения, которые различаются степенью вежливости, и это создает трудности при переводе с японского на русский, где имеется всего одно местоимение 1-го лица единственного числа.

Профессор М.А. Кронгауз (РГГУ, ВШЭ) в докладе “Прагматическая категория лица в теории личных имен” показал наличие прагматической категории лица у личных имен. Выделенные местоимения 1-го и 2-го лица употребляются для обозначения участников речевой ситуации. Однако существуют и вполне регулярные неместоименные способы обозначения участников речевой ситуации, в частности, с помощью имен собственных. Это происходит, когда люди знакомятся и представляются, а также когда собеседники обращаются друг к другу. В докладе было предложено различать три типа употребления личных

имен, соответствующие трем значениям категории лица: имя, используемое при самопредставлении, относится к 1-му лицу, имя, используемое при обращении, – ко 2-му, а все прочие (референтные) употребления – к 3-му. Предложенная классификация трех лиц личных имен позволяет удобным образом сформулировать правила выбора варианта имени вместе с содержательной интерпретацией. В докладе отмечается, что именно 2-е лицо может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов. Для 1-го и 3-го лица существуют определенные ограничения, в них, например, не рекомендуется использовать ласкательные и другие эмоциональные варианты имен: *Андрюшечка, Верунчик* и т.п. Выделенность 2-го лица объясняется тем, что обращение является коммуникативной точкой, в которой устанавливаются отношения между собеседниками: говорящий их предлагает, а адресат может корректировать.

Выступление “Креативность языковой личности в языке и коммуникации” проректора РГГУ по международному сотрудничеству В.И. Заботкиной было посвящено одной из нерешенных проблем современной лингвистики – выявлению когнитивных механизмов креативности, лежащих в основе появления новых лексических единиц и возникновения нового значения слова. Не только язык на протяжении всей жизни формирует сознание человека; верно и обратное: человек, языковая личность, и сам проявляет свои креативные начала – он и сам творит язык, активно его преобразуя. Это порождает дихотомию “креативность в языке vs. креативность языковой личности”. Рассматривая проблему креативности в соотношении коммуникативных и когнитивных факторов, исследовательница видит дихотомию “креативность в языке vs. креативность языковой личности” как в акте рождения нового слова, так и в процессе его конвенционализации и считает, что важными когнитивными механизмами креативности являются аналогия и девиация (отклонение), в результате чего образуются новые связи, новые значения и новые модели коммуникации.

Испанский русист, вице-президент международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы Рафаэль Тирадо Гусман (Гранадский университет) продемонстрировал возможности функциональной грамматики применительно к разноуровневому функционально-семантическому полю персональности, которое соответствует грамматической категории лица и включает ее. Цель исследователя, чей доклад назывался “Функционально-семантическое поле персональности в русском языке на фоне испанского: опыт функциональной грамматики”, содействовать широкому внедрению модели грамматики функциональных семантических полей (ФСП), разработанной коллективом Петербургского отделения Института языкознания РАН под руководством А.В. Бондарко. Методология функциональной грамматики еще не была апробирована в испанском языке. Докладчик сосредоточился на изучении персональности в русском языке на фоне испанского, то есть установлении того, какими средствами, принадлежащими к разным уровням языка, выражаются в нем персональные значения.

Профессор А.Д. Шмелев (ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, МПГУ) посвятил свое выступление “Гендерно нейтральная референция и система русских местоимений” использованию местоимений и их грамматическим свойствам при референции к разнополым множествам, при неизвестности или неопределенности пола референта и при генерализованной референции к лицам. Так, русские вопросительные и неопределенные местоимения относятся к мужскому роду независимо от пола обозначаемого, что может приводить к таким грамматически безупречным, но непривычным формам, как *вышел замуж*, в контекстах “*выясняли, кто из них вышел* (**вышла*) *замуж*”; “*была первой из их класса, кто вышел* (**вышла*) *замуж*”. Род личных местоимений 1-го и 2-го лица ед.ч. зависит от пола обозначаемого лица. Личные местоимения 3-го лица ед.ч. относятся к мужскому, женскому или среднему роду в зависимости от рода существительного, заменяемого местоимением (очевидно, что личные местоимения ср. рода не очень частотны при референции к лицам; ср., впрочем, само существительное *лицо*). Во мн.ч. личные местоимения гендерно нейтральны, что сохраняется и при транспозиции, когда личное местоимение мн.ч. используется для референции к одному лицу (в просторечии). Транспозицию следует отличать от литературного употребления “формального” *вы* для обозначения одного лица; в последнем случае имеет место комбинация согласовательных характеристик ед. и мн.ч., и в ед.ч. у *вы* различается мужской и женский род (*вы сами*, но *вам самому* и *вам самой*). По мнению докладчика, современные представления о политкорректности и гендерной небинарности могут привести к тому, что транспозиция личных местоимений мн.ч. перестанет считаться признаком просторечия и войдет в литературный стандарт. Особыми свойствами в отношении грамматического рода характеризуется маркирующее фокус

эмпатии местоимение *ты* в обобщенном значении или нуль, допускающий кореферентность с таким местоимением.

В завершение первого пленарного заседания собравшиеся выслушали доклад “Типологические и семантико-прагматические черты категории лица в русской грамматике: экспансия в синтаксис, максимальная в Славии активность безличных предложений, разнообразие ирреальных модальностей”. Его автор, проф. Н.Б. Мечковская (Белорусский государственный университет), говорила о разной степени представленности категории лица в языках разных семей и групп. В ареале славянских языков степень обязательности выражения грамматического лица в предложении уменьшается в направлении с запада на восток. Это проявляется в возрастании структурно-семантического разнообразия в выражении грамматического лица, а также в разнообразии и широкой употребительности моделей безличных и инфинитивных предложений. Профессор Мечковская затронула и предпосылки активности безличных предложений в восточнославянских языках, особенно в русском: это трансформация древнерусской системы прошедших времен глагола, когда прежние перфект и плюсквамперфект всё шире употреблялись без связки (личных форм глагола *быти*), а их элевые причастия (*несль, жиль*) вытесняли формы аориста и имперфекта, обладавшие значением лица.

В этот же день прозвучал ряд секционных докладов.

На секции “Язык и категория лица” ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова И.Б. Левонтина и профессор А.Д. Шмелев в докладе “Грамматика лица: существительное *лицо* в русской грамматике” отметили нетривиальное поведение сущ. *лицо, личность*, *особа*, *персона* в значении, соответствующем англ. *person*; в частности, они могут употребляться и как одушевленные, и как неодушевленные: “*Но, граждане судьи, обратите внимание, что создал эту историю не я, а именно те* ***лица, которых*** [одуш.] *я перечислил*” (В. Войнович) vs. “*Прежде чем писать мои романы, я долго изучал эпоху и людей того времени, особенно главные исторические* ***лица, которые*** [неодуш.] *изображал*” (И. Лажечников).

Профессор Н.Г. Брагина (ИРЯ им. А.С. Пушкина, РГГУ) в докладе “Ответные реплики с опорным компонентом *сам* (*-а, -и*): прагматика употребления и словарное описание” предложила типологию эмоционально маркированных ответных “возвратных” реплик-повторов “*Сам (-а, -и) + повтор слова / словосочетания*” и подобных.

К.ф.н. Ю.Б. Пикулева (УрФУ) в докладе «“*Перед лицом пандемии*”: к вопросу о динамике метафорического образа социального врага» показала, что в публицистических контекстах существительное, с которым часто сочетается предлог *перед лицом*, может указывать на значимую общественную проблему, угрозу. В 2020–2021 гг. росло употребление оборотов *перед лицом пандемии, перед лицом коронавируса* (до этого момента в СМИ оборот *перед лицом пандемии* регистрировался один-два раза в год в связи со Всемирным днем борьбы со СПИДом). В целом последние полтора года формируется антропоморфная метафорическая модель ПАНДЕМИЯ – ЧЕЛОВЕК, представленная фреймами “Часть тела человека”, “Качества человека”, “Действия человека” (*костлявая рука пандемии; безжалостная пандемия ковида; пандемия убивает сферу услуг и развлечений* и др.).

Кроме того, прозвучали доклады профессора Б.Н. Нормана (БГУ) “Феномен раздвоения личности с точки зрения лингвистики”, профессора Л.В. Зубовой (СПбГУ) “Слово *лицо* в поэтических преобразованиях”, профессора И.В. Высоцкой (НГУ) «Немного о “цвете лица”: взгляд лингвиста», доцента Я.А. Астаховой (РГГУ) «*Лицо* и его синонимы в конструкциях “X как X”, “X так X”», к.ф.н. В.А. Марьянчик (Поморский госуниверситет им. М.В. Ломоносова) “Лицо человека как сфера-источник метафор со значением интенсивности: вполуха и вполглаза”.

На секции “Категория лица в дискурсе” были прочитаны доклады профессора О.А. Леонтович (ВГСПУ) «“Лицо”, социальная видимость и сверхвидимость в российском и зарубежном публичном дискурсе», профессора М.Ю. Федосюка (МГУ) «С чем связано чередование форм повествования от 3-го и от 1-го лица в романе А. Чудакова “Ложится мгла на старые ступени”», профессора МГПУ О.А. Сулеймановой “Личность Другого в академическом дискурсе”, профессора Е.В. Мариновой “Виртуальная личность в Сети и литературе: языковые средства выражения понятия” (ННГУ), профессора И.В. Тивьяевой (МГПУ) “Культурно-когнитивный профиль личности дневниста и коллективная память о пандемии”, профессора И.И. Баклановой (МИФИ) “Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя”, профессора Л.И. Богдановой «Что означает в русском языке “*потерять лицо*”?».

Следующий день, 29 октября, начался работой еще двух секций.

На секции “Прагматика и категория лица” в докладе профессора Л.Л. Федоровой (РГГУ) “Лицо под маской и без” рассматривались способы описания мимики, опознаваемой под маской, в частности в выражениях *щурить глаза*, *задрать нос*. Другой вопрос доклада был связан с тем, как описывают лицо без маски современные молодые люди, на что обращают внимание. В ответах появились интересные примеры: *губы-свисток*, *монобровь*, *эльфийские уши*, *дреды* и *брейды*, которые позволяют определить общность субкультуры. Изменение в описании лица в диахронии было проиллюстрировано примерами из Тургенева: *нос с горбиной*, *ямки на щечках*, нормальными для того времени.

Кроме того, выступили профессор К.М. Шилихина (ВГУ) с докладом “Ирония в дискурсе: сохранение или утрата лица?”, д.ф.н. О.Е. Фролова (МГУ) с докладом “Конструкции *от лица*, *в лице* и *юридическое лицо*”, профессор В.Г. Кульпина (МГУ) – “Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств”, профессор Е.Г. Борисова (МГЛУ) – “Грамматические и прагматические явления, чувствительные к категории лица”, доцент Н.Ю. Гурьева (РГГУ) – “Статусная и ролевая атрибуция позиций коммуникантов в деловом дискурсе”, к.ф.н. И.В. Фуфаева (РГГУ) – “Тенденции в замене русских номинаций лиц диминутивами”, докторант И. Рогожин-Спита (Академия Або, Финляндия) – “Не женское лицо русского диминутива”.

На секции “Лицо и языковые контакты” прозвучали доклады председателя Общенемецкого профессионального объединения “Русский язык и многоязычие” профессоров А. Бергманн (Берлинский университет им. Гумбольдта) и Е. Протасовой (Хельсинкский университет) “Двуязычная личность: самоанализ и самокритика”; профессора Э. Бялэк (Университет Марии Кюри-Склодовской, Польша) “Обращение в русском и польском языках”, профессора С.Л. Нистратовой (университет Ка̀ Фоскари, Италия) «Особенности функционирования “ТЫ–ВЫ” форм в русской и итальянской лингвокультуре», профессора С. Славковой (Болонский университет) “Вид и время глаголов со значением просьбы и совета в перформативных высказываниях в русском и болгарском языках”, профессора А.Э. Левицкого (МГУ) “Что есть у человека на лице? (анализ корпусных данных английского и русского языков)”, профессора О.В. Евтушенко (НГЛУ) “Перед лицом: концептуальные изменения в условиях активных языковых контактов”.

Заключительное пленарное заседание 29 октября началось выступлением “*Лицо* в контексте коронавирусного дискурса (на материале корпусного исследования)”. Профессор И.Т. Вепрева (УрФУ) посвятила свой доклад употреблению русской лексемы *лицо* в пандемийном 2020 году. Частотность слова осталась постоянной: по данным корпуса Интегрум в 2019 году – 250 331 употребление, в 2020 году – 237 560. Однако на порядок выросла частотность коллокаций *трогать / не трогать лицо* (2019 г. – 50 употреблений; 2020 г. – 802), *маска на лице* (2019 г. – 152 употребления, 2020 – 1118). Лексема *маска*, ставшая ключевым словом года, имплицитно указывает на лицо, связывая с ним персональную защиту; в свете этого показателен более чем пятисоткратный рост частотности сочетания *носите маски* (2019 г. – 210 употреблений, 2020 г. – 11 973). Активизировался стилистический синоним слова *лицо – морда*, от которого образовался неологизм *голомордые* (о людях, которые не носят маски). На фоне переосмысления слова *намордник* как агрессивного варианта лексемы *маска* появились шутки о собаках и хозяевах, меняющихся ролями.

Профессор Р. Ратмайр (Венский экономический университет) в докладе “Самопрезентация больного человека” избрала предметом личное обращение в институциональном дискурсе и русско-австрийские сходства и различия в этой сфере. По ее мнению, обращения – интересный объект сопоставительной прагматики, так как выражают вежливость (невежливость), соблюдение (нарушение) этикета, признание (непризнание) социального статуса собеседника или его (статуса) правильную (неправильную) оценку. Докладчица рассмотрела коммуникативные практики в трех жанрах: собеседования при приеме на работу, общения на кафедре славянских языков и в санатории. Материалом для анализа послужили записи коммуникативных актов.

Профессор Т.В. Шмелева (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого) в докладе “Лицо как модусный субъект изъяснительной конструкции” рассмотрела нетривиальные случаи замещения позиции субъекта модусной пропозиции в медиадискурсе. Среди них отмечены случаи медийной метонимии, когда имя автора занимает обозначение медиаинституции, как в предложениях «*В чем причина и так ли удобно это приложение, разбирались* “*Известия*”»; «“*Фонтанка*” *писала, как медиков просят ужаться из-за недостатка средств*». Не менее популярны в современных медиа предложения с политической метонимией, когда позиция лица

как представителя властных структур замещается обозначением локуса власти – топонимом (“*РФ призывает США уточнить детали своего предложения по урегулированию конфликта*”) или наименованием сооружения – *Кремль, Пентагон, Белый дом* и под. Такие субъекты регулярно замещаются локативами, напр., “*В Кремле считают, что правительство способно выйти на 4% роста в этом году*”. Таким образом, анализ показал, что медиадискурс склонен к метонимическому использованию позиции субъекта, как бы предоставляя слово медийным и социальным институциям и локусам власти.

Доклад профессора И.А. Шаронова “Прагматика лица и времени в русских пословицах” был посвящен описанию использования русских пословиц в диалогической речи. Пословицы воспроизводятся в речи в качестве неоспоримых сентенций, передающих народный опыт, накопленный столетиями; традиционно их изучают в области культурологии и фразеологии. Прагматика пословиц, то есть способ введения их в диалог, до сих пор почти не оказывалась в фокусе внимания лингвистов. Исследователь показал, что в зависимости от своей семантики и дейктических координат времени и лица пословица служит аргументом разных речевых актов говорящего – признаний, оправданий, советов, отказов и т.д., либо сама выступает в качестве косвенного речевого акта, совмещая речевую интенцию с ее аргументацией. Например, признание в обнаруженном незнании чего-л., в допущенной ошибке можно аргументировать пословицей “*Век живи, век учись*”, а желающему уклониться от взятого на себя обязательства можно отказать пословицей: “*Назвался груздем – полезай в кузов!*”. По мнению докладчика, прагматическая информация должна дополнять толкование пословиц в словарях, может быть полезной как в обучении этим единицам современных школьников, так и в преподавании русского языка как иностранного.

Профессор В.И. Карасик сделал доклад “Лицо и репутация: лингвокультурные характеристики”, в котором противопоставил два типа оценочного позиционирования – лицо и репутацию. В первом случае субъект стремится вести себя так, чтобы сохранить самоуважение, во втором случае – чтобы не потерять уважение со стороны других людей. Эти поведенческие стратегии имеют множественное и вариативное коммуникативное выражение и характеризуются этнокультурной и социально-групповой спецификой. Были выделены следующие модусы сохранения и потери лица и репутации: 1) сохранение лица и репутации, 2) сохранение лица, но потеря репутации, 3) сохранение репутации, но потеря лица, 4) потеря лица и репутации. Ситуации сохранения либо потери лица и/или репутации соотносятся с выбором в условиях риска: обещанием и его выполнением, демонстрацией лояльности либо протеста, просьбой либо демонстративным отказом от просьбы, извинением либо отказом от извинения, пониманием намека либо имитацией его непонимания и др.

Завершилась содержательная часть конференции докладом заместителя директора по научной работе Института русского языка имени В.В. Виноградова, к.ф.н., Е.Я. Шмелевой «Синонимический ряд с доминантой “лицо” от “лика” до “хари”». Все двадцать с лишним синонимов слова *лицо* в значении ‘передняя часть головы человека’, за исключением слова *лик*, стилистически окрашены и являются сниженными, вульгарными или грубыми: *морда*, *рожа*, *физиономия*, *харя* и др. Интересны случаи соответствия стилистически окрашенного слова в переводных русских текстах стилистически нейтральному выражению оригинала (так, в русских переводных текстах часто встречается слово *личико*). Докладчица рассмотрела происхождение и значение членов синонимического ряда, в том числе уменьшительных слов, таких как *мордочка* или *рожица*, а также слов, которые входят в этот ряд только в одном из своих значений, таких как *портрет* или *фотокарточка*. Материалом исследования послужили данные основного и параллельного корпуса НКРЯ.

В заключение руководитель оргкомитета конференции профессор И.А. Шаронов подвел ее итоги, поблагодарил всех ее участников как за яркие доклады, так и за активную и заинтересованную дискуссию и подчеркнул, что в процессе работы конференции в полной мере удалось раскрыть, “сколь *многолико* слово *лицо*”. По материалам конференции планируется издание тематического сборника статей.

И.В. Фуфаева
Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
iriel@inbox.ru

Irina V. Fufaeva
Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Russian State Universiyu for the Humanities (RSUH),
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
iriel@inbox.ru

Дата поступления материала в редакцию: 29 ноября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 декабря 2021 г.
Статья принята к публикации: 27 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on November 29, 2021
Revised on December 23, 2021
Accepted on December 27, 2021
Date of publication: February 28, 2022

Для цитирования: *Фуфаева И.В.* XVI Международная конференция “Лицо в языке и коммуникации” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 114–119. DOI: 10.31857/S160578800018928-6

For citation: Fufaeva, I.A. *XVI Mezhdunarodnaya konferenciya “Lico v yazyke i kommunikacii”* [The 16th International Conference “Person/Face in Language and Communication”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 114–119. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018928-6

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.